PG
3337
K68N28
1829
c.1
ROBA

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00301117 8

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

НА ТРАВѢ.

(ИЗЪ ОЧЕРКОВЪ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

РАЗСКАЗЪ

ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, 138—140.
1889.

LIBRARY
SEP 18 1936
UNIVERSITY OF TORONTO

I.

Веселый походъ.

Весенній кампаментъ кончился. Іюнь пришелъ на смѣну мая. Эскадроны изъ полковаго сбора расходятся «на траву». «Трава»—это кавалерійскіе каникулы. Съ «травою» начинается «вальготное» лѣтнее время и людямъ, и конямъ. И тѣ, и другіе въ теченіе шести недѣль, а иногда и цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, отдыхаютъ отъ фронтовой службы весенняго сбора: не нужно надѣвать на себя никакой сбруи—ни мундировъ, ни шапокъ, ни амуниціи—знай себѣ одно только дѣло: уборку коня, да черезъ день ступай въ луга косить сѣно. День косьбы и день отдыха, а за косьбу—и лучшій кусокъ мяса, и лишняя чарка водки. Кони въ это время раскованы и овса уже не получаютъ, а ѣдятъ одну свѣжую траву, которая необходима для нихъ въ гигіеническомъ отношеніи, какъ кровоочистительное средство, послѣ чего, съ переходомъ на овесъ, лошадь становится бодрѣе и лучше возьметъ настоящее, прочное тѣло, которое у кавалеристовъ называется «овсянымъ тѣломъ», въ отличіе отъ дутаго и непрочнаго «сѣннаго».

Съ вечера принесли приказъ по полку. Что тамъ такое?—прочитаемъ: «Съ окончаніемъ весенняго полковаго сбора, предписываю съ завтрашняго числа эскадронамъ выступить на травяное довольствіе въ мѣста ихъ расположенія». Прекрасно. Степанъ! «взводный» былъ?

— Заходилъ, ваше благородіе. Сказывалъ, что майоръ приказали въ семь часовъ утра выступать.

— У тебя вещи уложены?

— Все готово-съ. По утречку подвода выѣдетъ... я ужъ распорядимшись.

Утро свѣтлое, погожее. День будетъ жаркій, но до мѣста дойти успѣемъ еще до солнопёку; придемъ часу въ одиннадцатомъ.

Я вышелъ за городъ, къ мосту, чтобы встрѣтить тамъ эскадронъ и идти съ нимъ походомъ. На мосту уже стояла небольшая кучка нашихъ эскадронныхъ юнкеровъ и офицеровъ. Всѣ въ походной формѣ, въ лядункахъ и при пистолетахъ. Одни изъ офицеровъ только проводятъ свои эскадроны, доставятъ себѣ маленькое удовольствіе прогулки верхомъ въ прекрасную погоду и вернутся въ городъ; другіе, командированные полковымъ приказомъ, пойдутъ на траву со своими частями. Я былъ въ числѣ этихъ послѣднихъ. Тутъ же, около этой группы, стояли двое деньщиковъ «съ запасами».

Вотъ на подгородной дорогѣ показались облака пыли, сквозь которую мелькаютъ вороные кони, бѣлые кителя и острія пикъ сверкаютъ искрами на солнцѣ. — «Наши подходятъ»! Эскадронный командиръ, красиво собравъ горячаго, виднаго коня, короткимъ галопомъ молодцовато подъѣзжаетъ къ нимъ навстрѣчу,—грохотъ отвѣтнаго отклика на его «здорово, люди»! бодрымъ и свѣжимъ звукомъ несется въ утреннемъ воздухѣ. Эскадронъ проходитъ мимо насъ и на минутку останавливается за мостомъ. Рейткнехты подводятъ лошадей офицерамъ и принимаютъ отъ деньщиковъ дорожные «запасы», которые спѣшно и ловко привычною рукою унаковываютъ въ свои кабуры. Вызвали пѣсенниковъ впередъ и тронулись далѣе.

Дорога идетъ длинною аллеей и теряется за пригоркомъ. Старые вязы, тополи, березы и рябины кидаютъ на нее прохладную тѣнь и тихо шелестятъ росистою листвою. Офицеры вольно ѣдутъ-себѣ впереди и нѣсколько въ сторонѣ отъ эскадрона, стараясь подъ широкими и кудрявыми вѣтвями доставить своимъ конямъ прохладу утренней прозрачной тѣни. Ароматъ сигары порою смѣшивается съ запахомъ русской махорки, который, будучи доносимъ иногда легкимъ вѣтеркомъ, становится какъ-то особенно пріятенъ на воздухѣ.

Прошли двѣнадцать верстъ незамѣтно. На дорогѣ, подъ сѣнью высокихъ, старыхъ деревьевъ, стоитъ одинокая, бѣлая корчма, извѣстная подъ именемъ «Мурованки». Взглянуть на нее—видно, что древняя, прочная постройка. Въ ея сыроватыхъ и мрачныхъ стѣнахъ въ 1863 году пировали повстанцы, не помышляя о роковой близости генерала Ганецкаго. Вотъ въ сторонѣ крестъ, на которомъ хотѣли распять казака, случайно перехваченнаго на дорогѣ; только не удалось: ловкій казакъ какъ-то хитро успѣлъ увернуться и удрать на своемъ

скакунѣ отъ крестной смерти. Здѣсь эскадрону сдѣлали привалъ. Людямъ—обычная чарка водки, а офицеры съ юнкерами, расположившись на землѣ подъ деревомъ, распаковываютъ свои «запасы». Походная фляга идетъ въ—круговую, и неизмѣнная жареная курица кромсается на части; неизмѣнные пирожки съ капустой, словно изъ рога изобилія, сыплятся, на траву изъ неловко развернутаго бумажнаго тюрика. Умный эскадронный Шарикъ, почуявъ съѣстное, подбѣжалъ дробною побѣжкой, вѣжливо виляя хвостикомъ, и усѣлся тутъ же, умильно поглядывая на закуску и засматривая въ глаза всѣмъ и каждому: неужели, молъ, вы, господа офицеры, Шарика позабудете? Въ офицерской кучкѣ и въ солдатскихъ группахъ идетъ какой-то, повидимому, безпричинный, но добродушно веселый смѣхъ и говоръ: погода это, что-ли, дѣйствуетъ такимъ образомъ—не знаю, только очевидно, что всѣмъ очень весело.

Солнце начинаетъ уже печь — и какъ пріятно теперь на нѣсколько минутъ растянуться-себѣ, заложивъ руки подъ голову, на сыроватой землѣ, подъ деревомъ, которое кидаетъ на тебя свою колеблющуюся, золотисто-зеленоватую тѣнь, а сквозь эту тѣнь такъ ласково пробиваются мелкими, свѣтлыми пятнами—какъ сквозь сѣтку—лучи горячаго солнца! Мягко, хорошо, привольно!.. Голубое, глубокое небо сквозитъ изъ-за листьевъ. Взоръ лѣниво и безпечно блуждаетъ вокругъ, переходя отъ вѣтвей и неба къ тѣмъ полямъ, по которымъ волнуются легкими тѣнями еще зеленыя, но уже колосистыя нивы, и сквозь шепотъ листьевъ слышно, какъ дождемъ сыплятся надъ этими нивами звуки безчисленныхъ жаворонковъ и какую тревогу бьютъ въ травѣ кузнечики... Подъ эти звуки начинаешь будто забываться немного полудремотой, какъ вдругъ — «Садись»!—и снова на коня, и снова пошелъ походомъ!

II.

Ильяновскій фольваркъ.

Свернули съ большой дороги влѣво и пошли проселкомъ. Впереди засинѣла гора, покрытая сосновымъ боромъ. Это—Гродненская пуща зачинается. На склонѣ этой горы, среди лѣса, стоитъ Ильяновскій фольваркъ, куда мы теперь

направляемся. Дорога идетъ открытыми полями, по которымъ торчатъ высокіе покосившіеся кресты, разбросанные и тамъ, и сямъ во всѣ стороны; кое-гдѣ видны соломенныя кровли убогихъ деревушекъ, кое-гдѣ возвышаются группы высокихъ тополей, являющіяся неизмѣнною принадлежностью панскихъ фольварковъ.

Солнце печетъ. За эскадрономъ стоитъ облако пыли, поднятое конскими копытами. Жара, очевидно, умаяла людей, и они примолкли; а въ этой тишинѣ, сквозь мѣрный и однообразный конскій топотъ, еще слышнѣе и отчетливѣе сыплятся съ неба серебристыя трели жаворонковъ, а подъ ногами кузнечики поднимаютъ такой оживленный концертъ, что кажется, будто это сама трава стрекочетъ.

Но за то, послѣ жаркой и пыльной духоты, какъ освѣжительно обвѣяла насъ вдругъ сыроватая прохлада густаго лѣса! Запотѣлые и запыленные кони подбодрились и зафыркали, чуть только вступили подъ широкую тѣнь, между людьми тоже легкій говорокъ пошелъ — и примолкшіе было пѣсенники дружно подхватили вдругъ веселую пѣсню, которая среди частаго лѣса раздается какъ-то громче, ярче, полнѣе.

Что за веселый этотъ лѣсъ Ильяновскій! Характеромъ своей растительности онъ нѣсколько напоминаетъ Бѣловѣжскую пущу, хотя, конечно, въ миніатюрѣ и гораздо бѣднѣе. Огромный, широкій и раскидистый орѣшникъ густо заслоняетъ нашу дорогу съ обоихъ боковъ ея, а надъ нимъ вѣковые дубы простираютъ крѣпкія вѣтви и старые грабы раскидисто сплетаютъ, въ видѣ навѣса, свою ярко-зеленую, изящную и веселую зелень. Прелесть, какъ хороша эта короткая лѣсная дорога!

И вдругъ, повѣяло на насъ чуднымъ ароматомъ розы и жасмина.— Что это за запахъ? откуда онъ несется? Мы съ двумя товарищами свернули съ дороги въ сторону; продираясь между хлѣсткими зелеными вѣтвями, углубились въ лѣсную чащу, которая, то и дѣло, прерывается небольшими полянками и лужайками, каждая въ нѣсколько саженей въ окружности,—и вдругъ открываемъ въ этой чащѣ одичалые кусты бѣлыхъ розъ, усѣянные пышными цвѣтами, и купы одичалаго садоваго жасмина, на которыхъ, какъ звѣздочки, сверкаютъ бѣлоснѣжные гроздн цвѣтовъ. Откуда вдругъ такая роскошь среди этой глуши? Мы съ коня нарвали нѣсколько пышныхъ пучковъ розъ и жасминовъ, съ которыхъ скатывались еще рѣдкія капли росы, и привезли ихъ къ эскадрону. Товарищи наши были пріятно изумлены этимъ неожиданнымъ сюрпризомъ. — «Гдѣ, что и какъ, и откуда взялись такіе пышные

букеты?» посыпались на насъ разспросы. Эскадронный командиръ, который уже не первое лѣто стаповалъ въ этихъ мѣстахъ «на травѣ», разрѣшилъ наше недоумѣніе: здѣсь нѣкогда былъ обширный паркъ знаменитаго польскаго графа Валицкаго. Этотъ прекрасный паркъ давно уже заброшенъ, забытъ, заглохъ и превратился въ одичалый лѣсъ, гдѣ мѣстами сохранились еще и до нашихъ дней одичалые кусты жасмина, розъ и сирени. Если нѣкогда воздѣланный паркъ былъ великолѣпенъ, судя по разсказамъ,—то нынѣ этотъ лѣсъ съ такою роскошью цвѣтовъ, по моему мнѣнію, сталъ еще лучше, еще прекраснѣе, послѣ того, какъ время наложило на него свою руку и щедро впустило въ него столь поэтическую одичалость.

Но вотъ лѣсъ кончился. Поднимаемся на плавно-волнистую возвышенность, и вдругъ—предъ нами открывается зеркальная поверхность широкаго, большаго озера, которое сверкаетъ своимъ серебромъ между кудрявыми купами деревьевъ. Далеко, вправо, видны надъ озеромъ черепичныя и соломенныя кровли, башенки костела, куполъ и колокольня церкви; это—мѣстечко Езёры, принадлежавшее нѣкогда тому же графу Валицкому,—а ближе, налѣво, возвышается гора, покрытая высокимъ, синимъ боромъ. Это уже Гродненская пуща. Березы, клены, вязы, ольха и осина спускаются къ самому берегу озера, гдѣ, между зеленью, видны кое-какія постройки, сараи, домикъ, около котораго вьется бѣлый дымокъ изъ-подъ вѣтвистаго навѣса, подъ которымъ устроена эскадронная кухня, а выше, на пригоркѣ, стоитъ съ распростертыми крыльями вѣтряная мельница. Мы опять вступаемъ подъ тѣнь деревьевъ и поднимаемся въ гору. Здѣсь встрѣчаютъ насъ квартиръеры, отъ которыхъ отдѣляется унтеръ-офицеръ и оффиціальнымъ шагомъ подходитъ рапортовать эскадронному командиру. Шарикъ узналъ с в о и х ъ, узналъ знакомыя мѣста—и потому, задравъ кверху свой крендель, бойко пускается въ припрыжку впередъ, оглашая воздухъ веселымъ и звонкимъ лаемъ.

Неподалеку отъ озера, въ лѣсу, на полугорьѣ, подъ сѣпью высокихъ сосенъ Гродненской пущи, притаился одинокій Ильяновскій фольваркъ. Въ этомъ лѣсномъ убѣжищѣ нашъ эскадронъ проводитъ время своей «травы». Взводы тотчасъ же разбились по фольварковымъ сараямъ, которые безъ всякаго порядка разбросаны и тамъ, и сямъ, между лѣсомъ, но не-

далеко одинъ отъ другаго. Люди устроили стойла и тутъ же по сараямъ приладили свои собственныя постели.

— Теперича мы, значитъ, на дачѣ!—осклабясь широкою улыбкой, съ видимымъ удовольствіемъ говоритъ Каковинъ, эскадронный запѣвало, распустивъ свою аммуницію и разстегивая китель. Прикрасная трава будетъ, братцы!

— А ты почемъ знаешь? откликается ему «взводный».

— Потому и знаю, что день нонича очень прикрасный: ишь, какая теплынь! И свѣту сколько! Ужъ это у меня первая примѣта такая,—какъ выходить на траву, коли ежели день погожій—и вся трава веселая будетъ.

— Твоими бы устами да медъ пить!

— Ну, медъ не медъ, а водочки, дастъ Богъ, своими устами хватимъ!

Входитъ въ сарай эскадронный вахмистръ—освѣдомиться, хорошо ли въ каждомъ взводѣ устроились люди и лошади.

— Андрею Васильевичу!.. Съ травою честь имѣемъ поздравить!—летятъ ему навстрѣчу привѣтливые голоса веселыхъ солдатъ.

Офицеры вмѣстѣ съ «майоромъ», т. е. эскадроннымъ командиромъ, располагаются по комнатамъ панскаго дома, являющагося лучшимъ образцомъ тѣхъ помѣщичьихъ обиталищъ, которыя въ Литвѣ и въ Польшѣ извѣстны подъ характернымъ именемъ соломенныхъ дворцовъ. Это былъ «п р а в д з и в ы п а л а ц ъ с л о м я н ы». Низенькій, деревянный, одноэтажный, съ небольшими окривѣлыми окнами, рамы которыхъ качаются на плохихъ желѣзныхъ петляхъ, съ бревенчатыми балками поперекъ потолка, съ бѣленными стѣнами и разщелистымъ поломъ, крытый соломенною кровлей, — домъ этотъ служилъ нѣкогда убѣжищемъ одному изъ самыхъ яркихъ и характерныхъ представителей «старожитной Литвы» конца прошлаго столѣтія.

Теперь онъ пустъ и оживляется на нѣсколько недѣль только лѣтомъ, когда его займутъ подъ постой наши офицеры. Въ соломенной кровлѣ, поросшей темнозеленымъ бархатнымъ мхомъ, гнѣздится множество воробьевъ; вдоль бѣленыхъ стѣнъ, между переплетовъ, растутъ абрикосы; рѣшетчатыя крылечки густо увиты зеленью хмеля и дикаго винограда; по этимъ стѣнамъ и по вьющейся зелени въ солнечный полдень бѣгаютъ шустрыя ящерки, а подъ половицами гнѣздятся ужи, которые иногда сквозь широкія щели заползаютъ и въ комнаты.

Сначала такое сосѣдство казалось не особенно пріятнымъ, но вскорѣ мы совсѣмъ привыкли къ этимъ безвреднымъ змѣямъ.

Странное и какое-то смѣшанное впечатлѣніе производитъ этотъ «палацъ сломяны», брошенный среди лѣса и заглохшаго парка, въ южной части громадной Гродненской пущи, на берегу широкаго и прекраснаго озера. Поглядѣть на него снаружи — низенькій, одноэтажный, деревянный домишко подъ соломенною кровлею, построенный глаголемъ, и только. Кажись бы, ровно ничѣмъ не отличается отъ сотенъ тысячъ подобныхъ же шляхетскихъ соломенныхъ палацовъ, въ изобиліи раскинутыхъ по всей Литвѣ и вообще по западному краю. Но чуть вступишь подъ его убогую кровлю, тутъ и начинается это странное, смѣшанное впечатлѣніе. Внутри рядъ низенькихъ, темноватыхъ комнатъ, съ маленькими окнами, съ потолкомъ, настланнымъ поверхъ поперечныхъ балокъ, съ бѣленными стѣнами и некрашенымъ поломъ. Мебель сбродная, стародавняя и дубовато-крѣпкая, всѣмъ характеромъ и видомъ своимъ обличающая несомнѣнное мѣстное происхожденіе. Все сѣро и скудно, и ото всего вѣетъ какимъ-то сыровато-затхлымъ холодомъ запустѣнія и нѣкоторою мрачностью. Но тѣмъ сильнѣе, тѣмъ поразительнѣе дѣйствуетъ на васъ неожиданный видъ драгоцѣнныхъ предметовъ самой изысканной артистической роскоши, собранныхъ въ этихъ бѣдныхъ стѣнахъ, подъ этою соломенною кровлею. Въ углахъ стоятъ китайскіе боги и японскія фарфоровыя вазы, болѣе чѣмъ въ полтора аршина вышиною, испещренныя затѣйливою живописью; на окнахъ и на простыхъ тесовыхъ столахъ тоже красуются подобные же сосуды, нѣсколько меньшихъ объемовъ, носящіе на себѣ клейма китайскихъ, японскихъ и древнихъ мавританскихъ мастеровъ, рядомъ съ произведеніями королевско-саксонской и севрской фабрикъ. Стеклянный шкафъ, на которомъ скалитъ зубы чей то желтый черепъ, облеченный въ древній рыцарскій шлемъ, наполненъ дорогимъ и рѣдкимъ хрусталемъ и коллекціей дорогихъ яшмъ, аметистовъ, лазоревато камня, малахитовъ и другихъ наиболѣе цѣнныхъ горныхъ породъ. На стѣнахъ, въ старинныхъ золоченыхъ рамахъ, почернѣвшихъ отъ времени, висятъ прекрасныя картины, принадлежащія кисти старыхъ, хорошихъ мастеровъ испанской и французской школы. Но, Боже мой, въ какомъ запущеніи, въ какомъ упадкѣ всѣ эти драгоцѣнныя коллекціи! Иныя картины прорваны и облуплены, хрусталь побитъ, нѣкоторыя вазы сломаны... Жалко и больно смотрѣть на эти дивныя вещи,—и вмѣстѣ съ тѣмъ становится досадно на невѣжественную небрежность людей, несумѣвшихъ соблюсти и сохранить ихъ какъ должно. Но какой

странный контрастъ представляютъ всѣ эти предметы искусства и роскоши съ этими потолочными балками, съ этими бѣдными, низенькими стѣнами соломеннаго палаца! Странное присутствіе ихъ въ этихъ нежилыхъ, мрачныхъ и скудныхъ покояхъ кажется вамъ какимъ-то рѣзкимъ диссонансомъ,—и невольно рождается вопросъ: кому, когда, зачѣмъ и для чего пришла идея совокупить и погребсти отъ свѣта всѣ эти коллекціи подъ непривѣтливою кровлею убогаго домишки, одиноко брошеннаго среди пустыря Гродненской пущи?

Тотъ, кто сдѣлалъ это, былъ, въ своемъ родѣ, замѣчательнымъ человѣкомъ, и память о немъ сохранилась по преданію еще и доселѣ, далеко за предѣлами Ильяновскаго фольварка.

III.

Авантюристъ-магнатъ прошлаго вѣка.

Это былъ нѣкто Валицкій, польскій шляхтичъ, называвшій себя—правильно или неправильно—графомъ. Жизнь его, исполненная разныхъ приключеній, носила на себѣ загадочный и отчасти романическій характеръ. Одинъ изъ замѣчательныхъ авантюристовъ, почти современникъ знаменитаго Каліостро, шляхтичъ Валицкій являлъ въ себѣ нѣкоторыя типическія черты своего времени.

Бѣдный потомокъ захудалаго рода, онъ изъ милости получилъ воспитаніе въ домѣ «крайчаго литевскаго», пана Бучинскаго, гдѣ выказалъ замѣчательныя способности къ наукамъ. Преданіе говоритъ, что когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, панъ Бучинскій, въ силу «старожитнаго» обычая, подарилъ ему бричку, четверку лошадей, пару пистолетовъ, ружье и саблю, снабдилъ бѣльемъ и нѣсколькими перемѣнами платья, да двумя-тремя рекомендательными письмами въ Вильну и въ Варшаву, и закрѣпилъ за нимъ мальчика-казачка, да кучера; затѣмъ будто бы призвалъ его въ лучшую парадную комнату своего могилевскаго дома и приказалъ гайдукамъ растянуть его на коврѣ—ибо, въ качествѣ родовитаго шляхтича, Валицкому не подобало быть растяну-

тымъ на голомъ полу, а непремѣнно на коврѣ, и не иначе какъ на хорошемъ коврѣ;—послѣ этого панъ Бучинскій, крайчій литевськой, въ своемъ «властнемъ» присутствіи, тоже въ силу «старожитнаго» обычая, велѣлъ гайдукамъ влѣпить ему, здорово живешь, «сто бизуновъ», т. е. плетей, собственно, не ради какого проступка, а просто на добрую память и, по окончаніи столь назидательной операціи, вручилъ юношѣ сто червонцевъ, дозволилъ припасть къ своей ногѣ, дабы почтительно облобызать ее, и пустилъ въ подаренной бричкѣ на всѣ четыре стороны «въ умизги до фортуны», т. е. на волокитство за счастьемъ. Это было въ 1770 или 71-мъ году —и съ тѣхъ поръ о Валицкомъ ни на Литвѣ, ни въ Польшѣ не было слуху. Онъ исчезъ, какъ словно бы сквозь землю провалился. Но вотъ, проходитъ двадцать лѣтъ, въ Варшавѣ закипѣла революція—и въ разгаръ ея, въ этомъ вѣтреномъ, но прелестномъ городѣ вдругъ появляется воспитанникъ пана Бучинскаго,—но какъ появляется!—Съ несомнѣннымъ состояніемъ въ нѣсколько милліоновъ и съ фантастическимъ титуломъ итальянскаго графа! Было много толковъ по поводу этого титула: одни утверждали, будто Валицкій самозванецъ; другіе доказывали, что онъ точно купилъ себѣ графство въ какомъ-то итальянскомъ владѣніи,—но какъ бы то ни было, а достовѣрно, что король Станиславъ-Августъ лично призналъ за нимъ этотъ титулъ и возвелъ въ кавалеры ордена Станислава 1-й степени, за щедрое пожертвованіе значительныхъ суммъ въ пользу учебныхъ заведеній. Еще болѣе толковъ и подозрѣній возбуждало загадочное происхожденіе его милліоновъ. Говорили, будто это громадное состояніе нажито карточною игрою, будто онъ выигралъ брильянты у королевы Маріи-Антуанетты, и примѣшивали къ этому вдобавокъ какое-то темное участіе въ исторіи знаменитаго «ожерелья королевы». Въ Ильяновскомъ фольваркѣ стоялъ прислоненный къ стѣнѣ подрамокъ съ огромнымъ холстомъ, на которомъ замѣчательно-сочною кистью изображенъ во весь ростъ Валицкій, съ задумчивыми голубыми глазами, среди роскошной обстановки богатаго кабинета. Онъ сидитъ въ креслѣ у стола, одѣтый въ богатый французскій кафтанъ; предъ нимъ стоитъ раскрытый ларецъ, наполненный драгоцѣнностями, а въ рукѣ изображены нити крупныхъ брильянтовъ, которыми фантастическій графъ какъ будто небрежно и задумчиво играетъ. *) Картина дѣлаетъ нѣкоторое впечатлѣніе.

*) Въ настоящее время, когда конфискованное Езерское имѣніе, принадлежавшее наслѣднику Валицкаго, замѣшанному въ послѣднемъ возстаніи, куплено гр. Левашевымъ, портретъ этотъ перешелъ во владѣніе семейства г-жъ Костялковскихъ, въ Гродно.

Но всѣ эти невыгодные слухи относились исключительно къ темному и безвѣстному періоду жизни Валицкаго. Съ появленія же въ Варшавѣ и уже до конца своей жизни, онъ—какъ утверждаютъ—будучи страстнымъ игрокомъ, велъ большую игру необыкновенно счастливо, при чемъ, однако, случалось ему и проигрывать огромныя суммы. То былъ золотой вѣкъ азартной игры. Во всѣхъ значительныхъ городахъ Литвы и Польши, не говоря уже о Вильнѣ и Варшавѣ, разныя куртизанки открыто держали у себя игорные дома, куда стекалось польское панство и русское офицерство. Игра шла почти исключительно на одно только золото, которое цѣлыми грудами бывало навалено на зеленомъ полѣ, и ставки шли не на отдѣльныя монеты, а на стопки, т. е. понтеры ставили на карту стаканы, наполненные червонцами безъ всякаго счета. Цѣлыя шайки варшавскихъ шуллеровъ разъѣзжали по всему краю, рыскали по ярмаркамъ, слѣдовали за полками и отрядами, и грѣли руки, гдѣ была лишь малѣйшая возможность. Въ этотъ азартный періодъ героями подобнаго сорта было составлено много значительныхъ состояній, извѣстныхъ на Литвѣ даже до послѣдняго времени; но съ тѣхъ же самыхъ поръ за поляками укрѣпилась и въ Россіи, и въ Европѣ репутація шуллеровъ по преимуществу, и замѣчательно, что даже въ наши дни наиболѣе значительный контингентъ нечистыхъ игроковъ поставляетъ намъ все-таки польская національность.

Появясь въ Варшавѣ, Валицкій сразу произвелъ ослѣпляющее впечатлѣніе на общество. Манеры, тонъ, образъ жизни—все это было имъ усвоено такъ, что внушительно говорило всѣмъ и каждому о привычкѣ графа къ высшему обществу. Его связи со многими дворами и знаменитостями того времени были извѣстны всѣмъ, а баснословная щедрость, веселый нравъ и роскошь жизни доставили ему огромную популярность въ Европѣ. Даже гордые польскіе магнаты наперерывъ стремились пріобрѣсти дружбу и расположеніе загадочнаго графа. Онъ весь вѣкъ остался холостымъ человѣкомъ, но задавалъ балы и принималъ дамъ. Красавицы всей Европы добивались его благосклонности и постоянно толпились вокругъ золотыхъ грудъ игорнаго стола, который никогда не оставался закрытымъ въ его домѣ. Онъ игралъ въ высшей степени хладнокровно, съ тѣмъ «пріятнымъ изяществомъ», которое считается наилучшимъ украшеніемъ хорошаго игрока. Никто не умѣлъ съ такимъ спокойствіемъ и любезностью проигрывать и отдавать громадные куши, какъ панъ грабя Валицкій,—но за то же никто не могъ и нака-

зывать болѣе жестокимъ образомъ тѣхъ шуллеровъ, которые шайками врывались въ его домъ съ цѣлью пообчистить любезнаго графа. Замѣтивъ противъ себя комплотъ, онъ до послѣдней питки обиралъ честную компанію, говоря ей въ назиданіе: «conte coquin—coquin et demi!» и затѣмъ сейчасъ же отдавалъ весь выигрышъ въ пользу бѣдныхъ.

Что касается до темнаго періода его жизни, то тутъ разсказываютъ слѣдующіе факты:

Получивъ отъ пана Бучинскаго сто бизуновъ и сто червонцевъ, молодой человѣкъ укатилъ изъ Могилева и предался игрѣ. Фортуна иногда ему улыбалась, но чаще поворачивалась спиною къ своему искателю и довела его въ одну прескверную ночь до того, что и бричка, и кони, и бѣлье и казачекъ съ кучеромъ—все это осталось въ рукахъ шуллеровъ, а Валицкій очутился маркеромъ въ одномъ изъ лембергскихъ трактировъ. Долго влачилъ онъ это незавидное состояніе, посвящая все свободное время изученію карточныхъ фокусовъ, разсчетовъ и таинствъ игры,—и успѣлъ довести ловкость рукъ своихъ и соображеніе до степени геніальнаго совершенства. Въ такомъ-то положеніи столкнула его однажды судьба съ извѣстнымъ польскимъ магнатомъ, княземъ Фр. Сапегою, который, зайдя въ трактиръ поиграть на бильярдѣ, случайно обратилъ вниманіе на наружность и внѣшній лоскъ ничтожнаго маркера. Узнавъ, что въ этой должности состоитъ родовитый польскій шляхтичъ, Сапега не потерпѣлъ такого «униженія» своего сословія и взялъ съ собою Валицкаго въ Вѣну, гдѣ онъ и состоялъ нѣкоторое время у князя «на ласка́вемъ хлѣбѣ» въ качествѣ приживальщика, въ числѣ подобныхъ же шляхтичей, составлявшихъ дворъ и свиту знаменитаго магната. Отъѣзжая по дѣламъ въ Польшу, Сапега оставилъ Валицкаго въ Вѣнѣ и далъ ему денегъ «на разживу». Съ этого-то и пошелъ уже въ гору воспитанникъ Бучинскаго.

Однажды ночью онъ металъ банкъ въ долѣ съ нѣсколькими игроками мелкаго разбора, въ одномъ изъ самыхъ трущобныхъ вѣнскихъ трактирчиковъ. Счастье, или, вѣрнѣе, «искусство» на сей разъ благопріятствовало Валицкому, карманы понтёровъ были уже пусты, и компанія дольщиковъ намѣревалась уже забастовать, какъ вдругъ входитъ въ комнату «нѣкто» въ венгерскомъ костюмѣ, съ видомъ «таинственнаго незнакомца», высокій, худощавый, длинноусый и выдернувъ наудачу какую-то карту, произноситъ тихо:

— Ва-банкъ!

Дольщики смутились, но Валицкій метнулъ на незнакомца

внимательно зоркій взглядъ и приготовился метать. Компанія остановила его и потребовала напередъ, чтобы, во-первыхъ, были пересчитаны наличныя деньги банка, а во-вторыхъ, чтобы венгерецъ положилъ на столъ соотвѣтственную сумму.

— Душевно бы радъ, но, къ сожалѣнію, со мною нѣтъ ни копѣйки!—наотрѣзъ отказался незнакомецъ и снова подвинувъ карту, повторилъ свое тихое—«ва-банкъ».

Компанія, за исключеніемъ банкомета, продолжала сопротивляться столь оригинальному понтёру.

— Если вы, господа, честные люди,—заявилъ, наконецъ, венгерецъ:—вы должны повѣрить мнѣ на честное слово.

Тѣ не соглашались.

Тогда Валицкій, пересчитавъ банкъ, отдалъ его товарищамъ и сказалъ незнакомцу:

— Если вы, милостивый государь, обращаетесь къ моей чести, я охотно готовъ держать вамъ банкъ на ваше слово. Извольте, я держу вамъ одинъ, безъ участія этихъ господъ. Ваша карта?

Незнакомецъ не открылъ ея.

Валицкій молча началъ метать направо и налѣво.

Рискованная игра шла уже на чистую, но банкометъ отлично владѣлъ собою и казался совершенно спокойнымъ.

— Бита! столь же спокойно и тихо произнесъ незнакомецъ, оборачивая свою карту,—и, дѣйствительно, она была убита.

— Попрошу васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Валицкому:—отправиться со мною и получить деньги.

— Какъ вамъ угодно, съ сдержаннымъ поклономъ отвѣчалъ счастливый шляхтичъ.

— Но только я не желаю, чтобы ваши товарищи отправлялись вмѣстѣ съ вами; я приглашаю къ себѣ васъ одного, но никакъ не этихъ господъ! рѣшительно заявилъ венгерецъ.

— Какъ вамъ угодно, повторилъ Валицкій и, не взирая на доводы своихъ товарищей, опасавшихся отпустить его одного, послѣдовалъ за незнакомцемъ.

Они отправились.

Пройдя нѣсколько глухихъ улицъ и переулковъ, путники вышли въ болѣе людную и безопасную часть города, гдѣ венгерецъ остановился у подъѣзда одного роскошнаго дома. Прислуга съ величайшимъ почтеніемъ раскрыла предъ нимъ дверь —и Валицкій, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, прошелъ въ кабинетъ черезъ анфиладу богатыхъ комнатъ.

Пригласивъ своего гостя садиться, хозяинъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Извините за нескромность, но... скажите, кто вы такой?

— Претендентъ короны польской, любезно, но совершенно серіозно отвѣчалъ Валицкій.

— По какому же праву?! широко раскрывъ глаза, изумился венгерецъ

— По праву родовитаго польскаго шляхтича. Я—шляхтичъ Валицкій; а вамъ, конечно, извѣстно, что каждый изъ насъ имѣетъ законное право на выборъ въ короли.

— О, если такъ, то позвольте имѣть честь рекомендоваться! улыбнулся хозяинъ:—я князь Эстергази. Вамъ, какъ претенденту на польскую корону, а мнѣ какъ венгерскому магнату, положимъ, хотя и не слѣдовало бы посѣщать такіе вертепы, въ какомъ мы столкнулись сегодня, но... я иногда дѣлаю это отъ скуки и изъ любопытства.

— А я для того, чтобы не умереть съ голоду, промолвилъ въ отвѣтъ Валицкій и, кстати, разсказалъ ему свою біографію.

Этотъ случай сблизилъ его съ венгерскимъ магнатомъ, въ домѣ котораго, по прошествіи нѣкотораго времени, претендентъ короны польской сталъ до такой степени «своимъ человѣкомъ», что Эстергази рѣшительно ни на шагъ не могъ обойтись безъ него. Уѣзжая въ Парижъ съ какимъ-то дипломатическимъ порученіемъ, магнатъ захватилъ съ собой и претендента, который успѣлъ не только втереться, благодаря князю, въ высшее парижское общество, но чрезъ княгиню Полиньякъ достигъ до самой королевы. Онъ сдѣлался постояннымъ членомъ самыхъ интимныхъ вечеровъ Маріи-Антуанетты и былъ почти постояннымъ партнеромъ ея за картами. Говорятъ, будто нѣкоторое время она дарила его особою благосклонностію и особою довѣренностію; говорятъ также, будто и Валицкій оказалъ для нея и для ея семейства много услугъ при началѣ первой французской революціи. Положеніе при дворѣ и въ особенности вечера въ Тріанонѣ сблизили Валицкаго со множествомъ знаменитостей того времени, а также съ французскою и иностранною знатью. Вездѣ и повсюду умѣлъ онъ ловко проѣзть, втереться съ чувствомъ сознанія собственнаго достоинства, поправиться своею наружностію и нравомъ и, наконецъ, сдѣлаться «своимъ» интимнымъ человѣкомъ. Въ это время и былъ положенъ первый фундаментъ его громадному состоянію. Онъ игралъ постоянно и все съ тѣми же изящными достоинствами beau joueur'a. Много путешествовалъ, былъ въ Англіи, въ Италіи, въ Германіи—и вездѣ появлялся не иначе, какъ въ качествѣ знатнаго grand seigneur'a, со своимъ графскимъ титуломъ, съ своими связями и знакомствами и со своимъ дивнымъ ис-

кусствомъ, которое открывало ему не только двери, но и карманы сильныхъ и богатыхъ міра сего. Какъ польскій шляхтичъ, онъ считалъ себя аристократомъ по преимуществу и постоянно выказывалъ тенденціи наивысшаго аристократическаго свойства. Духъ революціи, однако, выкурилъ его изъ Парижа, куда возвратился онъ послѣ своихъ путешествій,— и панъ Валицкій появляется на родинѣ, сначала въ Варшавѣ, гдѣ производитъ необычайный фуроръ, а потомъ и «на Литвѣ глемкобей», гдѣ накупаетъ себѣ нѣсколько богатѣйшихъ имѣній и между прочими Езёры (цѣлое мѣстечко, къ которому принадлежало болѣе десятка деревень и фольварковъ, раскинутыхъ по окрестности), осушаетъ въ нихъ многія болота и проводитъ сплавные каналы. Здѣсь-то, на берегу озера Бѣлаго, въ трехъ верстахъ отъ Езёръ, среди высокаго сосноваго лѣса, соорудилъ себѣ Валицкій «палацъ сломяны», который и назвалъ Виля-нова, а мѣстное крестьянство передѣлало его уже на свой ладъ въ Ильяново. Одна часть обширнаго лѣса, и именно та, гдѣ растутъ дубы, вязы и грабы, была превращена въ прекраснѣйшій паркъ, а другая, такъ называемый «боръ» или «чернолѣсье», неприкосновенно оставлена во всей дикой красотѣ и прелести стародавней пущи. Ильяновскій фольваркъ, вдаваясь болѣе въ сосновый лѣсъ, стоитъ, однако, почти на рубежѣ этой пущи и парка, которые въ настоящее время, отъ лѣтъ ихъ запущенія, уже слились между собою въ одну одичалую, поэтическую заросль.

Въ 1804 году, фантастическій графъ появился вдругъ и на петербургскомъ горизонтѣ. Сначала онъ было нанялъ себѣ цѣлый нижній этажъ въ домѣ графини Брацицкой, что нынѣ князя Юсупова, на Мойкѣ, но вскорѣ найдя, что въ этой квартирѣ мало солнца, купилъ себѣ на Морской, на углу Почтамскаго переулка, собственный домъ, куда и переселился со своею дюжиной золотыхъ эмальированныхъ табакерокъ, украшенныхъ живописью Петито (которыя принадлежали Людовику XVI и достались Валицкому какими-то особыми путями), и со своею коллекціей алмазовъ, брильянтовъ и иныхъ драгоцѣнныхъ камней, гдѣ, между прочимъ, находился извѣстный сапфиръ, имѣвшій свойство измѣнять свой цвѣтъ послѣ захожденія солнца и послужившій поэтому m-me Жанлисъ темою для повѣсти. Ни у одной самой отъявленной щеголихи не было такого разнообразнаго, многочисленнаго и богатаго собранія дорогихъ шалей и кружевъ, какимъ славился мужчина Валицкій, проявлявшій относительно нѣкоторыхъ предметовъ и вещей чисто женскія прихоти и вкусы. Онъ былъ отличный болтунъ, а его встрѣчи, знакомства, житейскія

столкновенія и приключенія во время путешествій по Европѣ —давали ему неистощимую тему для разсказовъ, въ которыхъ никто и никогда не могъ отличить, гдѣ истина переходитъ въ фантазію и гдѣ фантазія граничитъ съ истиной. Извѣстно, вѣдь, въ тѣ времена двери нашихъ баръ были равно открыты

Для званныхъ и незванныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ,—

и потому все высшее петербургское общество охотно принимало Валицкаго и ѣздило къ нему въ домъ на его блестящіе балы и тонко-гастрономическіе банкеты. Свѣтскихъ дамъ влекло къ нему обычное любопытство, съ цѣлью полюбоваться на его кружева, шали и драгоцѣнности, которыя онъ иногда умѣлъ дарить необыкновенно кстати и всегда съ такимъ искусствомъ и тактомъ, что отъ его подарка рѣшительно не было возможности отказаться.

Объ одномъ только не любилъ говорить Валицкій — это именно о темномъ періодѣ своей жизни, и когда однажды его спросили, правда ли, что князь Сапега встрѣтилъ его въ Лембергѣ маркеромъ, онъ отвѣчалъ: «правда», но на вопросъ, какимъ образомъ дошелъ онъ до такого состоянія, Валицкій проговорилъ, поморщась:

— Это для васъ нимало неинтересно, а для меня скучно.

И подобными фразами онъ всегда отдѣлывался, какъ скоро дѣло начинало касаться его прошлаго.

Во время его пребыванія въ Петербургѣ, въ Кронштадтскій портъ возвратился изъ кругосвѣтнаго плаванія Крузенштернъ на своихъ корабляхъ «Нева» и «Надежда». Наши моряки навезли съ собою множество заморскихъ диковинокъ, которыя продавались тогда съ аукціона, въ правленіи Россійско-Американской компаніи. Между этими диковинками, предъ которыми ежедневно толпились наши баре, въ особенности обращали на себя вниманіе рѣдкія коллекціи вещей китайскихъ и японскихъ. Лучшіе экземпляры тѣхъ и другихъ были скуплены Валицкимъ, и теперь забытые остатки ихъ ютятся въ убогихъ стѣнахъ Ильяновскаго фольварка.

Не добившись никакихъ особыхъ почестей и отличій у Императора Александра I, Валицкій удалился въ Литву и остатокъ жизни своей проводилъ то въ Вильнѣ, то въ Гроднѣ, то въ своемъ ильяновскомъ «палацѣ сломяномъ».

Богъ-вѣсть, изъ какихъ побужденій происходила его замѣчательная щедрость: было ли это прирожденное свойство

души, или дѣло тщеславія, но только онъ кидалъ кошельки каждому просящему, жертвовалъ большія суммы на богоугодныя заведенія, устроилъ въ Вильнѣ восемь университетскихъ стипендій и купилъ цѣлый домъ, въ которомъ жили эти студенты-стипендіаты съ гувернеромъ, на полномъ иждивеніи Валицкаго. Кромѣ того, виленскому же университету подарилъ онъ богатую коллекцію рѣдкихъ камней и минераловъ, которая составляетъ теперь собственность университета Кіевскаго. Факты этой категоріи, безспорно, рисуютъ Валицкаго свѣтлыми, симпатичными чертами.

Но въ то же время существуетъ преданіе, что въ этомъ самомъ Ильяновскомъ фольваркѣ, въ лѣсу были выкопаны глубокія ямы, въ которыхъ по нѣсколько дней морили хлоповъ, въ наказаніе за какой-нибудь проступокъ. Тяжкіе стоны этихъ несчастныхъ раздавались по лѣсу въ долгія зимныя ночи. Какъ согласить одно съ другимъ? Какъ допустить, чтобы человѣкъ, щедро сыпавшій вокругъ себя золото съ благотворительными цѣлями, могъ въ то же время спокойно слушать эти стоны? Какъ-то не хочется даже вѣрить, что это могло быть; но преданіе существуетъ, и намъ самимъ показывали въ лѣсу, неподалеку отъ фольварка, завалившіяся и поросшія кустарниками ямы, говоря, будто это и есть мѣсто хлопскихъ истязаній. Но если преданіе справедливо, то оно только еще разъ подтверждаетъ ту общеизвѣстную историческую истину, что родовитая польская шляхта не признавала ничего внѣ себя, внѣ своего сословія, и если отличалась яркими доблестями, то только въ пользу шляхетства же, но отнюдь не въ пользу народа, почитая его и въ Польшѣ и въ Бѣлой, и въ Малой Руси за индивидуумовъ иноплеменной и притомъ низшей, рабственной расы. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ и отношеніе шляхтича Валицкаго къ ночнымъ стонамъ его хлоповъ *).

Мнѣ и моему товарищу отвели въ соломенномъ палацѣ

*) Большую часть разсказовъ и подробностей про Валицкаго мы слышали отъ русскаго старожила гродненскаго края, отставнаго артиллерійскаго полковника А. Я. Каховскаго, который послѣ 1863 г. взялъ отъ правительства въ аренду Еверское имѣніе и пользовался имъ до 1875 г. Впрочемъ, подобныя преданія о фантастическомъ графѣ довольно распространены въ мѣстномъ шляхетствѣ и между духовенствомъ. Ѳ. Булгаринъ, который въ своихъ «Воспоминаніяхъ» посвятилъ Валицкому нѣсколько интересныхъ страницъ, дѣлаетъ предположеніе, что вѣроятнѣе всего состояніе его нажито было тайною продажей и перепродажей брильянтовъ, картинъ, рѣдкостей и т. п. Но едва-ли предположеніе это можно назвать основательнымъ. Общее мнѣніе въ краѣ склоняется къ тому, что состояніе Валицкаго было сдѣлано игрою и, преимущественно, благодаря брильянтамъ Маріи-Антуанетты.

крайнюю, непроходную комнату, съ окномъ въ заглохшій садъ, которая, по преданію, была спальней самого Валицкаго. Вечеромъ, лежа на своихъ походныхъ, складныхъ постеляхъ, и невольно слушая трепетный звукъ крыльевъ ночныхъ бабочекъ, порхавшихъ вокругъ лампы, да странный шорохъ ужей подъ половицею, мы припомнили себѣ рядъ разсказовъ о загадочномъ владѣльцѣ этого «палаца».

— Такая яркая, блестяще-роскошная жизнь и такой убогій «палацъ»! И зачѣмъ, рядомъ съ этою аляповатою, грубою мебелью, на этомъ некрашеномъ полу стоятъ драгоцѣнныя вазы, а на этихъ кривыхъ стѣнахъ висятъ картины, которыя могли бы быть украшеніемъ дѣйствительныхъ, а не «сломянныхъ» палацовъ? Была ли это одна изъ тѣхъ «фацецій», которыми отличалась польская магнетерія прошлаго вѣка, или простая случайность? Или же, наконецъ, панъ Валицкій вообразилъ себя древнимъ Цинциннатомъ, который суету и величіе Рима промѣнялъ на огородъ и соломенную кровлю деревенской хижины?

— Ни то, ни другое, ни третье!—отвѣчалъ мнѣ товарищъ на цѣлый рядъ моихъ вопросовъ и діалогическихъ размышленій.

— Такъ что же, по-твоему?

— По-моему, очень просто! И я, и ты, видали много подобныхъ же панскихъ, помѣщичьихъ «палацовъ», и въ каждомъ изъ нихъ замѣчается, болѣе или менѣе, одно и то же: неряшество и грубость постройки, полнѣйшее отсутствіе настоящаго, житейскаго комфорта, въ томъ смыслѣ, какъ всегда понимали и понимаютъ его, напримѣръ, Англичане,—и вмѣстѣ съ этою грубостью и неудобствами—аристократическія замашки, картины, фарфоръ, а тутъ—гляди—рядомъ грошовая литографія «Дѣвочка съ барашкомъ» и какой-нибудь полиняльй букетъ искусственныхъ цвѣтовъ. Это у нихъ всегда и во всемъ сказывается—и это есть ничто иное, какъ прирожденное неряшество.

Такимъ-то прозаическимъ, расхолаживающимъ выводомъ моего товарища былъ заключенъ рядъ нашихъ воспоминаній и моихъ поэтическихъ размышленій. Но... какъ бы то ни было, такъ или иначе, а все-таки шляхтичъ Валицкій, съ его фантастическимъ графствомъ и шальми милліонами, является личностью крупною и достопримѣчательною.

IV.

Ильяновскій призракъ.

Въ нашей комнатѣ было нѣсколько накурено и душно. Товарищъ мой всталъ и растворилъ окно. Блѣдный и какъ бы трепетный лунный свѣтъ озарялъ блѣдно-синее небо и ближній лѣсъ, подернутый дымкою легкаго тумана, который прозрачно курился надъ болотистою низиной, гдѣ пробирался межъ осоки тихій лѣсной ручей. Кусты жасминовъ и бѣлыхъ розъ, омоченные росою, сверкали подъ лучами луны, словно осыпанные снѣгомъ, и благоухали еще сильнѣе, чѣмъ въ душно-горячій полдень. Дурманящій смѣшанный запахъ этихъ цвѣтовъ ароматною струею вливался къ намъ въ раскрытое окошко.

Я взглянулъ на товарища, который не отходилъ отъ окна и—какъ показалось мнѣ—пристально вглядывался во что-то.

— Во что ты уставился, Апроня?—спросилъ я, замѣтивъ его напряженное и отчасти изумленное вниманіе.

— Тсс! сторожко поднялъ онъ палецъ и поманилъ меня.

— Чего тебѣ?

— Ступай сюда... гляди... гляди, гляди!.. Скорѣе!—шопотомъ лепеталъ Апроня.

Я вскочилъ съ постели и помѣстился рядомъ съ нимъ въ окошкѣ.

— Видишь? указалъ онъ пальцемъ по направленію къ болотистой низинѣ.

— Ничего не вижу... Въ чемъ дѣло?

— Бѣлое... вонъ-вонъ... Видишь?

— Бѣлое?.. Ну, что жъ такое?! туманъ курится и только.

— Туманъ!... А въ туманѣ-то что?

Я сталъ вглядываться пристальнѣй, и въ ту же минуту взоръ мой различилъ нѣчто особенное, странное...

Среди вьющихся струекъ тонкаго пара что-то бѣлое тихо двигалось, словно бы плыло вдоль по низинѣ. Слабый лучъ мѣсяца скользилъ неровными бликами по этой неопредѣленной фигурѣ. На первый взглядъ трудно было опредѣлить, что это такое: живое ли существо, причудливый завитокъ сгустившагося пара, или воздушный призракъ.

— Это женщина,—тихо проговорилъ Апроня.

— Вотъ вздоръ какой!—усмѣхнулся я на его замѣчаніе:—откуда тутъ быть женщинамъ?

— Ей-Богу, женщина! Когда она проходила нѣсколько ближе, такъ я замѣтилъ совсѣмъ какъ будто женскій обликъ.

— Мерещится!.. А впрочемъ, можетъ быть и женщина,— согласился я:—баба какая-нибудь возвращается изъ сосѣдней деревни.

— Въ лѣсъ-то!.. Да, вѣдь, тутъ некуда возвращаться! Я, слава тебѣ Господи, знаю этотъ лѣсъ: въ той сторонѣ и жилья то нѣтъ никакого, и при томъ...

Апроня нѣсколько замялся.

— Что «при томъ?» взглянулъ я на него вопросительно.

— А то, что походка-то у нея не бабья: больно ужъ плавно движется... и стройна тоже.

— Дѣло воображенія!—усмѣхнулся я, и, не чувствуя болѣе охоты стоять передъ окномъ, вернулся къ своей постели.

— Нѣтъ, чортъ возьми, это любопытно! — пробормоталъ Апроня—и въ тотъ же мигъ, натянувъ сапоги да накинувъ пальто, спрыгнулъ въ паркъ прямо черезъ окошко. Лопухи и крапива зашурстѣли подъ его шагами—и затѣмъ все смолкло.

Я взялся за книгу и сталъ читать. Окно оставалось раскрытымъ и сквозь него набралось въ комнату еще болѣе звенящихъ комаровъ и бѣлыхъ мохнатыхъ бабочекъ, привлеченныхъ молочно-матовымъ свѣтомъ лампы. Минутъ около пяти ночная тишина ничѣмъ не нарушалась. Вдругъ надъ лѣсомъ раздался какой-то тихій — нѣсколько мелодическій звукъ: не то легкій стонъ женскаго голоса, похожій какъ будто на какой нибудь условный знакъ, не то случайный выкликъ какой-то птицы, встрепенувшейся въ просонкахъ. Я поднялъ голову и прислушался; но такъ какъ вслѣдъ за этимъ опять наступила невозмутимая тишина, то я снова занялся моею книгой. Но не прошло и минуты, какъ вдругъ тотъ же самый звукъ повторяется еще разъ, только нѣсколько слабѣе и какъ будто дальше. Я вскочилъ съ постели и, высунувшись въ окошко, сталъ чутко прислушиваться. — Все тихо. Золотой серпъ мѣсяца все также плыветъ себѣ по блѣдной лазури, все также паръ курится надъ низиной и сверкаютъ, бѣлѣя, звѣздочки жасмина; шустрая ящерка по травѣ пробѣжала, тускло сверкнувъ на мгновенье подъ лучемъ мѣсяца; а издали, когда вслушаешься въ ночную тишину,—начинаетъ различать щелканье соловьевъ въ прибрежныхъ кустахъ, склонившихся надъ широкомъ озеромъ, и слабые, мелодическіе, нѣсколько урчащіе стоны жабъ на далекомъ болотѣ. Не дождавшись повторенія въ третій разъ того особеннаго звука, что привлекъ мое вниманіе, я, наконецъ, улегся на своей постели.

Нѣсколько времени спустя, снова зашуршали подъ ок-

номъ лопухи да крапива—и въ комнату впрыгнулъ мой товарищъ.

— Ну, что?—спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ что! — пожалъ плечами Апроня: — прошелъ по лѣсу и вдоль ручья, да даромъ только прогулялся.

— Ничего не видалъ?

— Н-нѣтъ, сначала-то, какъ пошелъ во слѣдъ, она мнѣ издали раза два мелькнула въ глаза, а потомъ подъ лѣсомъ вдругъ исчезла, словно сквозь землю провалилась... Ты слышалъ окликъ какой-то?—спросилъ Апроня.

— Слышалъ, и даже дважды.

— Ну, да, два раза. Я тоже совсѣмъ явственно слышалъ, и гдѣ-то близко около себя; пошелъ было на звукъ, но онъ повторился уже въ другой сторонѣ: я туда—пусто; искалъ межъ деревьевъ—ничего нѣтъ!

— Немудрено: въ лѣсу-то, вѣдь, темень.

— Ну, нѣтъ, не совсѣмъ: межъ стволами все-таки свѣтъ пробивается, такъ что можно бы различить, особенно бѣлое. Но, нѣтъ; говорю тебѣ, какъ сквозь землю!.. А интересно бы дознаться, что это такое?

— Привидѣніе,—улыбнулся я въ шутку.

— А что жъ?! — подхватилъ Апроня:—этотъ загадочный папъ Валицкій, этотъ «палацъ» въ лѣсу, пустырь вокругъ— все это такія данныя, что какая нибудь легенда, и, особенно, привидѣніе были бы здѣсь очень кстати.—Чу!—перебилъ онъ свою рѣчь:—слышишь?

Въ эту минуту въ лѣсу дѣйствительно послышался въ третій разъ тотъ же самый загадочный звукъ, — и едва онъ замеръ въ воздухѣ, какъ вдругъ, словно бы въ отвѣтъ ему, раздался въ той же сторонѣ негромкій протяжный свистъ.

— Чортъ возьми, это рѣшительно неспроста! — увѣренно воскликнулъ Апроня:—въ Ильяновѣ, значитъ, есть свои тайны, и это меня очень утѣшаетъ.

— Почему такъ?

— Стану наблюдать и добиваться сути. — Все-таки развлеченіе и, значитъ, въ концѣ концовъ, «траву» проведемъ не совсѣмъ уже скучно.

— Помогай тебѣ Господи!

— И тебѣ вмѣстѣ со мною!—въ шутку добавилъ Апроня, накрываясь своей простынею.

На слѣдующій день, около полуночи, онъ нарочно усѣлся передъ раскрытымъ окномъ и имѣлъ терпѣніе продежурить такимъ образомъ часа два, коли не болѣе, но увы!—напрасно.

Ночь была такая же ясная и тихая, а «привидѣніе» наше не появлялось.

— На этотъ разъ не желаетъ!—въ шутку вздохнулъ мой сожитель, покидая свой обсерваціонный постъ. Но эта неудача не помѣшала ему въ слѣдующую ночь повторить свои наблюденія и даже прогуляться по лѣсу, однако же безъ всякаго успѣха. Это, наконецъ, ему надоѣло, и онъ оставилъ свою праздную затѣю.

V.

Ильяновская легенда.

Прошло дней восемь. Мы уже совсѣмъ успѣли позабыть про нашъ таинственный призракъ, какъ вдругъ, однажды передъ обѣдомъ, входитъ въ комнату мой сожитель съ торжествующимъ видомъ.

— Поздравляй меня! Добился-таки! — воскликнулъ онъ, смѣясь и потирая руки:—въ Ильяновскомъ фольваркѣ существуетъ легенда!

— Будто?

— Самымъ положительнымъ образомъ.

— И кто герой ея?

— Ни болѣе, ни менѣе, какъ самъ явневельможный панъ грабя Валицкій!

— А героиня?

— Какая-то француженка... графиня, герцогиня и чуть ли даже не сама Марія Антуанетта.

— Такъ это она-то и гуляетъ?

— Она!

— Поздравляю! Но легенду-то откуда-жъ ты узналъ?

— А, это совсѣмъ особь статья. Я, видишь ли, пошелъ было на траву, взглянуть, каково-то наши косятъ, — началъ объяснять мнѣ Апроня:—а назадъ возвращаюсь лѣсомъ. Иду это себѣ, только, глядь—лежитъ на бугорочкѣ органистъ изъ Езерскаго костела и уплетаетъ землянику, прямо съ вѣточекъ

срываетъ, каналья, самую крупную, спѣлую ягоду, и въ ротъ!— а на бугоркѣ-то цѣлый ягодникъ—даже алѣетъ издали. Соблазнился я, глядючи на него, тѣмъ болѣе, что по жарѣ-то пить ужасно хотѣлось, и прилегъ съ нимъ рядышкомъ, благо, человѣкъ знакомый. Мы съ нимъ прошлымъ лѣтомъ все на утокъ хаживали въ пущенскія озера. Ну, разговорились за ягодой-то, сперва про охоту, про то, да се, а тамъ про дѣвчатъ съ маладзёхнами, что ходятъ въ лѣсъ по земляникѣ,— вѣдь онъ тутъ у нихъ большимъ сердцеѣдомъ почитается,— а съ сего предмета—вѣроятно ужъ по ассоціаціи идей, такъ какъ дѣло касалось женщинъ и лѣса, вспомнилъ я про наше привидѣніе, и разсказалъ ему, какая онамедни штука была.

— Ну, и что-жъ на это твой панъ органыста?

— Сначала какъ будто опѣшилъ и смутился нѣсколько— такъ показалось мнѣ,—продолжалъ мой сожитель:—а потомъ, вдругъ и говоритъ: «а что вы думаете себѣ, пане ротмистру! оно и въ правду привидѣніе! фантомъ! и вы, говоритъ, не хорошо сдѣлали, что пошли за нимъ въ догонку, потому, говоритъ, это дѣло рисковое и могъ бы изъ него выйти «бардзо кепски интэресъ»!—А что же, спрашиваю, развѣ бывали примѣры? — «Да всякаго, говоритъ, бывало; мало-ль чего на свѣтѣ не случается! И вы ужъ лучше въ другой разъ не пытайтесь, а то, дали-бугъ, бѣда будетъ»!—Стало быть, спрашиваю шутя, у васъ вѣрно и легенда есть?—«М...да, говоритъ, есть и легенда».—И вѣрно съ графомъ Валицкимъ.—«М...да, есть-таки и съ Валицкимъ».—Въ чемъ же дѣло-то? это, говорю, любопытно,—и пристадъ къ нему. Органыста мой сначала было помялся, помялся, да и разсказалъ... немножко нескладно и несообразно, но, въ отношеніи мѣстнаго интереса, ничего себѣ, живетъ и эдакъ, потому, какая ни на есть, а все-жъ таки «легенда».

Изложивъ всѣ эти обстоятельства, сожитель мой самымъ положительнымъ образомъ обратился къ передобѣденной закускѣ.

— Я слушаю твою легенду,—напомнилъ я ему о продолженіи.

— Мм... постой, братъ, не до нея!—озабоченно пробурчалъ Апроня, пережевывая кусокъ копченой селедки:—дай сначала поѣсть, а потомъ слушай себѣ, сколько хочешь!

И мы усѣлись за свой «офицерскій обѣдъ», въ которомъ фигурировали неизмѣнный супъ изъ курицы и столь же неизмѣнные битки въ сметанѣ, съ блинчиками «на пирожное»;— тими тремя, такъ сказать, традиціонными блюдами, какъ

извѣстно, испоконъ вѣка ограничивается все кулинарное деньщичье искусство.

Увы! легенда «пана органысты» оказалась произведеніемъ совершенно ничтожнаго творчества. Все дѣло будто-бы въ томъ, что панъ-грабя Валицкій, живучи въ Парижѣ, влюбилъ въ себя какую-то знатную француженку, злую и ревнивую женщину, которая никакъ не хотѣла отвязаться отъ вѣтренаго ловеласа. Валицкій долженъ былъ тайкомъ удрать отъ нея изъ Парижа, но французская «вельможна пани» поскакала вслѣдъ за нимъ и долго странствовала по Европѣ, разыскивая повсюду своего невѣрнаго друга, съ цѣлью привлечь опять къ себѣ его сердце или же отомстить ему самымъ чувствительнымъ образомъ. Многолѣтнія старанія и поиски ея были совершенно безуспѣшны. Едва доходилъ до нея слухъ, что фантастическій графъ проживаетъ въ томъ-то или въ этомъ городѣ, она мчалась къ нему, — но случай всегда устраивалъ дѣло такимъ образомъ, что Валицкій, ничего не зная и не подозрѣвая о ея преслѣдованіи и поискахъ, чуть не наканунѣ, или за нѣсколько часовъ до ея пріѣзда, уѣзжалъ въ другой городъ или въ другое государство — и бѣшеная француженка снова начинала свою неутомимую погоню. Между прочимъ, графъ успѣлъ побывать на Востокѣ, въ Константинополѣ и въ Канрѣ, гдѣ купилъ себѣ на рынкѣ прекрасную «туркиню», или «бѣлую арабку», плѣнившись ея замѣчательною красотою. Графъ всею душою привязался къ своей рабынѣ и найдя, что странствія и шатанія по бѣлу свѣту достаточно уже ему надоѣли, вернулся въ Литву и поселился со своею «туркиней» въ тишинѣ и уединеніи Ильяновскаго фольварка. Здѣсь у него «туркиня» лежала на отоманкѣ и играла на торбанѣ, а панъ-грабя влюбленно дремалъ у ея ногъ,—и этотъ магометовъ рай въ Ильяновѣ продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, какъ вдругъ, нежданно и негаданно, словно снѣгъ на голову, въ Ильяновское затишье нагрянула бурная француженка. Графъ очень смутился, но, какъ «гоноровы и поркондны чловѣкъ», т. е. какъ истый galant homme, связанный съ «герцогиней» воспоминаніями нѣжнаго чувства, не дерзнулъ отказать ей въ гостепріимствѣ, тѣмъ болѣе, что герцогиня эта успѣла убѣдить его, будто она ѣдетъ въ Петербургъ и случайно, узнавъ въ Гроднѣ, что старый другъ ея находится въ своемъ помѣстьѣ, такъ близко отъ ея прямаго пути, рѣшилась свернуть немного въ сторону, сдѣлать двѣ-три лишнія мили, чтобы только взглянуть на него и этимъ посѣщеніемъ заплатить дань воспоминанію о дняхъ любви и счастія, пережитыхъ когда-то

съ нимъ вмѣстѣ. Панъ грабя принялъ путешественницу, ни какъ не подозрѣвая, что она можетъ таить въ душѣ какіе-либо коварные замыслы. Но путешественница ихъ таила. Она попыталась было воскресить въ душѣ графа старое чувство, попробовала вновь плѣнить и увлечь его своею красотою, но графъ пребылъ въ непоколебимой вѣрности своей «туркинѣ». Герцогиня упросила его показать ей туркиню—и графъ, послѣ долгихъ колебаній, исполнилъ ея желаніе. Француженка употребила всю свою ловкость и любезность, чтобы обворожить простодушную соперницу. Къ сожалѣнію, легенда не удостовѣряетъ съ точностью, на какомъ языкѣ изъяснялись между собою обѣ женщины. Впрочемъ, когда мой Апроня предложилъ этотъ вопросъ пану органыстѣ, то находчивый парень не затруднился и на этотъ разъ отвѣтомъ: «герцогиня не мувила по-турецьку и туркыня не мувила по-французьску, то може обы двѣ онѣ мувили по-польску, а якъ и по-польску не мувили, то кеды жъ не можно съ пантомины!?» — Но, какъ бы то ни было, женщины подружились — одна искренно, другая притворно и стали ходить вмѣстѣ «на шпа́церъ до лясу». На этихъ прогулкахъ сначала ихъ сопровождали гайдуки и «панны покоёвы», но француженка измѣнила этотъ порядокъ, сказавъ, что для лѣсныхъ прогулокъ она предпочитаетъ уединеніе. Такимъ образомъ, избавясь отъ докучливыхъ глазъ и ушей сопровождавшей дворни, она получила возможность прогуливаться съ глазу на глазъ со своею, ничего неподозрѣвавшею, соперницей.

Быть можетъ, графу и казалось иногда нѣсколько страннымъ это продолжительное пребываніе мимоѣзжей француженки въ его соломенномъ палацѣ, но, такъ какъ онъ прежде всего былъ широкій магнатъ и очень гостепріимный человѣкъ, да при томъ и большой эксцентрикъ, то и сказалъ себѣ: «пусть живетъ, коли ей нравится—у Валицкаго-де мѣста и хлѣба хватитъ для цѣлаго батальона француженокъ!» — И влюбленная француженка, къ немалому соблазну и скандалу окрестныхъ помѣщицъ, проживала въ Ильяновѣ уже около мѣсяца, ни съ кѣмъ не знакомясь и не унывая насчетъ главной своей задачи—вернуть къ себѣ привязанность графа. Но графъ не поддавался и все-таки пребывалъ въ вѣрности къ туркинѣ. Видя его непреклонность, француженка рѣшилась добиться своего, что называется, не мытьемъ, такъ катаньемъ. Однажды, въ жаркій полдень, во время уединенной прогулки съ туркиней въ лѣсу, она предложила ей выкупаться въ озерѣ и—утопила ее. Какъ именно удалось ей утопить соперницу—легенда не объясняетъ. Графъ чуть не помѣшался

отъ горя, но подозрѣвать свою гостью не могъ, потому что она первая принесла ему вѣсть о смерти, прибѣжавъ домой въ ужасѣ и въ слезахъ, съ отчаянными криками «спасите! спасите!», и объявила, что прекрасная туркиня, почувствовавъ дурноту во время купанья, упала въ обморокъ и утонула. Дней десять подрядъ закидывали въ озеро неводъ, но тѣла не отыскали. Француженка осталась въ Ильяновѣ утѣшать графа въ горести, но графъ былъ безутѣшенъ. Напрасно мечтала она, что теперь его сердце обратится къ старой привязанности; напрасно расточала предъ нимъ свои ласки и нѣжность, и предупредительность, и всяческія обольщенія,— безутѣшный графъ оставался вѣренъ памяти своей туркини. Тогда, убѣдясь въ окончательной безуспѣшности своихъ исканій и безпрестанно чувствуя въ глубинѣ души мучительныя угрызенія совѣсти за смерть неповинной и довѣрчивой женщины, француженка однажды ночью ушла изъ своей комнаты, оставивъ въ ней открытое письмо, гдѣ исповѣдывалась въ совершенномъ ею преступленіи и заявила, что идетъ теперь наказать себя за грѣхъ подобною же смертью. На другой день, въ прибрежной осокѣ нашли ея мертвое тѣло и безъ христіанскаго погребенія закопали въ лѣсу, гдѣ, пожалуй, еще и теперь можно отыскать слѣды ея одинокой могилы. Графъ послѣ этого уѣхалъ въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ очень рѣдко уже навѣдывался въ Ильяново, съ которымъ соединялось у него столько тяжелыхъ воспоминаній. За то французская грѣшница и по смерти не оставила-таки въ покоѣ это мѣсто: съ тѣхъ поръ, иногда, тоскующая тѣнь ея бродитъ по лѣсу и протяжнымъ стономъ своимъ оглашаетъ окрестную пущу. Зла она никому не дѣлаетъ; но тѣ, которые имѣли несчастіе встрѣчать ее ночью лицомъ къ лицу, всегда кончали тѣмъ, что рано или поздно тонули въ озерѣ.—«Для того и прошу пана ротмистра не слѣдить большое за нею, бо я знаю, панъ любитъ купаться!» Этимъ предостереженіемъ закончилъ панъ органыста свой разсказъ моему сожителю.

— Какъ ты находишь эту легенду? — спросилъ меня Апроня.

— Весьма подозрительно,—отвѣчалъ я.

— Почему такъ?—изумился сожитель.

— А потому, что она отзывается чѣмъ-то дѣланнымъ, сочиненнымъ, да при томъ и сочиненіе-то не суразое, а какъ будто придумана вся эта штука на скорую руку и, можетъ быть, по вдохновенію самаго же пана органысты.

— Да что же за цѣль, однако?

— Кто его знаетъ!

— Н... вѣдь привидѣнье-то мы видѣли?

— Ну, видѣли.

— А коли видѣли, такъ что-жъ оно такое?

— Не знаю: поживемъ—увидимъ, а увидавши, можетъ и довѣдаемся, «цось оно доказуе».

Прошло дня два. Майоръ нашъ былъ въ отсутствіи, уѣхавъ по дѣламъ службы въ штабъ, а за старшаго остался Апроня.

— Вахмистръ, явившись по утру съ рапортомъ, что въ эскадронѣ «все обстоитъ благополучно», замялся на минутку и потомъ, крякнувъ себѣ въ руку, спросилъ нѣсколько таинственнымъ и какъ-бы неувѣреннымъ, сомнѣвающимся тономъ:

— Ваще благородіе, ничего ночью слышать не изволили?

— Ничего. А что?

— Да такъ-съ... собаки больно разлаялись...

— А и въ правду!—замѣтилъ я:—даже разбудили было меня, проклятыя!

— Такъ точно-съ,—подтвердилъ вахмистръ:—очинно безпокоились, а особливо Шарикъ нашъ.

— Что же за причина?—спросилъ мой сожитель.

— Кто его знаетъ! «Ночные» сказывали, будто ходило что-то... Они запримѣтили на обходѣ, словно-бы бѣлое что-то около мызы по лѣсу бродитъ... и собаки все въ лѣсъ швырялись.

Мы съ Апроней невольно переглянулись.

— Это, ваше благородіе, надо быть, все та... француженка! помолчавъ и таинственно понизивъ голосъ, замѣтилъ вахмистръ.

— А ты откуда про нее знаешь?

— Деньщикъ сказывалъ; потому какъ онъ слышалъ, когда ваше благородіе за обѣдомъ разсказывать изволили...

— Ну, такъ ты распорядись, чтобы ночные непремѣнно изловили и задержали «бѣлое», коли оно еще разъ около мызы станетъ шататься.

— Слушаю-съ, ваше благородіе!

Но съ тѣхъ поръ «бѣлое» не показывалось по ночамъ около Ильянова—и мы перестали вспоминать о немъ. Между тѣмъ, время шло своимъ чередомъ, и мы вполнѣ пользовались тою привольною жизнью, которую приноситъ «трава» армейскому солдату и офицеру.

VI.

Жизнь на травѣ.

На другой же день, по приходѣ эскадрона на траву, стали расковывать лошадей; это для нихъ—то же, что скинуть обувь для человѣка, натрудившаго ноги продолжительною ходьбою. Солдаты живо устроили конюшни въ отведенныхъ сараяхъ—и тутъ же, около своихъ коней, примостили себѣ изъ кой-какихъ досокъ нары подъ собственныя постели; надъ нарами подвѣсили досчатыя полки, на которыхъ обыкновенно помѣщаются лепчики съ потниками и шапки, а въ стѣны повбивали неизбѣжные колышки. Безъ этихъ колышекъ нигдѣ и никогда не обойтись нашему солдату. Послѣ стойла для лошади, колышки являются ближайшею его заботою; онъ набьетъ ихъ въ стѣну прежде, чѣмъ подумаетъ устроить свою собственную постель, не говоря уже о прочемъ. На одномъ колышкѣ повѣситъ онъ мундштукъ съ уздечкой, на другомъ кабуру съ пистолетомъ, на третьемъ саблю, на четвертомъ торбу съ фуражемъ, на пятомъ щетку и скребницу и т. д. У иного этихъ колышковъ надъ постелью вбито штукъ до десяти, коли не болѣе,—и на каждомъ повѣшена какая нибудь принадлежность солдатскаго обихода. Когда, наконецъ, колышки вбиты, вещи развѣшаны и постели устроены, солдатъ начинаетъ подумывать объ украшеніи своего временнаго обиталища. Взводный вахмистръ, какъ старшій въ конюшнѣ, гдѣ помѣщается особо его взводъ, выбираетъ себѣ, конечно, и лучшее мѣсто—обыкновенно въ темномъ углу сарая, въ томъ разсужденіи, что гдѣ потемнѣе, тамъ прохлады больше и муха не такъ донимаетъ. Затѣмъ наиболѣе комфортабельныя мѣста разбираютъ себѣ унтера, находящіеся во взводѣ, а за ними уже рядовые, которые посмышленнѣй да расторопнѣе. Наименьшая доза удобства выпадаетъ обыкновенно на долю «смиренныхъ», роль которыхъ естественнымъ образомъ играютъ рекрута въ первые мѣсяцы по прибытіи въ полкъ, пока не пообтрутся и не освоятся вполнѣ со своимъ бытомъ. У стараго солдата, а тѣмъ болѣе у унтера, всегда почти есть въ запасѣ, на случай, какая нибудь кошма, или старенькій вылинялый коврикъ, который онъ, въ подражаніе «господамъ», т. е. офицерамъ, непремѣнно повѣситъ на стѣну надъ своею постелью. Это—первый признакъ

того, что конюшня начинаетъ украшаться. Затѣмъ—смотришь—гдѣ нибудь выглядываетъ отбитый кусочекъ зеркальца, или кисетъ, сшитый изъ пестрыхъ лоскутиковъ, либо какая нибудь картинка, случайно добытая и вырванная изъ «Иллюстраціи», или изъ моднаго дамскаго журнала. Солдаты необыкновенно любятъ всякія подобныя картинки. Какое нибудь иллюстрированное объявленіе, хотя бы отъ чайнаго магазина, какая нибудь пестрая бумажка отъ конфекты, выброшенная на улицу за окончательною ненадобностью, непремѣнно будутъ подобраны солдатомъ, если только онъ набредетъ на нихъ; а разъ что набрелъ, то ужъ непремѣнно подыметъ, разсмотритъ, что это не просто бумажка, а картинка, и сейчасъ засунетъ въ обшлагъ шинели или за голенище, имѣя въ виду—немедленно же по приходѣ на квартиру украсить ею стѣну надъ своею постелью. У одного молодаго солдатика я замѣтилъ разъ въ сараѣ надъ его изголовьемъ засаленнаго и обрызганнаго бубноваго валета, который былъ прилѣпленъ къ стѣнѣ хлѣбнымъ мякишемъ. Зачѣмъ это у тебя?—спрашиваю его:—«потому, ваше благородіе, картинка-съ» отвѣчалъ онъ, съ удовольствіемъ осклабляя свои бѣлые зубы и любуясь на бубноваго валета. Когда же я, видя такую его любовь къ «картинкамъ», подарилъ ему цѣлый нумеръ «Иллюстраціи», купленный когда то на желѣзной дорогѣ, то радостямъ и восторгу моего солдатика просто и конца не было. Лучшаго подарка для него, кажется, невозможно было и придумать. Онъ тотчасъ же украсилъ политипажами все пространство стѣны надъ своимъ изголовьемъ, не пренебрегши даже и шахматною задачей; но бубноваго валета все-таки не снялъ—«потому, ваше благородіе, все же и онъ картинка!» Съ этими «картинками» нашъ солдатъ почти никогда не разстается; если у него есть сундукъ, то картинки непремѣнно украшаютъ исподнюю сторону крыши,—а нѣтъ сундука, солдатъ, при переходѣ съ квартиры на квартиру, забираетъ съ собою и свои картинки, пряча ихъ то за пазуху, то въ походный чемоданчикъ. На другой же день по приходѣ на новую стоянку, можете быть увѣрены, что всѣ эти картинки вы сполна найдете надъ его изголовьемъ. Но, кромѣ картинокъ, во время «травы» у солдата является и еще одно украшеніе; это—зеленыя вѣтви лиственныхъ деревьевъ и пучки болотнаго пахучаго аира.

Чуть пойдутъ люди въ озеро купаться, непремѣнно нарѣжутъ листьевъ этого аира и наломаютъ въ лѣсу свѣжихъ, кудрявыхъ вѣтокъ смолистаго тополя да березы—«потому духъ отъ нихъ очень прекрасный». Всю эту зелень они по-

натыкаютъ въ разныя щели и разукрасятъ, уберутъ ею стѣны надъ своими постелями. Войдешь въ конюшню—и глазу весело становится: такая она вся кудрявая, зеленая, нарядная и свѣжій растительный запахъ въ ней дѣйствительно «очень прекрасенъ»!...

Но главный предметъ украшенія каждой конюшни, это—неизмѣнная «весёлка», которая качается надъ входомъ на высокой и гнуткой жердинѣ. *) Какихъ только фантазій и какого искусства не прилагаютъ солдаты, чтобы устроить какъ можно красивѣе свою весёлку, чтобы перещеголять ею весёлки всѣхъ остальныхъ взводовъ! Но это соревнованіе достигаетъ наивысшаго своего предѣла въ томъ случаѣ, напримѣръ, когда, во время лагерныхъ сборовъ, въ смежности расположатся эскадроны различныхъ полковъ. Я помню, въ Гроднѣ, въ 1870 году, на Бѣлостоцкомъ форштадтѣ помѣщались рядомъ одинъ эскадронъ Ямбургскихъ и дивизіонъ Владимірскихъ уланъ. Надо было видѣть это веселочное соревнованіе!— Ямбуржцы выставили какую-то узорчатую фигуру, свитую изъ соломы и украшенную пестрыми лоскутками, Владимірцы тоже прибѣгали къ помощи лоскутковъ и устроили для себя нѣчто въ видѣ медали, въ срединѣ которой красовался бѣлый крестъ на подобіе георгіевскаго. Ямбуржцамъ стало нѣсколько завидно: «ишь, молъ, яишница *), Егорья ухитрилась подвѣсить!» И вотъ соревнованіе побудило ихъ смастерить не то что медаль, а цѣлую звѣзду съ соломенными лучами. Это, въ свой чередъ, подзадорило Владимірцевъ, которые къ своей медали подвѣсили обручъ и въ немъ помѣстили двухъ куколъ, въ видѣ уланъ въ заломленныхъ набекрень шапкахъ. Черезъ день точно такіе же уланы появились и у Ямбуржцевъ, да не просто, а избоченясь фертомъ. Но Владимірцы ухитрились между своими двумя уланами приладить и третьяго, да еще верхомъ на коникѣ, руки въ боки, и пику съ флюгаркой въ коника воткнули — и такимъ образомъ перещеголяли Ямбуржцевъ. Все это дѣлалось въ ожиданіи царскаго проѣзда, такъ какъ Государь Императоръ долженъ былъ проѣзжать по этой улицѣ къ лагерному полю на смотръ гродненскаго отряда.

---

*) «Веселка» плетется изъ соломы, въ видѣ кольца или диска и въ нее подмѣшиваются соломенныя кисточки. Число кисточекъ обозначаетъ число лошадей, стоящихъ на конюшнѣ.

*) Яишница—шуточное названіе Владимірскаго полка, данное ему Ямбуржцами еще въ 30-хъ годахъ, по причинѣ желтаго цвѣта, присвоеннаго этому полку, и въ отместку за прозвище «угольщики», которымъ Владимірцы окрестили своихъ однобригадцевъ Ямбургскихъ уланъ, поражавшихъ нѣкогда глазъ мрачнымъ видомъ своего темнаго фронта.

На травѣ подобное же соревнованіе относительно украшенія веселокъ, хотя, конечно, въ меньшей степени, является между взводами одного и того же эскадрона. Солдаты очень любятъ, когда надъ ихъ конюшнею качается красивая и притомъ «затѣйная» веселка. А если по сосѣдству съ веселкой появится еще вѣтряная мельница съ трещеткой, смастеренная искусною рукою какого нибудь взводнаго механика-самоучки, то ужъ конюшня почитается вполнѣ изукрашенною—и солдатамъ остается только «утѣшаться» въ свободныя минуты на свою «вѣтрянку» да на веселку:—«у насъ, молъ, не въ примѣръ веселѣй, чѣмъ въ третьемъ взводѣ!»

Вечеретъ. Эскадронный командиръ, задумчиво пуская струйки табачнаго дыма, сидитъ на ступенькахъ ветхаго крылечка, сплошь обвитаго зарослью хмеля, павоя и дикаго винограда. Вотъ эскадронный Шарикъ прибѣжалъ, отчихиваясь отъ пыли и весело виляя своимъ кренделемъ. Это значитъ, что старшій вахмистръ идетъ. И дѣйствительно, менѣе чѣмъ черезъ минуту появляется солидная фигура стараго Склярова.

— Кончили?—освѣдомляется майоръ.

— Слава Богу, съ нонѣшнимъ урокомъ подобрались совсѣмъ. Какъ прикажете назавтра?

И майоръ, все также задумчиво пуская колечки дыма, обстоятельно и неторопливо отдаетъ приказаніе, чтобы на завтра, по разсчету, половину людей съ шести часовъ утра послать въ луга, и начинать косить не съ того мѣста, которое ближе, а тамъ, гдѣ трава больше выросла.

— Кириловъ въ сторожѣ былъ *), — докладываетъ на это вахмистръ,—такъ онъ сказывалъ, будто за Василёвымъ перелазомъ трава очинно густая и вся въ соку стоитъ.

— Ну, съ Василёва перелаза и начинать.

— Слушаю-съ.

Затѣмъ слѣдуетъ обычное приказаніе, что какъ только накосятъ первый возъ травы, тотчасъ же и везти ее на конюшню и задать лошадямъ, да только не валить въ ясли свѣжую траву на вчерашнюю, буде вчерашняя не выѣдена, а то перепрѣетъ подъ свѣжею и—неровенъ часъ—лошади еще переболѣютъ, какъ объѣдятся прѣли этой.

— Ты гляди, чтобы люди, каждый разъ какъ задаютъ свѣжую, непремѣнно выбирали напередъ изъ ясель весь недо-

---

*) Т. е. былъ посланъ заранѣе сторожить траву

ѣдокъ и разсыпали бы его на лужайкѣ для просушки впрокъ, въ сѣно.

— Слушаю-съ, ваше-ск-родіе! Ужъ будьте безъ сумлѣнія.

— Да, вотъ что... Завтра я на траву поѣду, такъ ты распорядись-ко тово... взять въ луга боченокъ водки и мясную порцію косарямъ.

— Безпремѣнно, ваше-ск-родіе!

— Люди не вернулись еще?

— Идутъ уже.

И точно: изъ глубины лѣса смутно доносятся тонкіе подголоски. Но вотъ они все ближе и ближе, такъ что можно уже различать и басы, и другіе голоса, гулко отдаваемые, какъ будто съ разныхъ концовъ, лѣснымъ эхо. Только словъ еще нельзя разобрать; но по мотиву знаешь, что это пѣсня про «очи мои, очи», которыя «не даютъ спокою середь темной ночи».

То наши косари идутъ.

Вотъ они, наконецъ, уже въ виду Ильяновскаго фольварка, приближаются медленнымъ шагомъ; на плечахъ—вольно закинутыя косы, а на косахъ у нѣкоторыхъ торчатъ привязанные пучки пестрыхъ полевыхъ цвѣтовъ. Впереди этой вольноидущей гурьбы, манерно выступаютъ двое плясуновъ въ высокихъ зеленыхъ колпакахъ, сплетенныхъ въ минуту отдыха изъ разныхъ злачныхъ травъ, и въ рукахъ у нихъ пучки цвѣтовъ, которыми они размахиваютъ и поводятъ, вмѣсто извѣстныхъ хоровыхъ «ложекъ». За плясунами, въ такомъ же точно колпакѣ, идетъ запѣвало и энергически машетъ въ тактъ кудрявою вѣтвью граба, вмѣсто «махалки». Подобные же колпаки видны и на нѣкоторыхъ пѣвцахъ, а другіе украсили себя поверхъ фуражекъ вѣнками.

Сталъ я засыпати—горе забывати—
Пришла ко мнѣ радость—радость дорогая,
Взошла на крылечко да брякъ во колечко!..

дружно и отчетливо выводитъ хоръ, подбодряемый энергическими жестами запѣвалы, задавшагося мыслью «потѣшить господъ».

Майоръ всталъ со ступенекъ и пошелъ навстрѣчу косарямъ.

— Спасибо, братцы, за работу!

— Р-р-рады стараться, ваше-ско-родіе! вдругъ оборвавъ свою пѣсню, какъ одинъ человѣкъ, рявкнула толпа полуэскадрона.

Артельщикъ вынесъ косарямъ водки — ихъ дневную порцію. Я всегда замѣчалъ, что когда солдатъ подходитъ къ водкѣ, веселое лицо его принимаетъ вдругъ сосредоточенное, солидное выраженіе; онъ, терпѣливо дождавшись своей очереди, беретъ изъ рукъ предшествовавшаго товарища «крышку», выпиваетъ ее съ необыкновенно серіознымъ и отчасти даже суровымъ видомъ и съ молчаливымъ поклономъ передаетъ слѣдующему. Это почти общая манера у нашихъ солдатъ, изъ которыхъ многіе, коли не большая часть, прежде чѣмъ выпить, непремѣнно наскоро и торопливо перекрестятся.

Пока косари пьютъ свою порцію, пѣсельники добровольно составляютъ «кругъ». Между ними появились уже и «ложки», и «тарелки», и бубенъ съ пестрою махалкой! Они тихо, вполголоса, сговариваются и совѣтуются промежъ себя, какою-бы пѣсней напередъ всего «потѣшить господъ».

Но вотъ, послѣдній рекрутикъ, конфузясь, неловко какъ-то выпилъ свою «крышку». Всѣ люди примолкли, переглянулись между собою и вдругъ...

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше-ско-родіе!—веселыми и довольными голосами несется дружный крикъ изъ ихъ толпы, а затѣмъ сейчасъ-же—

Солдатушки-ребятушки,
А гдѣ-жъ ваша тетка?—
Наша тетка—командерска водка,—
Вотъ гдѣ наша тетка!

Около получаса продолжается пѣніе разныхъ, наиболѣе излюбленныхъ пѣсенъ. Офицеры всѣ сидятъ на крылечкѣ, а тутъ же рядомъ, на чистомъ воздухѣ, кипитъ самоваръ, и деньщики, звеня ложечками, наливаютъ душистый чай въ стаканы.

Солнце садится, и въ тихомъ, вечернемъ воздухѣ вьются цѣлые столбы лѣсной мошки, предвѣщая назавтра ясную и жаркую погоду. Лѣсъ начинаетъ куриться въ тонкую, сизоватую дымку, а по верхушкамъ сосенъ еще скользятъ и искрятся лучи заката, обливая горячимъ краснымъ свѣтомъ, всегда и безъ того красноватые, сосновые стволы и сучья. Птицы замолкли, только одинъ черный дроздъ выводитъ еще время отъ времени свой мелодическій высвистъ, гдѣ-то въ густыхъ вѣтвяхъ ближняго дерева,—да голенастые аисты, слетѣвшись въ свои гнѣзда, на сонъ грядущій, топочутся въ нихъ, помахивая крыльями и, высоко задравъ къ верху красноносыя головы, производятъ своими клювами какой-то странный, но нелишенный мелодичности звукъ, сначала медленный, раздѣльный, потомъ все ускоряющійся и, наконецъ, переходящій въ

частую дробь, которая очень похожа на звукъ деревянной трещотки.

Но — чу!.. Рѣзко и громко раздается по лѣсу звукъ трубы, играющей людямъ «сборъ» на вечернюю кашицу.— И вотъ, идутъ они вольными группами — кто съ котелкомъ, кто съ миской, съ кувшиномъ или съ бадейкой, и у каждаго въ рукахъ своя деревянная ложка и своя порція хлѣба,—идутъ, мелькая, межъ кустовъ бѣлыми кителями, которые, то тамъ, то здѣсь, вдругъ принимаютъ на мгновенье розовый тонъ, когда случайно ударитъ на нихъ косвенный лучъ, прокравшійся между стволами. Веселый и разнообразный говоръ сопровождаетъ эти группы. Кто-то разсказываетъ, жестикулируя руками, должно быть очень смѣшное, потому что взрывы смѣха то и дѣло раздаются въ одной изъ удаляющихся кучекъ. Въ другой кучкѣ кто-то съ кѣмъ-то считается за какія-то провинности. Въ третьей—одинокій голосъ чувствительно выводитъ высокимъ фальцетомъ какую-то заунывную пѣсню, про то, какъ «собачка вѣрная, звѣрокъ, завоетъ у воротъ». Люди спускаются съ горы къ берегу озера, гдѣ выкопана въ землѣ эскадронная кухня, прикрытая съ трехъ сторонъ навѣсомъ, устроеннымъ въ видѣ шалаша изъ еловыхъ вѣтвей, камыша и хвороста. Ѣдкій бѣлый дымокъ выбивается и струится изъ-подъ этого навѣса, а вмѣстѣ съ его запахомъ, въ тихомъ, безвѣтренномъ воздухѣ распространяется также и вкусный паръ отъ крупяной похлебки съ лучкомъ, съ картофелемъ и съ поджаренными «шкварками» изъ свинаго сала.

Отдѣльными группами привольно раскидываются люди на зеленой лужайкѣ и начинаютъ свой ужинъ. Рѣчи почти совсѣмъ утихаютъ и слышится лишь одно смакованье. Не ѣдятъ только трое: кашеваръ, дежурный унтеръ-офицеръ, да трубачъ,—они потомъ поужинаютъ себѣ на просторѣ, а теперь у каждаго своя забота: кашеваръ, въ бѣломъ фартукѣ, то и дѣло мѣшаетъ горячую похлебку большимъ деревяннымъ уполовникомъ, да подливаетъ охочимъ ѣдокамъ, которые подходятъ къ нему со своими посудинами, прося прибавки, унтеръ-офицеръ наблюдаетъ за тишиной и порядкомъ, а трубачъ, время отъ времени, наигрываетъ разные кавалерійскіе сигналы.

— Это какой сигналъ?—наставительно, экзаменаторскимъ тономъ, спрашиваетъ старослуживый дядька у двухъ племянишей-рекрутовъ.

— Это, дядинька, должно статься, «направо»! — увѣренно отвѣтствуетъ одинъ изъ нихъ.

— Гдѣ-жъ тебѣ «направо»?! «Направо» будетъ вотъ эдакъ: «лѣвый шенкель приложи и направо поверни»—вразумительно подпѣваетъ дядька:—вотъ тебѣ «направо»! А это—самъ слышишь—это во́ какъ: тамъ, тамъ, та-ти-тамъ! тамъ, тамъ, тати-тамъ!

— Это, дядинька, «еплояда»,—оскаливаясь широкою улыбкой, замѣчаетъ другой рекрутикъ.

— Эва, куда хватилъ! еплояда—та совсѣмъ иначе!.. Амплѣевъ!—возвышая голосъ, поворачивается онъ къ трубачу:—трескани-ко племяшу еплояду!—пущай поучится!

Трубачъ играетъ деплояду.

— Вишь, она какъ! понимаешь? А это: тамъ, тамъ, тати-тамъ! это — наступленіе по полуэскадронно, послѣ чего атака въ разсыпку бываетъ на антилерію, аль на стрѣлковъ.

Трубачъ играетъ сигналъ «по-взводно налѣво кругомъ».

— А это что? знаешь?

— Знаемъ, дяденька, знаемъ! — подхватываютъ въ разъ оба рекрута:—это, значитъ, «Антонъ козу веде, бисова коза нейде—иды-жъ»!

— Вѣрно!—соглашается наставникъ:—эта Антонова коза, братцы, самый что ни на есть ледящій сигналъ, потому онъ къ непріятелю спиной поворачивать повелѣваетъ! И ты его не моги любить!

— А коли начальство такъ укажетъ?

— Указъ это особь-статья! укажутъ, такъ сполняй, а самъ по себѣ ты все-жь-таки любить его не моги!

— А почему?—наивно спрашиваетъ одинъ изъ племяшей.

— А потому, что вашего брата нонѣ не бьютъ, такъ вы и не знаете, что означаетъ спину подставлять. У тебя, къ примѣру сказать, гдѣ хрестъ-атъ? на груди, аль на спинѣ болтается?

— Извѣстно, на груди, дяденька.

— Вотъ то-то-же и оно! И для того, что у тебя хрестъ на груди, ты и есть православный воинъ, философствуетъ дядька:—потому въ писаніи сказано есть: «симъ побѣдиши»—это означаетъ, что хрестомъ ты непріятеля одолѣешь, а какъ хрестъ у тебя на груди, такъ, значитъ, и ломи на непріятеля грудью, а покажешь ему спину — онъ тебѣ ее пулями горячими и вспишетъ! Понимаешь?.. Потому-то вотъ, еплояду и вобче всякое наступленіе уважай, а Антонову козу не моги любить!

Кавалерійскіе сигналы, къ которымъ слова были нѣкогда сочинены знаменитымъ кавалеристомъ, графомъ Дмитріемъ Ерофеевичемъ Остенъ-Сакеномъ, солдаты у насъ заучиваютъ

вообще довольно скоро, чему способствуютъ съ одной стороны именно слова, обращающія сигналъ на подобіе пословицы или пѣсни, а съ другой стороны — самая система обученія, коль скоро она ведется такимъ образомъ, что въ свободныя минуты, (какъ, напримѣръ, во время обѣда или ужина) трубачъ постоянно наигрываетъ сигналы на трубѣ, а опытные солдаты, заставляя молодежь вслушиваться въ звуки, учатъ ее съ голоса словамъ и объясняютъ при этомъ значеніе каждаго сигнала. Такимъ образомъ, обученіе, не имѣя, такъ сказать, казеннаго, принудительнаго характера, идетъ какъ бы само собою, исподволь, незамѣтно, и глядишь—рекрутъ, поступившій въ полкъ въ мартѣ мѣсяцѣ, къ весеннему кампаменту знаетъ уже аллюрные и поворотные сигналы, а къ осеннему сбору изученіе его простирается и до знанія всѣхъ вообще сигналовъ, которые необходимы собственно солдату. Но замѣчательно при этомъ, что большую часть сигнальныхъ словъ солдаты переиначили совсѣмъ по своему, какъ напримѣръ, эту же самую «Антонову козу» и многіе другіе, гдѣ данъ у нихъ полный просторъ своеобразному и не всегда скромному юмору. Эти послѣдніе сигналы заучиваются еще скорѣе и охотливѣе.

— Смирно!.. — раздается вдругъ команда дежурнаго унтеръ-офицера. который, запримѣтивъ въ кустахъ подходящаго къ кухнѣ эскадроннаго командира, спѣшитъ къ нему съ форменнымъ рапортомъ, что къ ужину, молъ, имѣется такая-то похлебка на столько человѣкъ, столько-то фунтовъ крупы, масла столько и проч. Дежурный обязанъ знать это съ самою полною точностію, такъ какъ выдача и пріемъ изъ кладовой всѣхъ вообще припасовъ и кладка ихъ въ котелъ производятся не иначе какъ въ его присутствіи, дабы не могло быть никакой потаенной сдѣлки между кашеваромъ и артельщикомъ.

При этомъ громогласномъ «смирно!» солдаты мгновенно оставили ложки и повскакали съ мѣстъ, тотчасъ же вытянувшись въ струнку.

— Сидите, ребята, сидите!.. Не вскакивать!.. Ѣшьте себѣ съ Богомъ! хлѣбъ да соль вамъ! еще издали предупреждаетъ ихъ, махая рукою, эскадронный командиръ, при чемъ, вслѣдствіе его словъ, солдатскія группы опять принимаютъ прежнее свободное положеніе, и работа челюстей начинается снова. Майоръ подходитъ къ кухнѣ, чтобы заглянуть въ котелъ, приказываетъ кашевару зачерпнуть себѣ уполовникомъ солдатской похлебки и, остужая губами, осторожно пробуетъ съ деревянной ложки вкусное и сильно горячее варево.

Но вотъ ужинъ конченъ. Эскадронъ собирается здѣсь же,

на лужайкѣ, въ одну тѣсную толпу, обращается лицомъ къ востоку и—по знаку запѣвалы—молитвенные звуки: «Отче нашъ», исторгаемые болѣе чѣмъ изъ сотни сильныхъ, здоровыхъ грудей, стройно несутся вдоль по широкой глади засыпающаго озера.

Четверть часа спустя, эскадронъ уже угомонился, и въ глубокой тишинѣ, когда подойдешь случайно къ сараю, слышно, жуютъ и хрустятъ зубами кони, и какъ въ одномъ уголкѣ какой нибудь краснобай разсказываетъ сказку засыпающимъ товарищамъ. На «поварской» кухнѣ деньщикъ выбиваетъ дробь поварскими ножами, готовя битки на ужинъ. Въ освѣщенныхъ комнатахъ, сквозь растворенные настежъ окна, слышны звуки цитры и разговоръ офицеровъ, а въ прибрежныхъ кустахъ соловьи перекликаются своими яркими пѣснями...

Тишь—глубокая, невозмутимая тишь на землѣ и на небѣ; теплый и мягкій воздухъ полонъ вешнею влагою и пахнетъ жасминомъ, тополью и сосною, а въ то же время отдаетъ слегка и сыростью воды, когда чуть замѣтное дуновеніе мягкаго ветерка потянетъ съ озера къ лѣсу. Темная, но ясная ночь воцаряется надъ лѣсною пустыней.

VII.

На сѣнокосѣ.

Утромъ, часу въ одиннадцатомъ, къ крыльцу подводятъ засѣдланныхъ лошадей. Закуривъ сигары, мы цѣлою компаніей отправляемся въ луга, на траву, куда косцы очереднаго полуэскадрона ушли еще въ шесть часовъ, чтобы воспользоваться для работы временемъ, пока солнце не такъ сильно припекаетъ. Офицерскія собаки являются добровольными и неизмѣнными спутниками этихъ прогулокъ, онѣ уже по этимъ конямъ, подведеннымъ къ крыльцу, какъ-бы догадываются, чуютъ и понимаютъ, что предстоитъ прогулка, и потому прыгаютъ вокругъ нихъ съ веселымъ визгомъ и лаемъ, пытливо и ласково засматривая въ глаза и людямъ, и конямъ.

Поѣхали. Выбравшись изъ лѣсу; ѣдемъ по узкой межѣ,

мимо зеленѣющаго овса, который является теперь великимъ соблазномъ для лошадей: такъ ихъ и тянетъ нагнуть шею да защипнуть зубами вкусный зеленый пучекъ этого лошадинаго лакомства! И какъ имъ, должно быть, завидно теперь глядѣть на этихъ собакъ, которыя рыщутъ себѣ по полю, гдѣ сами хотятъ, то и дѣло швыряясь въ стороны, ныряютъ въ овесъ, исчезая на минуту въ его зелени и снова мелькая на солнцѣ своею бѣлою волнистою шерстью съ коричневыми пятнами. Это не то, что чинно и смирно идти на мундштукѣ, чувствуя на своей спинѣ всадника и покоряясь его волѣ, тогда какъ зеленыя метелки овса такъ и манятъ къ себѣ, словно сами напрашиваются на зубы; а глупыя собаки и не догадываются, что здѣсь можно бы вдосталь полакомиться!.. Вотъ и луга. Стаи мелкихъ мотыльковъ и мушекъ, кобылки и коромысла вьются и рѣютъ надъ высокою травою, которая роскошною изумрудною зарослью покрыла болотистую низину. Верстахъ въ двухъ впереди видна дубовая роща, гдѣ торчатъ, между прочимъ, нѣсколько деревьевъ, въ разное время опаленныхъ молніей. Не знаю ужъ почему, только громовые удары, по примѣтамъ мѣстныхъ старожиловъ, разражаются преимущественно надъ этою рощей. Вонъ, тамъ, неподалеку отъ нея, видны ряды нашихъ косцевъ. Освѣщенные солнцемъ, они пестрѣютъ издали на зеленомъ фонѣ луга своими яркими рубахами, гдѣ перемѣшались цвѣта: розовый и голубой, красный, бѣлый и желтый. Подъѣзжаемъ совсѣмъ уже близко, такъ что явственно слышенъ мѣрный шуршащій звукъ лезвій нѣсколькихъ десятковъ косъ, подъ размахомъ которыхъ трава ложится волнообразными рядами. Косари правильною цѣпью подвигаются плавно впередъ—размахъ руки усердный и вѣренъ—работа кипитъ у нихъ, и обезпокоенныя лягушки, то и дѣло, въ смятеньи прыгаютъ изъ-подъ ногъ. Волосы на вискахъ у людей совсѣмъ уже смокли отъ обильнаго пота, а желѣзо косъ межъ тѣмъ искрами сверкаетъ на солнцѣ, и лица у всѣхъ косарей бодрыя и веселыя — потому каждому извѣстно, что майоръ еще съ вечера приказалъ вахмистру захватить въ луга по порціи холоднаго мяса на человѣка да боченокъ водки.

Скляровъ, завидя «господъ», еще издали идетъ къ намъ навстрѣчу съ многодовольною, тихою улыбкой, задумчиво и машинально погрызывая и трощя въ зубахъ длинный стебелекъ какого-то полеваго злака. Но Шарикъ, никогда и нигдѣ неотстающій отъ своихъ, уже далеко опередилъ его, успѣвъ повстрѣчаться и, по обыкновенію, снюхаться съ нашими сетерами. Ласково играя, грызясь и борясь съ ними лапами,

онъ какъ бы чувствуетъ, что здѣсь онъ въ нѣкоторомъ родѣ хозяинъ, къ которому пожаловали гости-пріятели, и бодро въ припрыжку бѣжитъ къ намъ навстрѣчу со всей своей песьей компаніей, намного превосходящей его и ростомъ, и силою, что не мѣшаетъ имъ, однако, жить между собою въ отличнѣйшей дружбѣ.

Подъ самою рощей стоитъ возъ и пасется пара стреноженныхъ артельныхъ лошадей, которыя вскорѣ повезутъ копну травы въ эскадронныя конюшни. Тутъ-же рядомъ, подъ тѣнью развѣсистаго дуба, солдаты успѣли уже смастерить изъ валежника шалашикъ и покрыли его соломой да вѣтвями. Какъ хорошо теперь полежать на свѣжей душистой травѣ подъ его сѣнью! Въ шалашѣ поставлено ведро съ холодною водою изъ криницы, чтобы незачѣмъ было косцамъ далеко ходить, когда захочется промочить пересохшее горло, — и тутъ-же въ уголкѣ выглядываетъ изъ-подъ накиданной травы боченокъ, спиртуозный запахъ котораго ясно даетъ знать о томъ, что въ немъ заключается. Передъ шалашикомъ дымится маленькій костерокъ и на немъ въ котелкѣ что то варится.

— А я, какъ значитъ въ ожиданіи, что ваше высокоблагородіе съ господами изволите пріѣхать, докладываетъ майору Скляровъ: — такъ собственно по той причинѣ самоварчикъ наставилъ, потому, думаю, можетъ, чаю угодно будетъ выпить; и вотъ тоже ребята купаться въ рѣчку бѣгали, такъ раковъ наловили для господъ,—варятся вонъ въ котелкѣ, скоро готовы будутъ,—можетъ, закусить пожелаете?— У меня про запасъ, значитъ, все захвачено съ собою!

Спасибо старому Склярову! Его предупредительная заботливость устроила для насъ нѣчто въ родѣ таборнаго пикника, очень скромнаго, но — благодаря своеобразной обстановкѣ—очень пріятнаго. Это, между прочимъ, одно изъ проявленій тѣхъ простыхъ, довѣрчивыхъ, душевныхъ и, такъ сказать, родственно-добрыхъ отношеній, которыя, безъ малѣйшаго ущерба дисциплинѣ и субординаціи, благодаря Бога, существуютъ еще въ русской арміи между солдатомъ и «своимъ» офицеромъ.

Майоръ осмотрѣлъ траву, освѣдомился, много ли выкошено, сдѣлалъ нѣсколько соотвѣтственныхъ распоряженій и приказалъ людямъ на полтора часа зашабашить. Это время, т. е. около полудня, дается имъ на закуску и отдыхъ. Послѣдовала обычная процедура съ командирскою водкой, и затѣмъ солдаты разлеглись себѣ въ тѣни подъ деревьями.

— Только, гляди, не ложись на брюхо, ребята, а то

холера скрючитъ — внушительно предостерегъ ихъ при этомъ вахмистръ.

Мы, между тѣмъ, отлично позавтракали вкусными раками, въ волю напились чаю и въ волю отдохнули въ шалашикѣ. Два часа прошли незамѣтно. Люди, поднятые съ отдыха вахмистромъ, уже давно принялись за свою работу, когда мы нехотя разстались, наконецъ, съ гостепріимною сѣнью шалаша, гдѣ такъ пріятно лежалось и дремалось на душистой травѣ, замѣнявшей намъ тюфяки и диваны, и гдѣ можно было при томъ лежать въ тѣни, тогда какъ палящее солнце обливало землю потоками горячаго свѣта. Но, во всемъ послѣдовательный и всегда систематичный, хотя и коренной русскій человѣкъ, нашъ майоръ объявилъ намъ, что время ѣхать, потому дома обѣдъ ждетъ, — а майоръ, въ силу своего стародавняго обычая, не любилъ манкировать положеннымъ часомъ своего обѣда. Въ силу того же стараго (но нынѣ уже исчезающаго) обычая, который еще лѣтъ пятнадцать назадъ былъ общимъ обычаемъ въ русской кавалеріи, офицеры и юнкера «своего» эскадрона, во время травы и на зимнихъ квартирахъ, всегда пользовались у майора открытымъ столомъ. Въ этомъ отношеніи нашъ добрый и простой майоръ былъ совсѣмъ командиръ стараго закала. И Боже сохрани, если бы въ то время, когда самъ онъ жилъ при эскадронѣ, какой-либо изъ его офицеровъ вздумалъ готовить для себя отдѣльный столъ на свои собственныя средства! Майоръ, конечно, не сказалъ бы ему ни слова, но почелъ бы себя глубоко и безпричинно обиженнымъ таковымъ поступкомъ. Однажды, его офицеры, зная очень хорошо, что онъ человѣкъ далеко не богатый, вздумали было со всевозможною деликатностью предложилъ ему каждый за себя условленную мѣсячную плату за столъ. Майоръ жестоко оскорбился этимъ предложеніемъ.

— Чортъ возьми! — весь вспыхнувъ, вскричалъ онъ голосомъ, исполненнымъ обиды негодованія: — я, кажется, ничѣмъ не подалъ вамъ, господа, повода оскорблять меня подобнымъ образомъ! Я для васъ эскадронный командиръ, а не трактирщикъ! Я самъ былъ субалтерномъ и самъ всегда ѣлъ у своего командира... Это обычай!—святой обычай!... И вы, когда будете эскадронными, вы его не преступите, если вы порядочные люди!..

Минута этой вспышки долго была памятна всѣмъ офицерамъ. Понятно послѣ этого, что, уважая и цѣня въ своемъ майорѣ его честный, патріархальный нравъ и обычай, мы, конечно, подчинялись ему безпрекословно, а потому и теперь

поспѣшили сѣсть на коней, когда онъ напомнилъ намъ, что дома обѣдъ ожидаетъ.

VIII.

Велля Гершуна.

Ѣхали мы подъ палящимъ, невыносимымъ солнцемъ. Кони, угнетенные жарою, понурились и подвигались черезъ силу вялымъ, лѣнивымъ, размаяннымъ шагомъ.

— Фу!.. поскорѣй бы до лѣса добраться!—истомно проговорилъ Апроня.

— Съ полъ-версты осталось, не болѣе,—замѣтилъ на это нашъ юнкеръ, — вонъ, ужъ Гершкина корчма видна подъ лѣсомъ.

— Просто смерть, какъ пить хочется!

— Это отъ раковъ! — совершенно правильно пояснилъ майоръ:—а что, господа, — прибавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ:—нѣтъ ли у кого спички? закурить хочется.

Но, увы!—огня ни у кого не оказалось.

— Какъ на грѣхъ, всѣ вышли!—вздохнулъ юнкеръ, показывая пустую спичечницу.

— Ну, да вотъ, впрочемъ, у Гершкиной корчмы и напьемся, и закуримъ, пообѣщалъ майоръ, въ утѣшеніе. А у васъ, кстати, подпруга ослабла, замѣтилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — какъ остановимся, подтяните.

Всѣ эти маленькія обстоятельства сложились такимъ образомъ, что, по общему убѣжденію, остановка у Гершкиной корчмы являлась, въ нѣкоторомъ родѣ, необходимостью.

Эта корчма, какъ и всѣ вообще литовскія придорожныя корчмы, отличалась отсутствіемъ, такъ сказать, домовитости и хозяйственности. Вы видите просто убогій домишко, кое-какъ построенный изъ битой глины, кое-какъ выбѣленный и покрытый соломою,—домишко, который торчитъ себѣ одинъ-одинехонекъ, гдѣ нибудь подъ лѣсомъ или въ чистомъ полѣ, на перекресткѣ двухъ проселочныхъ дорожекъ—и не видать вокругъ него ни забора, ни огорода или садика, ни амбара,

ни сарайчика, ни иной какой-либо хозяйственной постройки,— словомъ, ничего такого, что могло бы служить признакомъ сельскаго труда и домовитой осѣдлости. При Гершкиной корчмѣ не имѣлось даже навѣса, подъ который проѣзжему крестьянину можно бы было поставить свою кляченку. И дѣйствительно, въ этихъ придорожныхъ «халупкахъ» обитаетъ людъ, для котораго окончательно не существуетъ никакого производительнаго труда. Въ нихъ селится обыкновенно еврей, обремененный болѣе или менѣе многочисленнымъ потомствомъ, селится кое-какъ, на скорую руку, въ тѣснотѣ, въ бѣднотѣ и въ грязи, съ единственною цѣлью—«айнъ гутесъ гешефтъ махенъ». Для этого «гешефта» онъ обыкновенно снимаетъ въ аренду у мѣстнаго сельскаго общества придорожную хатку на курьихъ ножкахъ, беретъ въ акцизномъ управленіи билетъ на право продажи, запасается на всякій случай «алембикомъ» для «дыстыляціи» и «ливеромъ» для насасыванія водки изъ боченка, затѣмъ покупаетъ на водочномъ заводѣ бочку «катофлянки» да боченокъ «спирйтуса»—и, перебравшись въ «халупку» со чады и домочадцы, со всѣми «манатками» и «бебехами», открываетъ «гандель». Ему незачѣмъ имѣть корову, чтобы достать молока, ему не нужна и домашняя птица, да незачѣмъ и трудиться ни надъ посѣвомъ картофеля, ни надъ грядкой огородной овощи: все это, въ случаѣ надобности, нанесутъ къ нему въ достаточномъ количествѣ окрестные или проѣзжіе «хлопы» за какую нибудь «полкварту» картофельной водки. Скучно, неприглядно и даже небезопасно, порою, жить одному, безъ сосѣдей, на такомъ безлюдномъ пустырѣ, подъ громаднымъ старовѣчнымъ лѣсомъ; но еврей миpится со всѣми неудобствами и даже со всѣми страхами своего эфемернаго существованія, имѣя въ виду «гандель» и «гешефты» и принимая при этомъ въ соображеніе одно только существенное обстоятельство, а именно: насколько выгоднѣе арендовать корчму въ той или въ этой мѣстности.

Мы подъѣхали къ Гершкину обиталищу; но ни вокругъ корчмы, ни внутри ея ни души не было примѣтно: палящая жара, очевидно, загнала все живое въ какія-то невѣдомыя закуты; даже еврейская неугомонная дѣтвора, которая вѣчно торчитъ на дворѣ, теперь тихо забилась, запряталась, въ какіе-то темные уголки, ища себѣ прохлады отъ этого душнаго зноя.

— Гей! кто тамъ у васъ?!.. Есть-ли живъ человѣкъ? Отзовися!—зычнымъ голосомъ закричалъ Апроня.

Спустя минутку, внутри какъ будто что-то зашевелилось. Послышался скрипъ внутренней двери, а за тѣмъ приотвори-

лась и наружная, изъ-за которой таинственно глянулъ на насъ обликъ молодой женщины. Что на ней было надѣто—мы, по краткости времени, не могли замѣтить, но видѣли только, какъ изъ мрака сѣней сверкнуло бѣлизной полуобнаженное плечо, какъ она поспѣшно и стыдливо постаралась прикрыть рукою свою разстегнутую грудь и въ то же мгновеніе сконфуженно поторопилась скрыться опять въ глубину сѣней, захлопнувъ за собою двери. Осталось у насъ только мимолетное, смутное впечатлѣніе, какъ бы чего-то сверкнувшаго, чего-то очень красиваго.

— Что сей сонъ значитъ?—съ улыбкой спросилъ Апроня, обводя всѣхъ насъ недоумѣвающимъ взоромъ:—вотъ, ужъ именно «какъ мимолетное видѣніе, какъ геній чистой красоты»! Откуда это и кто она,—не знаете, господа?

Но на послѣдній вопросъ никто изъ насъ не могъ дать никакого отвѣта: мы, точно также какъ и Апроня, ничего не знали и, какъ и онъ же, каждый готовъ былъ въ свою очередь спросить: «что сей сонъ значитъ»?

— Гей! да выйди же, наконецъ, кто нибудь!... Гершко! Дьяволъ!..

— Заразъ, заразъ, паночку! заразъ!—послышался сиплый, заспанный голосъ, сопровождаемый катаральнымъ хрипомъ и кашлемъ.

Черезъ минуту на порогѣ показался сгорбленный, пожилой еврей съ сивыми пейсами, и такою же бородкой, въ порыжѣлой засаленной ермолкѣ, сбитой въ сторону и на затылокъ, въ «пантофляхъ» на босу ногу и въ рваномъ «ляпсардыкѣ», изъ-подъ котораго мотался талисманическій «цыцесъ». Лицо его было багрово и одутловато, а голова, почти безъ шеи, плотно сидѣла на коренастомъ, приземистомъ туловищѣ. Это былъ самъ корчмарь, ребъ Гершко Гершуна. Не надо было быть особеннымъ спеціалистомъ, чтобы, взглянувъ на его лицо и фигуру, сразу и безошибочно опредѣлить, что естественная смерть ребъ Гершуны воспослѣдуетъ не иначе, какъ отъ апоплексическаго удара. Почтенный Гершко, «по слабости здоровья», сильно придерживался чарки, и каждый вечеръ былъ уже положительно, что называется, «готовъ». А надо замѣтить, что подобная слабость является рѣдкимъ исключеніемъ въ средѣ евреевъ. Они, вообще, хотя и пьютъ, но очень умѣренно и почти никогда не напиваются до пьяна. Почтенный же ребъ Гершуна, благодаря своей «слабости здоровья», сдѣлался причтей во языцѣхъ и постояннымъ предметомъ пересудовъ между всѣми окрестными соплеменниками; на него указывали какъ на пагубный примѣръ, какъ на позоръ во

Израилѣ, прибавляя при этомъ съ укоризной: «а еще старозаконный!»—Ребъ Гершко при этомъ, какъ бы сознавая свое непотребство, обыкновенно вздыхалъ сокрушенно, поцмокивалъ языкомъ, покачивалъ головою, почесывалъ въ затылкѣ—и все сваливалъ на судьбу да на слабость здоровья, оправдываясь тѣмъ, что какъ же, молъ, ему не пить, если онъ овдовѣлъ, а жена и не подумала о томъ, что, умирая, она оставляетъ на его вдовьи руки столько ребятъ малъ-мала меньше! Всему причиною, значитъ, неумѣстная смерть жены, которую онъ такъ оплакиваетъ, такъ горько и чувствительно оплакиваетъ, что только въ винѣ и можетъ топить свое горе. Добрые люди совѣтовали было ребъ Гершунѣ жениться вторично, и онъ самъ былъ не прочь отъ этого, но слава о слабости его здоровья шла столь далече, что ни въ ближнихъ, ни въ дальнихъ мѣстечкахъ рѣшительно не находилось ни одной охотницы связать себя супружескими узами со старымъ и пьянымъ Гершкой. Понятное дѣло, что при такой слабости здоровья» гандловыя дѣла и гешефты ребъ Гершуны шли очень плохо: онъ имѣлъ возможность только кое-какъ перебиваться изо-дня въ день со своею дѣтворою, но при всемъ этомъ не роптalъ ни на людей, ни на Бога, и былъ человѣкъ положительно добрый, смирный и общительный, который любилъ и угостить и выпить въ компаніи «съ хорошимъ человѣкомъ», поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что къ солнечному закату ребъ Гершко оказывался невяжущимъ лыка. Теперь онъ вышелъ къ намъ вполпьяна и, очевидно, только что съ просонья.

— Стаканъ воды, пожалуйста! И огня давай!—обратились къ нему разомъ и майоръ, и Апроня.

— Ой, васше бляхгороою, у насъ такой похганый вода за рѣчку, што й пить не къ лицу такимъ бляхгородни гасшпи дамъ, — замахалъ рукою Гершко, скрививъ свою физіономію такъ, чтобы она самымъ наглядным образомъ выражала отвращеніе:—а взже якъ ви такъ гхочете, то у мене есть міодъ на ледовня, гхаросши міодъ, липецъ! то взже лепшъ викусшайте липцу!

— Давай, чего хочешь, только поскорѣе! — согласились наши жаждущіе.

— Велля!—повернувшись къ двери закричалъ ребъ Гершко.

Въ темномъ пространствѣ сѣней какъ-то скромно и стыдливо показалась стройная фигура высокой дѣвушки, которая тщательно кутала въ большой бѣлый платокъ свои плечи. Ребъ, отдавая ей приказаніе, торопливо затараторилъ что-то

по-еврейски, въ чемъ мы могли разобрать одно только: «айнъ липцесъ-бутельке»...

Пока я, соскочивши съ сѣдла, подтягивалъ подпруги, а ребъ Гершко, жалуясь на жару и духоту, подносилъ майору зажженную спичку, на дворъ высыпала вся ватага его замурзанной, ободранной дѣтворы, которая осматривала насъ съ равнодушнымъ любопытствомъ.

— Все твои?—кивнулъ майоръ на ватагу.

— Усше мои!—съ отеческой радостью отвѣтствовалъ ребъ: усше Гершки и усше Герштунятки! Богхъ блягхосшловилъ мене!

— А та, мадамъ—жена твоя, что-ли?

— Зжвините, она еще не мадамъ, а мамзель,—съ вѣжливой улыбкой проговорилъ Гершко:—и она зжъ не зжона менѣ, бо маво зжонка Богхъ узялъ до сшебѣ, а она менѣ дцурка.

— Твоя дочь?—съ удивленіемъ спросилъ Апроня.

— Такъ есть, моя старшая, сюдмнадстый рокъ пайшелъ взже! И такой гхаросши еврейски дѣвицу! такой мондры, такой мондры, такой набожни! съ родительской гордостью похвалялся Гершко.

— Что жъ ты ее въ дѣвкахъ-то держишь? Замужъ бы пора уже!—замѣтилъ майоръ.

Ребъ, скрививъ рожу, почесалъ въ затылкѣ.

— Ой вай!—цмокнулъ онъ, со вздохомъ:—какъ якой гхаросшій партый, а то партый такой нiѣтъ!.. Та й она еще така млода и така глупя. «Нiѣтъ, гховоритъ, татуле, я не гхочу замужъ, мине и такъ гхаросшо!»

— Гдѣ жъ она была у тебя прежде? Я что-то не помню ее...—замѣтилъ майоръ, пыхтя изъ своей коротенькой походной трубки.

Оказалось, что Велля до прошлой зимы жила и воспитывалась въ Крынкахъ *) у своей тетки, но тетка умерла, не оставивъ ей ничего, кромѣ кое-какихъ пустыхъ нарядовъ,—и бѣдной Веллѣ, непожелавшей мыкаться по чужимъ людямъ въ качествѣ «наймычки-батрачки», пришлось перебраться въ Гродненскую пущу, на отцовское «господарство». Можно представить себѣ, какова должна была показаться молодой дѣвушкѣ жизнь въ этой лѣсной трущобѣ, на пустырѣ, да еще зимою, съ оравой голодныхъ и босыхъ братишекъ и сестренокъ и съ вѣчно пьянымъ, безпечнымъ и безалабернымъ отцомъ.

---

*) Мѣстечко въ Гродненскомъ уѣздѣ.

Между тѣмъ, пока ребъ Гершко распространялся о Веллѣ и ея теткѣ, сама Велля успѣла уже наскоро накинуть на себя какое-то бѣлое съ мушками ситцевое платье, въ покроѣ котораго сказывалась претензія на современныя городскія моды,—и вышла къ намъ, уже безъ слѣдовъ смущенія на лицѣ, держа въ рукахъ подносикъ со штопоромъ, бутылкой и двумя стаканами.

Теперь мы могли вполнѣ разглядѣть ее.

Это была красота поразительная! Хотя Веллѣ только пошелъ семнадцатый годъ, но на видъ, какъ и большая часть женщинъ азіатскаго типа, она казалась гораздо старше своего возраста. Вы бы сказали, что ей навѣрное уже стукнуло двадцать одинъ или двадцать два года. Представьте себѣ весеннюю розу въ то майское утро, когда она, только-что окончивъ ходъ своего естественнаго развитія, вполнѣ дозрѣла, распустилась роскошнымъ махровымъ цвѣткомъ и вся еще скромно дышетъ силою нетронутой свѣжести,—такова была Велля. Стройная, крѣпкая, съ тою плавною округлостью формъ и движеній, которыя ясно говорятъ вамъ о сдержанной внутренней силѣ, о внутреннемъ огнѣ, затаенномъ до поры до времени, и служатъ признакомъ несокрушимаго здоровья и громаднаго запаса жизненныхъ силъ,—эта дѣвушка поражала еще и очаровательною прелестью своего лица, которое носило въ себѣ характерный отпечатокъ чистаго еврейскаго типа—но типа такого, какой встрѣчается вамъ въ лучшихъ образцахъ искусства, переносящихъ его на полотно во всей его библейской красотѣ и поэзіи. Жаркій и нѣсколько смугловатый колоритъ лица, синеватый отливъ черныхъ курчавыхъ волосъ, которые, казалось, отягощали своимъ изобиліемъ ея голову, характерный погибъ бровей, яркія и нѣсколько крупныя губы,—все это дышало силой и страстью; но огонь баядерки, горѣвшій въ ея глазахъ, умѣрялся тѣнью длинныхъ и скромно-опущенныхъ рѣсницъ. Художникъ не нашелъ бы для себя лучшаго типа, если бы вздумалъ писать библейскую Юдиѳь съ отсѣченной головой Олоферна.

Велля, какъ бы не замѣчая, что столько глазъ любуются на нее съ нескрываемымъ изумленіемъ и восторгомъ,—скромно потупивъ взоры, показывала видъ, что она исключительно занята своимъ дѣломъ и тщательно сбивала штопоромъ сургучъ съ засмоленной бутылки. Ясный взоръ ея мимолетно поднялся и сверкнулъ на насъ на одно лишь мгновеніе въ ту минуту, когда, наполнивъ холоднымъ медомъ стаканы, она поднесла ихъ желавшимъ напиться. Но что это былъ за взглядъ и что за очарованіе въ немъ свѣтилось!

Бутылка была роспита менѣе чѣмъ въ минуту. Но тутъ случилось маленькое и непредвидѣнное затрудненіе. Оказалось, что никто изъ насъ не догадался захватить съ собою денегъ; да оно и понятно: на что брать съ собою деньги, въ деревнѣ, выѣзжая изъ дому просто-себѣ прогуляться на какіе нибудь полтора, два часа времени?

— Сколько тебѣ слѣдуетъ, Гершко?

— Два злоты за бутелька,—съ почтительнымъ поклономъ отвѣтилъ еврей.

Мы объяснили ему наше затрудненіе.

— Ну, то ницъ не шкодзе! *)—предупредительно замахалъ онъ рукою:—ницъ не шкодзе, васше бляхгородю! Мы зже васъ зжнаемъ! А якъ вамъ мой міодекъ прійшелся до густу, **) то у мене завше ***) мозжно пакипать сколько бутелькевъ. Когхда ви тольке сгхочете, то моя Велля будзиць носить до васъ на фольварокъ! И позёмку зъ лясу, и гржибы зъ лясу ****) такъ само-зжъ мозжна носиць!

— Ну, вотъ и прекрасно!—подхватили чуть не всѣ мы хоромъ:—пускай и меду, и поземки, и грибовъ и всего пускай носитъ! Да побольше! да почаще! да присылай ее поскорѣе!

— Присылай сегодня же: деньги получитъ!—крикнулъ въ заключеніе Апроня:—и мы, сопровождаемые многочисленными поклонами ребъ Гершки, весело тронулись далѣе.

Тѣнь зеленаго, густаго лѣса, навѣвая тихую прохладу, видимо освѣжила и оживила нашу компанію.

— Боже мой! И это—родная дочка пьянаго, засаленнаго Гершки!—воскликнулъ Апроня.

— Просто оскор-рбительно!—сплюнулъ въ сторону юнкеръ Ножинъ.

— Н-да! рѣдкостная красота!—раздумчиво согласился майоръ, посасывая трубочку:—и чортъ ихъ знаетъ, подумаешь, какъ это у нихъ родятся такіе въ подобныхъ условіяхъ жизни, а главное, какъ онѣ могутъ развиваться въ этакую прелесть!.. Вѣдь, поди-ка, кромѣ «цилётке» да «цыбульке» и не ѣстъ ничего, а вся такъ и пышетъ здоровьемъ!

— Ухъ, этакую-то женщину въ Петербургъ бы!.. не безъ азарту воскликнулъ юнкеръ, даже зажмуривъ глаза отъ увлеченія:—показать бы ее только въ театрѣ да на гуляньѣ,

---

*) Не бѣда!
**) По вкусу.
***) Всегда.
****) Земляники и грибы изъ лѣсу.

такъ вѣдь и орильянты, и бельэтажи, и рысаки и тысячи— все къ ея ногамъ полетѣло бы! Концессіи раздавать бы стала!

— Н-да!—все такъ-же раздумчиво замѣтилъ майоръ:—а здѣсь вотъ и замужъ ее никто не беретъ, потому—бѣдная! «гроши не мае!» Такъ и завянетъ!

— Ну, по-моему, ужь пусть лучше вянетъ,—отвѣтилъ Апроня:—чѣмъ выйдти за какого нибудь грязнаго Шмульку въ лапсардыкѣ, да наплодитъ съ нимъ дюжину всякихъ Шмулятокъ. Завянуть въ глуши—это все же какъ-то поэтичнѣе!

— Просто оскор-рбительно! энергически и досадливо повторялъ нашъ юнкеръ.

Велля стала иногда показываться у насъ на фольваркѣ, принося каждый разъ то грибовъ, то ягодъ, причемъ товаръ ея оплачивался щедрою рукою. Эта щедрая плата вѣроятно и служила причиною ея довольно частыхъ посѣщеній. За какой нибудь кувшинъ земляники, вся цѣна которому десять грошей, ни одинъ изъ насъ, бывало, не скупился бросить лишній рубль, чтобы получить въ благодарность застѣнчиво-радостную, прекрасную улыбку,—тѣмъ болѣе, что всѣ мы очень хорошо знали, до какой степени дорогъ каждый грошъ этой бѣдной дѣвушкѣ и ея босоногому семейству. Она являлась всегда по утрамъ, около того времени, какъ мы кончали нашъ завтракъ и скромно, терпѣливо оставалась дожидаться насъ на дворѣ, около крылечка. Сколько разъ, бывало просили ее войдти въ комнаты, отдохнуть, закусить—Велля всегда очень деликатно отпѣкивалась. Не отказывалась она только отъ стакана чаю, когда ей предлагали его, но и то выпивала этотъ стаканъ на крылечкѣ, не переступая нашего порога. Въ этой дѣвушкѣ въ особенности было замѣчательно, что она являлась къ намъ всегда въ чистенькомъ коленкоровомъ или ситцевомъ платьецѣ,—а это—надо замѣтить—большая рѣдкость между евреями, не только бѣдными, но даже и весьма зажиточными: можете быть увѣрены, что заурядная еврейка отъ шабаша до новаго шабаша ни за что не надѣнетъ на себя чистаго платья. Нельзя сказать, чтобы и наша Велля отличалась чистотою въ своемъ домашнемъ обиходѣ: тамъ на ней, конечно были точно такія же грязныя лохмотья, какъ и на каждой еврейской работницѣ,—но къ намъ на фольваркъ она приходила всегда такая чистенькая,

свѣжая и скромная, что казалось, будто сознавая свою красоту, она не хочетъ портить изящнаго впечатлѣнія въ людяхъ, залюбовавшихся ею съ перваго разу. Каждый разъ она просила позволенія сорвать съ куста одну или двѣ розы и очень кокетливо украшала ими свою курчавую головку. Понятно, что съ нашей стороны никогда не встрѣчалось ей въ этомъ отказа, а юнкеръ Ножинъ даже весьма обязательно набиралъ для нея цѣлые букеты. Когда бывало, начинали съ нею шутить, она отвѣчала скромною улыбкой и не дичилась въ разговорѣ; но чуть лишь эта шутка переходила предѣлъ невинной скромности, обращаясь въ легкое заигрываніе, Велля вдругъ вспыхивала, въ характерныхъ бровяхъ ея показывалось тревожное движеніе страха и обиды—и, озираясь во всѣ стороны смущенно-безпокойнымъ взглядомъ, она торопилась уйдти съ фольварка. Это странное озиранье по сторонамъ было такого свойства, что невольно казалось, будто Велля опасается какого-либо тайнаго и ревниваго соглядатая, который, вслѣдствіе допущенной ею вольности, имѣлъ бы право заподозрить ея чистоту и скромность. Поэтому, послѣ одного или двухъ опытовъ въ подобномъ родѣ, никто изъ насъ уже не дозволялъ себѣ пускаться съ Веллей въ излишнія любезности. Но эта пугливая и застѣнчивая скромность только увеличивала обаяніе ея прелести. Намъ, людямъ заброшеннымъ со своимъ эскадрономъ въ глушь пустыннаго лѣса, гдѣ почти и не встрѣтишь женскаго лица,—намъ, безъ всякихъ цѣлей и намѣреній, было просто пріятно встрѣчать иногда у себя на мызѣ это свѣтлое, молодое существо, во всей его нѣсколько дикой и своеобразной прелести. Исключительная обстановка нашего существованія «на травѣ», и эта пуща зеленая, и эти озера лѣсныя, и это горячее лѣто—все какъ будто совокуплялось такъ, что утреннее появленіе дикарки Велли вносило въ нашу лѣсную жизнь вѣяніе чего-то поэтическаго. Юнкеръ Ножинъ безъ ума влюбился въ стройную дочь ребе Гершуны; онъ просто бредилъ ею, называя ее, въ своемъ влюбленномъ восторгѣ, то Юдиѳью то Иродіадой, рвалъ для нея пышные букеты, немилосердно истребляя красу нашихъ роскошныхъ розовыхъ кустовъ и жестоко царапая себѣ руки колючими шипами,—а въ свободные часы исчезалъ на одинокія прогулки въ глубину пущенскихъ дебрей, въ тщетной надеждѣ встрѣтиться тамъ со своею очаровательницей. Но, увы!—надо думать, что мечты и надежды юнаго Ножина не увѣнчивались ни малѣйшимъ успѣхомъ, потому что онъ возвращался каждый разъ домой усталый,

нѣсколько смущенный и видимо обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, избѣгая улыбокъ и разспросовъ добродушнаго майора.

IX.

Нечистая сила мутитъ.

Какъ теперь помню,—это было 23 іюня, въ самый канунъ Ивана-Купала. Въ той мѣстности, гдѣ мы обитали, еще и доселѣ сохранилось чествованіе купальскаго праздника во всей его древней аллегорической обрядности, а потому мы съ Апроней собирались въ эту ночь отправиться верхами въ пущу, на берега озера Кагана, гдѣ должно было совершаться это интересное празднество—уцѣлѣвшій остатокъ языческихъ временъ первобытнаго славянства.

Солнце начинало садиться.

Люди, въ урочный часъ, подъ присмотромъ взводныхъ вахмистровъ, провели на недоуздкахъ коней къ водопою въ ближайшее озеро. Для этого они, обыкновенно, прибывъ къ берегу, вскакиваютъ каждый на спину своей лошади и, съ помощью шенкелей, заставляютъ ее войти въ воду саженей на пять, на шесть отъ берега, такъ какъ у самаго берега дно слишкомъ илисто и мелко, да и вода, взбаломученная копытами, тотчасъ же становится мутною. Вотъ уже вернулись съ водопоя послѣдовательно три первые взвода, а четвертый только еще направился къ озеру. Эта взводная очередь принята у насъ для бо́льшаго порядка, чтобы избѣжать на берегу лишней толкотни и суеты между людьми и конями—отъ одновременнаго скопленія ихъ цѣлою массой, а также и для того, чтобы дать время замутившейся водѣ протечь и отстояться.

Мы, въ ожиданіи чая, сидѣли, по обыкновенію, на крылечкѣ, подъ навѣсомъ хмеля и дикаго винограда,—а въ вечерѣющемъ воздухѣ стояла такая невозмутимая, глубокая

тишина, что до насъ ясно доносились съ озера и плескъ воды, производимый движеніемъ входящихъ въ нее коней, и понуканья, и тотъ своеобразный мелодическій посвистъ, столь хорошо знакомый кавалеристамъ, посредствомъ котораго люди обыкновенно стараются возбудить въ конѣ аппетитъ и охоту къ водопою.

Вдругъ этотъ плескъ превратился въ шумъ необычайныхъ размѣровъ. Послышались перепуганные, тревожные крики, восклицанія, брань, голоса «держи, лови!»—Затѣмъ раздался, все болѣе и болѣе приближавшійся, гулкій и сильный топотъ многочисленныхъ копытъ—и вдругъ, чрезъ нѣсколько мгновеній, мимо насъ, шагахъ въ тридцати, вихремъ пронеслося съ гуломъ и ржаньемъ около десятка вырвавшихся на волю горячихъ коней. Это была чудная и своеобразно красивая картина! Распустивъ хвосты трубою и закинувъ гордыя головы, съ развѣвающимися гривами, съ огненнымъ взоромъ и раздутыми ноздрями, эти скакуны безъ всадниковъ, промчавшись нѣсколько десятковъ саженей въ одной тѣсной кучѣ, вдругъ ударились межъ деревьями въ разсыпную, оглашая лѣсъ на далекое пространство своимъ гуломъ и звонкимъ серебристымъ ржаніемъ, которое подхватывалось перекатнымъ эхо. Слѣдомъ за этою ватагой неслись почти всѣ остальные кони четвертаго взвода; на большей части изъ нихъ еще сидѣли кое-какъ всадники, тщетно стараясь однимъ недоуздкомъ сдержать бѣшеный пылъ своихъ лошадей, которыя, ошалѣвъ отъ какой-то неизвѣстной намъ причины, то и дѣло, взвивались на дыбы, давали «козловъ» *) и изо всей мочи порывались вслѣдъ за умчавшимися скакунами. Изъ опрокинутыхъ людей, кое-какъ успѣвшихъ подняться на ноги, иной торопливо старался поймать конецъ недоуздка, другой бѣжалъ, что есть мочи, за своимъ конемъ, третій, подданный кверху ловкимъ «козломъ» и сброшенный наземь черезъ голову,—къ счастію успѣвъ не выпустить изъ рукъ недоуздокъ, силится всѣмъ корпусомъ, откинутымъ въ упоръ, удержать вырывающуюся лошадь, — и все это сопровождается криками и смятеніемъ солдатъ, бѣгущихъ въ-догонку,—словомъ сказать, переполохъ поднялся ужаснѣйшій!

Я былъ командиромъ 4-го взвода и потому понятно, что происшедшая неожиданность касалась меня самымъ ближайшимъ образомъ.

---

*) «Дать козла»—спеціальное выраженіе. Лошадь «даетъ козла» посредствомъ лягательнаго прыжка задними ногами, вслѣдствіе чего при отсутствіи сѣдла и стремянъ, всадникъ легко можетъ полетѣть черезъ голову лошади

Вдругъ—смотрю—бѣжитъ ко мнѣ Слуцкій, мой взводный вахмистръ — застегивая на бѣгу свой китель. Слуцкій — это ражій дѣтина, чуть не косая сажень въ плечахъ, съ великолѣпными окладистыми черными баками и съ голосомъ, который гудитъ у него какъ изъ бочки, вслѣдствіе чего въ хорѣ пѣсенниковъ Слуцкій всегда «спущаетъ октаву».

— Ваше благородіе! бѣда! еще издали вопитъ онъ въ попыхахъ и въ испугѣ. — Явите божескую милость!.. Надо доложить майору!..

— Какъ это у васъ тамъ случилось?—спрашиваю его.

— Да Банникъ *) подъ рекрутикомъ, подъ Пашинымъ, спужамчись чего-то, шарахнулся въ сторону, смялъ въ воду и Пашина-то, а самъ ударился въ кучу коней, переполоху надѣлалъ такого, что просто ужасти! А за нимъ и всѣ другіе кони словно ошалѣли, тоже шарахнулись,—эфтимъ манеромъ и вышла вся каша!.. Явите Божескую милость, ваше благородіе! потому хоша случай такой, а все же много виновати!

Я побѣжалъ къ майору, который, вернувшись послѣ обѣда съ луговъ, прилегъ соснуть пока до вечерняго чая. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ приказалъ сейчасъ же засѣдлать нѣсколькихъ лошадей и послать на нихъ наиболѣе слышленыхъ и знакомыхъ съ мѣстностью солдатъ разловить убѣжавшихъ скакуновъ, а другую часть людей отправить съ тою же цѣлью пѣшкомъ. Такъ какъ происшествіе случилось въ моемъ взводѣ, то я счелъ обязанностью вмѣстѣ со своими людьми тоже отправиться на поиски.

— Кстати, захватите трубача съ собою, посовѣтовалъ мнѣ майоръ:—и велите ему время отъ времени играть сборъ: на звукъ трубы кони легко и сами соберутся.

Человѣкъ восемь всадниковъ отправились по разнымъ направленіямъ лѣса; я со Слуцкимъ и съ трубачемъ — выбравъ себѣ между ними направленіе, приблизительно, центральное,—поѣхали прямо по лѣсной цѣлинѣ, въ глубину пущи. Гдѣ рысцою, гдѣ шагомъ, пробираясь между кустами и старыми деревьями, мы отъѣхали отъ фольварка версты на три, когда я приказалъ трубачу впервые подать сигналъ. Амплѣевъ приставилъ губы къ трубѣ—и «сборъ» зарокоталъ по пустынѣ лѣса. Какъ только замеръ въ отдаленномъ эхо послѣдній звукъ трубы, мы стали прислушиваться, и вдругъ изъ двухъ или трехъ концовъ лѣса, какъ бы въ отвѣтъ на

*) Имя коня.

призывъ сигнала, послышалось вдали тонкое конское ржанье.

— Ага, почуяли, значитъ!—замѣтилъ Амплѣевъ.

Мы продолжали прислушиваться, стоя на мѣстѣ еще въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, но ржаніе не повторялось и, среди лѣсной тишины, ничто пока не служило признакомъ приближенія лошадей. Отъѣхавъ впередъ еще на версту, мы повторили «сборъ», но результатъ остался столь же безуспѣшенъ.

— Ваше благородіе!—обратился ко мнѣ Слуцкій:—не подать ли бы лучше «апель» вмѣсто «сбора»

— А что?—отозвался я.

— Да такъ; потому «апель», значитъ, конь завсегда не въ примѣръ лучше чувствуетъ.

— Дай «апель», Амплѣевъ!

И лѣсная пустыня рѣзко огласилась дребезжащею высокою трелью сигнала. Слуцкій соскочилъ съ лошади и, не выпуская изъ руки трензельнаго повода, прилегъ ухомъ къ землѣ и сталъ прислушиваться.

— Гудетъ, ваше благородіе! — съ какою-то таинственностью, въ полголоса, сообщилъ онъ черезъ минуту.

— Что гудетъ?

— Земля гудетъ... Значитъ, топотъ слышенъ.

— Далеко?

— Сдается такъ, будто все ближе... все гулче становится!... Подать бы, ваше благородіе, еще разокъ?

— Труби!—приказалъ я Амплѣеву.

И вотъ, минуты двѣ спустя послѣ повтореннаго сигнала, снова раздалось, уже гдѣ-то невдалекѣ, серебристое ржаніе, а затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, ясно послышался топотъ и трескъ сухаго валежника, ломаемаго подъ тяжестью конскаго копыта.

Мы внимательно напрягли и слухъ, и зрѣніе.

Черезъ минуту, на небольшую открытую лощинку, лежавшую передъ нами, выбѣжалъ конь «Асланъ» и, остановясь отъ насъ шагахъ въ полутораста, чутко насторожилъ строгія уши, понюхалъ воздухъ и вдругъ, испуганно шарахнувшись въ сторону, въ одно мгновенье исчезъ куда-то вправо за густыми кустами.

Слуцкій живо очутился на сѣдлѣ и, пригнувшись къ лукѣ, чтобы защитить лицо отъ хлесткихъ прутьевъ да отъ колючихъ сосновыхъ вѣтвей, пустился—по мысленному предположенію—на перерѣзъ Аслану.

Мы остались дожидаться на мѣстѣ.

Опять послышался трескъ сучьевъ и топотъ, и опять вы-

бѣжала на лощину лошадь, почти въ томъ же самомъ направленіи, какъ и Асланъ и—точно такъ же какъ и онъ—пріостановилась, озираясь по сторонамъ; видимо усталая, она обмахивалась хвостомъ и отфыркивалась.

— Э, да это никакъ Бабилина!—шепотомъ замѣтилъ Амплѣевъ. И дѣйствительно, вглядѣвшись, я узналъ въ этой сухощавой длинношеей кобылѣ нашу кроткую «Бабелину».

Лошадь межъ тѣмъ, завидѣвъ насъ, высоко поднявъ голову, радостно заржала и вдругъ направилась прямехонько-таки къ намъ покорною, смирною и легонькою рысцею. Амплѣеву не стоило никакого труда шагомъ податься ей навстрѣчу и, осторожно приблизясь, схватить ее за болтавшійся недоуздокъ.

Спустя около четверти часа вернулся и Слуцкій, ведя за собою Аслана.

— Гдѣ тебѣ удалось поймать его?

— А, лядащій конь,—проворчалъ онъ съ неудовольствіемъ: все лицо изъ-за него прутьемъ перецарапало? Нагналъ ужъ я его вона гдѣ! въ болотѣ! никакъ къ себѣ не подпущаетъ, хоть что хошь! Чуть я пойду эдакъ осторожно съ боку,—онъ сейчасъ это въ сторону и шабашъ! Ничего не подѣлаешь! Умучилъ просто! И до тѣхъ поръ не давался, пока его по брюхо въ болото не втемяшило; ужъ тутъ только я могъ взять его, да чуть было и самъ не утопъ совсѣмъ! Вона-какъ разубрался —страсть!

И дѣйствительно, Слуцкій и оба коня были мокры и покрыты зелеными прядями болотной тины.

— Амплѣевъ! возьми Аслана съ Бабелиной къ себѣ въ заводь, и пойдемъ далѣе! распорядился я.

— Ваше благородіе, вамъ угодно... впередъ?—какимъ-то страннымъ, подозрительнымъ тономъ спросилъ меня Слуцкій.

— Да, впередъ; а что такое?

— Да оно ничего-съ... а только... конечно... Кто его знаетъ!.. Какъ бы не спужаться вамъ, неровенъ часъ...

— Что ты за чушь несешь!—съ удивленіемъ оглядѣлъ я моего «взводнаго»:—чего это я тамъ буду «пужаться»?!

— Виноватъ, ваше благородіе! Есть воля ваша, а только... не ладно тамъ.

— Да говори ты, любезный, толкомъ! Что такое не ладно то?

— Конечно, ваше благородіе, въ добрый часъ сказать, а въ дурной помолчать... А я къ тому собственно изволю докладывать, что темно уже становится, но... а ночь-то нынче купальская-съ.

— Такъ что же?

— Какъ угодно вашему благородію, но только я, значитъ, —какъ вотъ стою передъ вами,—такъ точно своими глазами видѣлъ... Тамъ, ваше благородіе, «оно» ходитъ...

— Пьянъ ты, братецъ, что-ли!.. Какое тамъ еще «оно?»

И не дожидаясь объясненія, я сказалъ людямъ: «шагомъ маршъ» и тронулся далѣе.

— Кто его знаетъ, ваше благородіе, что «оно» такое, а только ходитъ... Самъ, значитъ, видѣлъ, на ходу уже продолжалъ докладывать мнѣ Слуцкій:—я, этта, крадусь къ Аслану, а «оно» мнѣ навстрѣчу... И больше не будетъ, къ примѣру, какъ вонъ до того дерева — шагахъ въ тридцати, значитъ, остановилось и смотритъ на меня, и покажись мнѣ, что жалостно такъ, во всѣ глаза, то-ись, смотритъ! а потомъ вдругъ шасть въ сторону и пропало—ну, вотъ словно сквозь землю провалилось!

— Померещилось, можетъ?—замѣтилъ Амплѣевъ:—въ лѣсу это бываетъ объ ину-пору.

— Чего тѣ «померещилось»?! Пьянъ я, что-ли, и въ самдѣлѣ!?—огрызнулся на него Слуцкій. — Говорятъ тѣ, своими глазами, а онъ—«померещилось»!

— Какое же «оно» съ виду-то? на что похоже?—спросилъ я съ невольною улыбкой.

— Бѣлое, ваше благородіе, какъ есть, все бѣлое, и на головѣ, словно какъ у покойниковъ, саванъ, а-либо-платокъ какой, не знаю ужъ, а только что бѣлое,—это вѣрно-съ!.. И какъ быдто женска пола, ваше благородіе.

— Ну, баба какая нибудь пошла свянто-янскія травы сбирать, и только; а ты—солдатъ—испугался!.. Эхъ, братъ!

— Есть воля ваша! а только не похоже оно на бабу деревенскую, хоша и точно-что скорѣе сдаетъ на женскій полъ, одначе-жъ не баба, потому ежели бабу — ту сейчасъ видно!

— А этта, ваше благородіе, помолчавъ минуту, снова заговорилъ Слуцкій таинственно пониженнымъ тономъ:—я такъ думаю, что это никто больше какъ... французинка... та самая, что штабсъ-ротмистръ анадысь изволилъ вамъ сказывать... Это она самая и есть!

«Ильяновская легенда!»—подумалъ я про себя.

— А развѣ вы еще не забыли про нее?—спросилъ я Слуцкаго.

— Зачѣмъ забыть, ваше благородіе! Намъ какъ тогды про нея деньщики сказывали, такъ очинно даже занятно!.. И мы часто потомъ промежъ себя толковали, да и ночные наши тоже видѣли, какъ и я же вотъ теперь. Да и что-жъ мудре-

наго!—нѣсколько философски продолжалъ мой взводный:—мѣста здѣсь самыя подходящія! и лѣсъ, этта, и болота, и озера—вся эта нечисть любитъ вѣдь по такимъ трущобамъ водиться, а нонче къ тому же—Аграфена-купальница,—вотъ и выползла, значитъ, на свѣтъ Божій. Сегодня ей шабашъ!

— А, что, Иванъ Антонычъ, — не совсѣмъ-то увѣренно обратился къ Слуцкому Амплѣевъ: — кони-то сегодня ни съ того, ни съ сего разбѣжались—вѣдь это все, поди-ко, ейныя же штуки! Пожалуй, что она все шкодитъ!

— А ты какъ понимаешь!? — какъ бы нехотя, но увѣренно и авторитетно въ полъ-оборота отвѣтилъ ему Слуцкій и замолкъ.

Разговоръ прекратился.

Солнце давно уже сѣло, и въ лѣсу съ каждою минутой становилось все болѣе сумрачно и сыровато. Проѣхали мы впередъ еще около версты отъ мѣста нашей послѣдней остановки.

— А ну-ко, Амплѣевъ, подай еще «апель», распорядился я, когда мы выѣхали на одну изъ лѣсныхъ тропинокъ, которую можно было разглядѣть еще въ сумракѣ по двумъ глубокимъ колеямъ, проложеннымъ крестьянскими возами.

Сигналъ былъ поданъ.

— О-го-го-го-о-о!—долетѣлъ къ намъ издали человѣческій голосъ.

— Лѣшій!..—проговорилъ Амплѣевъ съ какою-то странной улыбкой, которая послышалась въ его слегка-дрогнувшемъ голосѣ, такъ что выходило—не то онъ въ шутку сказалъ это, не то и въ самомъ дѣлѣ разсказы Слуцкаго оставили въ немъ свою долю суевѣрнаго впечатлѣнія.

— Дура!—буркнулъ на него взводный сквозь зубы:—это, ваше благородіе, должно, кто нибудь изъ нашихъ голосъ подаетъ,—обратился онъ непосредственно ко мнѣ:—можетъ, подождать прикажете?—авось, подъѣдетъ!..

И мы придержали коней

— А что жъ, Иванъ Антонычъ,—съ тою же улыбкой въ голосѣ продолжалъ Амплѣевъ: — рази не бываетъ такъ, что «онъ» нарочно заводитъ? Для того и голосъ по-человѣчьи подаетъ!

— Ну, и пущай его!—нехотя и съ оттѣнкомъ неудовольствія проворчалъ Слуцкій. — «Заводитъ»!.. выдумалъ тоже: «заводитъ!» — Мы здѣсь теперича, братецъ мой, на торной тропѣ стоимъ, а она все куда ни на есть да выведетъ! Это не то, что какъ давеча по цѣлинѣ да по болоту! А здѣсь къ тому же видко; даже гораздъ видчѣе, чѣмъ тамъ было.

Въ это время навстрѣчу къ намъ по тропинкѣ выѣхалъ всадникъ.

— Это ты, Андрей Васильичъ?

— Такъ точно, ваше благородіе!—отвѣтилъ голосъ Склярова.

— Ну, что? какъ тамъ у васъ? Разловили?

— Есть таки. А у васъ двѣ?

— Двѣ: Асланъ да Бабелина.

— Ну, и славу Богу! восемь коней, значитъ, поймано. Одна «Астролябія» только отбилась въ сторону: къ Гершкиной корчмѣ побѣжала,—объяснялъ вахмистръ:—ну, да туда за ней Вороненко съ тремя солдатиками погналъ; надо быть, переймутъ и ее!

— А всѣхъ-то девять бѣжало?

— Такъ точно. Шестерыхъ ужъ домой повели.

— Стало быть, и намъ больше дѣлать нечего. Поворачивай, ребята!

И мы, взявъ себѣ въ вожаки Склярова, которому уже хорошо была извѣстна эта тропа, направились по ней къ Ильянову.

X.

Ночь на Ивана-Купала.

Черезъ нѣсколько времени, влѣво отъ насъ, въ той сторонѣ, гдѣ старорослый хвойный лѣсъ былъ нѣсколько рѣже, я замѣтилъ вдали мелькающій между деревьями отблескъ какого-то зарева, а еще спустя нѣсколько минутъ до нашего слуха сталъ доноситься съ той же стороны гулъ людскаго говора и звуки пѣсенъ. Женскіе голоса были слышнѣе.

— Ишь, у мужиковъ-то гульба!—замѣтилъ Скляровъ: — Купалу, значитъ, справляютъ.

— А что, Андрей Васильичъ, освѣдомился я:—не знаешь ты, штабсъ-ротмистръ поѣхалъ туда или нѣтъ?

— Надо быть, поѣхали, ваше благородіе, потому они

приказывали тѣлежку свою заложить, и мы уже закладывали даже, какъ случилáсь-то у насъ катавасія эта.

«Стало быть, я вѣроятно найду его тамъ», — подумалось мнѣ, и потому, не желая болѣе утомлять мою, и безъ того уже утомленную лошадь, я сдалъ ее на руки Слуцкому, приказавъ людямъ слѣдовать своею дорогой, а самъ пѣшкомъ отправился по тому направленію, откуда слышались голоса и трепетнымъ свѣтомъ мелькало зарево.

Пройдя сотни три саженей, я очутился на возвышенномъ берегу озера. Густой, высокій лѣсъ со всѣхъ сторонъ окружалъ его, какъ стѣною и, опрокинутый, отражался въ водѣ смутными, черными тѣнями. На противоположномъ, болѣе отлогомъ, берегу раскинулась предо мною оригинальная картина. Тамъ пылалъ громадный костеръ.

Вереницы искръ, словно-бы живыя существа, какіе-то фантастическіе рѣзвые духи, а не то—какъ будто огненные листья въ осеннюю бурю, цѣлыми снопами взвивались къ верху, кружились въ воздухѣ, длинною полосою уносились далече, или же огненнымъ дождемъ сыпались въ воду, отражаясь огненными змѣйками въ ея невозмутимо-спокойной глади.

Вокругъ этого костра толпилось множество народу: сюда, изъ нѣсколькихъ окрестныхъ деревень Езерской волости, сошлись крестьяне праздновать свою Купалу. Мѣсто около костра было украшено молодыми березками, воткнутыми въ землю; въ сторонѣ виднѣлось нѣсколько шалашей, покрытыхъ зелеными вѣтвями, и передъ ними курились маленькіе костерки, на которыхъ «маладзёхны» *) приготовляли яичницу —это излюбленное и необходимое—такъ сказать, традиціонное кушанье Купальскаго праздника. Старики со старухами сидѣли въ отдѣльныхъ кружкахъ и угощались водкою и сыромъ. Вообще, на Купалу не употребляютъ мяса, выбирая для пиршественныхъ угощеній болѣе растительную или молочную пищу. Вокругъ костра, взявшись за руки и образовавъ хороводное кольцо, ходили справа налѣво и потомъ слѣва направо молодые «дзѣцюки» и «дзѣвчины». И тѣ, и другія были украшены вѣнками и подпоясаны стеблями горькой полыни. Они пѣли купальную пѣсню про «рàчка», про то, какъ

Задумаў рачокъ жаніцися,
Да пайшоў до жабки журыцися:
«А у цебѣ, жабо, черево рыбо»!
А у цебѣ, раче, очи въ тыль,—

*) Молодицы.

и все это сопровождалось неизмѣннымъ припѣвомъ: «Ой, Купала! Купала на Ивана! то́, то!»

Потомъ выборный коноводъ праздника, или такъ-называемый «урядникъ» отдѣлилъ парней отъ дѣвушекъ и поставилъ однимъ по эту, а другихъ по ту сторону купальскаго «кострища»,—и вотъ, по знаку его, черезъ пламя понеслась съ разбѣгу прыгающая вереница. Сначала прыгали дѣвушки, а парни хоромъ подпѣвали при этомъ:

Цеперъ Купала, заутро Янъ
Кидау дзѣвокъ празъ барканъ!

А потомъ, когда стали прыгать парни, хоръ дѣвушекъ заводилъ имъ тотъ-же припѣвъ, измѣняя только вмѣсто «дзѣвокъ»—«кидау хлопцоу празъ барканъ».

Тутъ же, рядомъ съ «кострищемъ», стояла «кукля», то есть чучело, смастеренное изъ разнаго тряпья и ветоши, изъ рогожъ, соломы, вѣтвей и конопляныхъ волоконъ. Эта «кукля», изображающая собою Купалу, будетъ подъ утро обожжена на кострѣ и потомъ потоплена въ озерѣ.

Купальская ночь, по мѣстнымъ преданіямъ, есть ночь чародѣйская: рѣки и вода въ теченіи ея свѣтятся особеннымъ свѣтомъ; деревья и особенно старые дубы таинственно ходятъ по лѣсу и разговариваютъ между собою; ведутъ свои разговоры также и звѣри, и вообще всѣ животныя—и если кому удастся подслушать ихъ говоръ, тотъ считается «вяликимъ вѣдунцемъ на свѣцѣ.»

Колдуньи или «вѣдьмы» тоже обнаруживаютъ свою дѣятельность: онѣ отнимаютъ молоко у коровъ, собирая тайкомъ росу на огородахъ у своихъ сосѣдей, съ которыми онѣ въ ссорѣ, и давая эту росу пить своимъ собственнымъ коровамъ, послѣ чего сосѣдская корова должна уже меньше давать молока. Въ эту ночь разцвѣтаетъ папортникъ, а бабы вообще собираютъ въ лѣсахъ и въ лугахъ разныя травы и зелья: Руту, Василь, Дзяголь, Богатки, Папораць, Иванъ-да-Марью, Перелетъ, Курослѣпъ и Лопань съ Ластовнемъ. На утро онѣ несутъ съ собою эти травы въ церковь, и тамъ священникъ окропляетъ ихъ святою водою, послѣ чего зелья эти, получая названіе Свянто-Янскихъ, хранятся въ теченіе цѣлаго года, до слѣдующаго Купалы, и служатъ цѣлебнымъ средствомъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, или талисманомъ противъ колдовства, или же, наконецъ, примѣтами будущаго благополучія. Такъ называемая «Купальня» или «Купальница» (Ranunculus acris) и «Свянто-Янская трава» (Hypericum perforatum) почитаются могущественнымъ, неотразимымъ средствомъ для возбужденія

чувствъ любви и нѣжной преданности, — да и вообще, вся Купальская ночь, въ силу древнихъ преданій, есть ночь невозбранной, беззавѣтной любви и страсти для всей молодежи, которая вообще, во все остальное время года, отличается болѣе цѣломудріемъ, чѣмъ распущенностью своихъ нравовъ. На разсвѣтѣ Иванова дня даже и солнце показываетъ чудеса необычайныя. По мѣстнымъ повѣрьямъ, оно, всходя на горизонтъ «зайчиками играетъ по небу», раздѣляется на нѣсколько малыхъ солнцъ, которыя сверкающими колесами кружатся и вертятся одно вокругъ другаго, разбѣгаются въ стороны и опять соединяются въ одно обыкновенное солнце. Но ранѣе этого явленія, вся молодежь должна непремѣнно выкупаться въ озерѣ, послѣ чего Купальская ночь со всѣми ея волхвованіями, чарами и вакханаліями считается уже законченною, — и люди, какъ бы омывъ, очистивъ себя отъ всей бѣсовщины и грѣха, спѣшатъ домой, чтобы нарядиться въ чистыя сорочки, въ цвѣтные уборы, и идти въ церковь, съ пучками цвѣтовъ и разнаго зелья.

Вдоволь налюбовавшись чудною картиной, которая оживленно развертывалась предо мною по ту сторону озера, вся озаренная свѣтомъ громаднаго костра,—я направился вдоль берега, съ намѣреніемъ дойдти до рыбачьей становки, чтобы переплыть въ челнѣ на ту сторону, гдѣ предполагалъ встрѣтиться съ моимъ сожителемъ Апроней, и вмѣстѣ съ нимъ вернуться домой въ его телѣжкѣ.

Темная, звѣздная ночь охватила глубокое небо и, посредствомъ своего тусклаго свѣта, превращала въ странныя, фантастическія очертанія каждый встрѣченный пень, каждый кустъ и громадные, вывороченные наружу, какъ бы лапчатые, корни деревьевъ, поваленныхъ нѣкогда бурею. Я шелъ въ потемкахъ, часто спотыкаясь о валежникъ и путаясь въ кустахъ широкаго папортника; но мало-по-малу глазъ мой свыкся съ темнотою: въ немъ изгладилось давешнее впечатлѣніе огненной ярости костра, раздражавшее сѣтчатую оболочку, и окружающіе предметы стали принимать для меня болѣе опредѣленныя очертанія.

Вдругъ, мнѣ послышался шорохъ чьихъ-то шаговъ—и какая-то фигура быстро пошла мнѣ навстрѣчу. Я успѣлъ только замѣтить, что это было что-то бѣлое, и остановился, поддавшись странному, но вполнѣ невольному чувству какой-то жуткости, охватившему на мгновенье мое сердце.

Бѣлое подошло совсѣмъ близко ко мнѣ, словно бы я былъ

для него знакомымъ и ожидаемымъ существомъ: но вдругъ, вглядѣвшись въ меня и какъ бы сознавая свою ошибку, оно быстро метнулось отъ меня и побѣжало въ сторону.

Но я узналъ его.

— Велля!—закричалъ я, направляясь вслѣдъ за бѣлою тѣнью: — Велля! остановись! не пугайся!.. Это я!.. Или не узнала?

Но бѣлая тѣнь продолжала бѣжать, не обращая вниманія на мой голосъ. «Зачѣмъ ей быть въ лѣсу въ эту пору, и что она можетъ здѣсь дѣлать?» мелькнуло у меня въ головѣ—и я пустился вслѣдъ за нею, совсѣмъ не думая о томъ, что мое присутствіе, быть можетъ, вовсе ей нежелательно. Вдругъ она запнулась объ какой-то корень и упала. Въ эту самую минуту я успѣлъ подбѣжать къ ней и помогъ встать на ноги.

— Велля, успокойся, это я... Чего ты побѣжала отъ меня? чего испугалась?—ласковымъ голосомъ говорилъ я, удерживая ея руки.

— Я ошиблась... извините... я не узнала,—смущенно пролепетала она своимъ гортаннымъ еврейскимъ голосомъ, стараясь пересилить испугъ и волненіе:—я думала, что это онъ.

И Велля не договорила. Произнеся это слово «онъ», дѣвушка какъ бы спохватилась и замолкла.

— Кто «онъ»?.. О комъ говоришь ты?—спросилъ я.

— А развѣ-жь я сказала «онъ»?.. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ поручикъ, вы ошиблись, я не говорила этого... Можетъ, вамъ такъ послышалось, а я не говорила! торопливо принялась она увѣрять меня.

— Ну, Господь съ тобою! я не разспрашиваю...

— Нѣтъ, нѣтъ!..—напирала она на словѣ, стараясь придать ему силу убѣжденія:—но когда-жъ я клянусь вамъ, въ самомъ дѣлѣ, я не говорила этого...

— Ну, да, милая Велля, — это все мнѣ только такъ послышалось,—я ошибся, я вѣрю тебѣ; но скажи, Бога ради, что ты здѣсь дѣлаешь одна одинешенька, въ этакую пору? Какъ тебя занесло сюда?

— Я гуляла... Нѣтъ! — перебила она вдругъ саму себя, порывисто схватила меня за руку:—я вамъ признаюсь... Вы добрый, вы не захочете для меня злого и вы не будете надсмѣхаться надо мною... я вамъ признаюсь... Я нарочно ушла изъ дому... я убѣжала...

— Ты?!.. убѣжала?! — невольно изумился я:— зачѣмъ?.. Вѣдь отецъ у тебя добрый, онъ любитъ, онъ не обижаетъ тебя,—зачѣмъ же ты убѣжала?

— Ахъ, я не знаю сама, что со мною!—въ мучительной

тоскѣ залепетала Велля, схватясь рукою за голову.—Да, онъ добрый и онъ не обижаетъ меня, но онъ меня замужъ выдаетъ!.. Понаѣхали сваты изъ Каміонки — ребъ Мордухъ Пиковеръ и Шлема Зильберъ—и теперь сидятъ и пьютъ съ та́тулэ и пропиваютъ меня за Орель Бублика, а я не хочу идти замужъ!.. не хочу и не хочу я!

— Да отчего же? Развѣ Орель Бубликъ дурной человѣкъ такой?

— Нѣтъ, онъ не дурной, но я...

И Велля замолкла, опять не договаривая и словно осѣкшись на недосказанной мысли.

— Да что же ты... любишь кого другаго, что-ли?

— Ахъ, не спрашивайте меня!.. Несчастная я—и пропащая моя голова!.. Когда-бъ вы знали только!.. Они всѣ думаютъ, что я набожная еврейская дѣвушка... О, кабы они знали!.. Они проклянутъ, они херимъ на меня наложатъ!.. Они ни за что не простятъ меня!..

— Велля, нельзя ли намъ помочь тебѣ?.. мы все сдѣлаемъ, что только возможно, мы приложимъ всѣ старанія...

— Оставьте!.. Никто мнѣ на этомъ не поможетъ!

И присѣвъ на поваленное дерево, дѣвушка закрыла лицо руками и зарыдала.

— Ну, что вы хочете отъ меня?!—вдругъ поднявшись и снова схвативъ меня за руку, заговорила она въ какой-то ожесточенной экзальтаціи:—ну, да! я люблю!.. да люблю-то я, на мое горе, христіанина!.. Они не простятъ мнѣ этого!..

— Въ такомъ случаѣ, разорви съ ними, принимай сама христіанство и выходи за него замужъ.

Въ отвѣтъ на это дѣвушка засмѣялась горькимъ и—какъ показалось мнѣ—нѣсколько истерическимъ смѣхомъ.

— Да онъ-то когда жь настолько любитъ меня!.. На что я ему!.. Вотъ, я одна, я жду его и мучаюсь, а онъ и не думаетъ! ему и дѣла нѣтъ!..

И она снова зарыдала, отвернувшись отъ меня и прислонясь головой къ стволу старой ели.

Бѣдная Велля!

Я видѣлъ всю глубину ея горя; мнѣ такъ хотѣлось бы утѣшить ее, хотя чѣмъ-нибудь помочь ей, хоть насколько-нибудь облегчить ея кручину; но что я могъ сдѣлать для нея въ данную минуту!.. Чувство понятной деликатности не позволило мнѣ спросить объ имени любимаго ею человѣка, а сама она не называла его.

Минуты двѣ спустя, нарыдавшаяся Велля, словно бы очнувшись, вдругъ подняла свою поникшую голову.

— Оставьте меня!—порывисто залепетала она, съ умоляющимъ видомъ сложивъ свои руки:—Бога ради, уйдите отсюда!.. Уходите поскорѣй! Не надо, чтобы вы были со мною! Не надо, чтобы насъ видѣли!.. Пожалѣйте меня!

— Велля, ты ждешь его?—рѣшился я сдѣлать ей послѣдній вопросъ.

— Да!—призналась она черезъ силу:—да, я жду его, онъ долженъ придти сюда... Поэтому... уйдите отсюда... умоляю васъ!

Дружески и просто пожавъ ей руку, я поспѣшилъ удалиться, смущенный этою неожиданной встрѣчей и отуманенный грустью за горе бѣдной еврейки.

XI.

Разгадка.

Шесть недѣль «травы» прошли быстро, почти незамѣтно. Съ 15-го іюля начинался общій сборъ, или—такъ называемый у насъ—осенній кампаментъ; поэтому 14 числа нашему эскадрону надлежало покинуть Ильяновскія вѣси и дебри.

Всѣ послѣдніе дни, начиная съ 9-го или 10-го іюля, жара стояла убійственная, такъ что даже и густая, почти непроницаемая тѣнь подъ лѣсными великанами не давала живительной прохлады. Въ раскаленномъ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка и если—бывало—взглянешь въ даль, за озеро, то ясно можешь наблюдать какое-то серебристое рѣяніе и дрожащую струистость этого воздуха, что особенно становится замѣтнымъ на сѣроватомъ фонѣ отдаленныхъ сельскихъ построекъ. По стволамъ сосенъ сочилась растопленная солнцемъ растительная смола, а въ самомъ лѣсу стоялъ такой сильный, такой густой распаренный запахъ сосны и ели, что, пробывъ въ этой атмосферѣ около получаса, начинаешь уже чувствовать въ груди и въ головѣ какую-то наркотическую тяжесть.

Въ такую жару даже и не тянетъ на воздухъ. Выглянешь черезъ силу на крылечко:—все какъ-то пригнетенно, замерло, затаилось и дремлетъ... Изрѣдка развѣ, по какой-либо нуждѣ, пройдетъ по двору разстегнутый солдатикъ такою розмаянною, тяжелою походкой, или понуро и лѣниво пробредетъ кудластая собака, высунувъ языкъ; а куры забрались въ тѣнь подъ стѣною сарая и, для пущей прохлады, повырывали себѣ въ землѣ ямки и сидятъ въ нихъ неподвижно, не подавая голоса... Жарко, скучно—одолѣваетъ и лѣнь, и сонливость... Ни за что не можешь взяться, ничего не хочется дѣлать—ни читать, ни думать: и мысль, и тѣло подавлены тупою тяжестью. А солнце межъ тѣмъ все льетъ и льетъ съ безоблачнаго, но какого-то бѣлесоватаго неба потоки знойныхъ лучей, которые до того накаляютъ почву, что если выдти на солнопекъ и постоять на пескѣ всего лишь нѣсколько секундъ, то ступнѣ замѣтно становится жарко, даже сквозь толстую кожаную подошву. Только въ комнатѣ и можно еще кое-какъ дышать, да и то не иначе, какъ съ плотно закрытыми ставнями.

Даже вечера и ночи не приносили съ собою прохлады: въ недвижномъ воздухѣ все-таки стояла страшная духота. Но такъ-какъ все же это было единственное время, когда являлась нѣкоторая возможность отдохнуть отъ несносныхъ знойныхъ лучей, то мы и старались пользоваться имъ какъ можно больше, чуть лишь послѣдніе отблески багроваго свѣта померкнутъ на верхушкахъ пущенскихъ сосенъ. Въ томъ краѣ сумерки бываютъ непродолжительны, и какъ только солнце скроется за горизонтомъ, причудливо озаривъ на прощанье отдаленныя, низкія облака перламутровыми переливами золотаго, розоваго и фіолетоваго цвѣта, ночная тьма быстро начинаетъ окутывать землю. Въ этотъ часъ, изнемогшіе отъ дневнаго жара, мы, всею нашею компаніей, выходили посидѣть часа два-три на крылечкѣ, побесѣдовать за стакановъ чая и подышать хотя и душнымъ, но все же не столь убійственно-знойнымъ воздухомъ. Наступала ночь; въ травѣ подымался неумолкаемый, непрерывный трескъ кузнечиковъ; ящерки и жабы выползали на дорожку; летучія мыши начинали черкать воздушные зигзаги неуклюжимъ полетомъ своихъ острыхъ крыльевъ; мѣдно-красный, почти кроваво-багровый мѣсяцъ показывался въ туманно-тусклой знойной мглѣ надъ чертой темно-сизаго горизонта и, недолгое время низко проплывъ надъ землею, снова скрадывался за тою же чертою. Въ эту пору вдосталь можно было любоваться кра-

сивыми зарницами, которыя, то тамъ, то здѣсь, то и дѣло вспыхивали трепетнымъ огнемъ на отдаленныхъ окраинахъ неба и бороздили его въ разныхъ направленіяхъ излучистыми огненными змѣйками. Невольно такъ и вспоминались эти чудные стихи Тютчева:

Неостывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало.
Словно тяжкія рѣсницы,
Разверзалися порою
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею.

Но эти «грозныя зѣницы», чаруя взоръ великолѣпіемъ своей гнѣвной игры, невольно наводили на роптущую мысль, что есть же гдѣ-то такія благодатныя палестины, гдѣ въ эту самую минуту рокочетъ громъ и шумитъ обильный ливень, неся съ собою жаждущей землѣ освѣжающую прохладу, тогда какъ у насъ...

— Господи! хоть-бы гроза! хоть-бы на мгновенье грянулъ громъ и прыснулъ дождикъ! неоднократно повторялъ каждый изъ насъ, маясь въ эти душныя ночи, а благодушный майоръ все увѣрялъ и даже предлагалъ пари держать, что завтра—«ну, вотъ ужъ завтра, посмотрите, навѣрное будетъ вамъ гроза, и громъ, и ливень такой, что не землѣ, а небу жарко станетъ!»

Но увы! пророчеству майора суждено было сбыться не завтра и не послѣ завтра, а какъ разъ въ то время, когда намъ нужно было выступать изъ Ильянова.

Не желая напрасно мучить людей и лошадей томительнымъ и довольно длиннымъ переходомъ подъ полуденнымъ зноемъ, нашъ эскадронный командиръ порѣшилъ выступить изъ Ильянова около полуночи, чтобы подъ утро успѣть прибыть въ подгородную деревню Каплицы, гдѣ на время осенняго кампамента намъ были назначены квартиры.

Вещи наши мы уложили и отправили на подводѣ, еще съ послѣ-обѣда, а сами, такъ сказать, налегкѣ остались дожидаться ночи.

Часу въ одиннадцатомъ, поужинавъ остатками холодной говядины и роспивъ послѣднюю бутылку вина изъ своего «травянаго» запаса, мы одѣлись по походному и вышли на дворъ, гдѣ рейткнехты ожидали уже съ конями. Немногіе изъ замѣшкавшихся солдатъ выводили послѣднихъ лошадей

изъ конюшенъ и пристраивались къ своимъ взводамъ, фронтомъ къ дорогѣ. Вахмистръ наскоро отдавалъ какія-то послѣднія распоряженія.

— Садись!

Люди зашевелились, залязгали сабли, затропотили копыта, но менѣе чѣмъ въ минуту эскадронъ стоялъ уже фронтомъ, какъ вкопанный.

— Пѣсенники впередъ!

— Такъ-то все же веселѣе будетъ идти ночью!—съ улыбкой обратясь къ намъ, пояснилъ майоръ свое послѣднее распоряженіе.

— Направо маршъ!.. Прямо—шагомъ!..

И масса воронаго эскадрона, словно бы рядъ темныхъ тѣней, тихо и плавно тронулась съ мѣста. Черезъ минуту запаленныя трубки-носогрѣйки, будто свѣтляки, то тамъ, то здѣсь мигали по рядамъ красно-огненными точками.

Воздухъ былъ насыщенъ электричествомъ. Густыя массы свинцово-сѣрыхъ и бурыхъ облаковъ еще въ началѣ десятаго часа медленно и грозно начали надвигаться съ юго-запада, захватывая все шире и дальше пространство синяго неба, а теперь онѣ нахлобучились надъ нимъ въ сплошную и замѣтно клубились однѣ надъ другими въ своихъ причудливыхъ, гигантскихъ очертаніяхъ.

Мы шли узкою лѣсною дорогой. Офицеры отдѣлились впередъ отъ эскадрона и тихо разговаривали между собою.

Вдругъ ослѣпительно вспыхнула молнія зеленовато-бѣлымъ огнемъ и вслѣдъ за нею, почти безъ промежутка во времени, грянулъ трескучій ударъ грома. Лѣсное эхо въ безконечныхъ, рокочущихъ раскатахъ понесло его по пространствамъ пущи и надъ озерами. Громъ въ пространномъ лѣсу — это нѣчто совсѣмъ особенное, что́ трудно передать человѣку, который не былъ самъ свидѣтелемъ такого поэтическаго и грандіознаго явленія.

— Ого, гроза, кажись, какъ разъ надъ головою! задравъ кверху лицо и ни къ кому собственно не обращаясь, замѣтилъ юнкеръ Ножинъ.

— Ну, вотъ вамъ и дождались, наконецъ! весело сказалъ на это майоръ.—Опустить пики! крикнулъ онъ, оборотясь къ эскадрону:—остріемъ ниже къ землѣ держи!... Не распускать коней, ребята! держи въ поводу хорошенько! Оглаживай почаще, чтобы не пугались!

Вахмистръ осадилъ коня и, свернувъ нѣсколько въ сторону, сталъ пропускать мимо себя ряды, наблюдая толково-ли ис-

полняютъ люди только-что отданныя приказанія. Но эскадронъ насчетъ толковости и дисциплины—не хвалясь сказать—былъ у насъ образцовый!

Снова черкнула по небу молнія и снова зарокотали по лѣсу громовые раскаты, но дождя еще не было. Мы жадно ждали его первыхъ, живительныхъ капель. Лѣсъ, какъ мертвый, стоялъ недвижно и таинственно. Послѣ вторичной молніи черезъ нѣсколько мгновеній сверкнула третья, четвертая; а тамъ еще и еще—и вотъ, вскорѣ все небо затрепетало почти непрерывными огнями, которые вспыхивали то тамъ, то здѣсь, то одновременно въ разныхъ концахъ небосклона, такъ что не успѣвала потухать молнія, какъ уже новый раздражающій свѣтъ озарялъ всю окрестность. Затѣмъ—снова мракъ, который, отъ этихъ рѣзкихъ и быстрыхъ переходовъ къ ослѣпительному свѣту, казался еще гуще, еще темнѣе и непроглядиѣе. Были мгновенія, когда въ теченіе двухъ и даже трехъ секундъ все небо пылало непрерывнымъ свѣтомъ, и что за дивные оттѣнки представляли тогда эти прихотливо клубящіяся массы облаковъ! Въ эти мгновенія вполнѣ ясно и отчетливо можно было различать и общую картину неба, и всѣ окружающіе предметы и нашъ путь, озаряемый на далекое разстояніе. Но ни единая капля дождя все еще не падала на землю. Это была сухая гроза—одна изъ самыхъ страшныхъ, когда-либо виданныхъ мною въ жизни. Гроза, соединенная съ ливнемъ, который сразу вноситъ съ собою въ природу освѣжающее начало,—дѣйствуетъ на нервы въ несравненно меньшей степени, да при томъ и не на всякіе нервы; но при грозѣ сухой, когда сумма электричества, разлитаго въ отягченномъ воздухѣ, достигаетъ своего maximum'а, оно вліяетъ и на душу, и на физическій организмъ угнетающимъ образомъ: вы чувствуете какую-то безотчетную тоску и томленіе, вы испытываете даже безсильную, жалкую злобу червяка предъ этою слѣпою стихійною силой, которая каждое мгновеніе можетъ васъ раздавить, уничтожить, тогда какъ при другихъ условіяхъ вы повелѣваете надъ нею вашею разумною волей, подчиняя ее силѣ науки; но здѣсь, въ данномъ положеніи, вы беззащитны, вы ничтожны предъ нею,—здѣсь уже не вы надъ нею, а она, эта стихійная сила, царитъ надъ вами. Люди, неоднократно лицомъ къ лицу видавшіе смерть въ сраженіяхъ, сравниваютъ (и, какъ мнѣ кажется, очень удачно) впечатлѣніе, производимое сухою грозой, разражающеюся не вдали, а прямо подъ головою,—съ впечатлѣніями пассивнаго боя, когда вы безмолвно и неподвижно стоите подъ пулями и гранатами, служа мишенью для непріятеля, а сами межъ тѣмъ не стрѣ-

ляете, не имѣете возможности развлечь вниманіе чѣмъ нибудь постороннимъ и остаетесь въ неизвѣстности — прикажутъ ли вамъ, наконецъ, броситься въ отчаянную атаку, которая въ эту минуту кажется вамъ блаженнымъ и желаемымъ раемъ сравнительно съ угнетающимъ адомъ пассивнаго боя.

Вдругъ, въ одно изъ тѣхъ мгновеній, когда трепетныя молніи, словно бы раздирая небо въ разныхъ концахъ, непрерывно поддерживали свѣтъ на двѣ, на три секунды,—мы замѣтили направо въ двухъ шагахъ отъ насъ и около самой дороги обнявшуюся пару—мужчину и женщину, которые сидѣли подъ густолиственнымъ раскидистымъ деревомъ.

— Велля! почти въ одинъ голосъ воскликнули и я, и Ножинъ.

— Ба! да и панъ органыста съ нею!.. громко сказалъ майоръ, въ немаломъ изумленіи отъ такой неожиданности.

Настало мгновенье полнаго мрака, а затѣмъ опять вспыхнула молнія, но подъ деревомъ никого уже не было. Придержавъ коня и вглядываясь въ ближайшую окрестность, я, при одной изъ слѣдующихъ вспышекъ, не безъ труда могъ смутно различить, какъ въ глубину лѣса убѣгали два человѣческіе призрака. По крайней мѣрѣ, въ эту минуту, при нервномъ и фантастическомъ освѣщеніи молніи, они казались скорѣе призраками, чѣмъ людьми; но первое мгновенье, озарившее ихъ слишкомъ ясно и близко отъ насъ, и при томъ съ достаточною продолжительностью, чтобы позволить разглядѣть ихъ положительнымъ образомъ,—не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это были точно Велля съ органистомъ.

— Ишь ты, панъ добрòдзей! добродушно смѣясь и покачивая головой, проговорилъ майоръ:—удачно выбралъ мѣсто и время для любовныхъ свиданій!

— Органистъ и Велля!—да что жъ это, господа, такое?! все еще не совсѣмъ-то приходя въ себя, пожалъ плечами Апроня.

— Ты хочешь знать, что это такое, съ невольною усмѣшкой обратился я къ моему сожителю:—это разгадка Ильяновской легенды.

Вскорѣ послышался глухой, но все болѣе приближающійся шумъ, и вслѣдъ затѣмъ порывистый вихрь налетѣлъ на деревья, которыя загудѣли и закачались подъ его неистовымъ напоромъ. Въ лѣсу раздался трескъ ломающихся вѣтвей и тяжелый скрипъ нагнетаемыхъ сосенъ, похожій иногда на старческое кряхтенье, а иногда переходящій въ чисто человѣческіе, протяжные стоны. Еще минута, другая—и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра, вмѣстѣ съ громомъ и бурею.

— Фу!.. Слава Тебѣ, Господи! Наконецъ-то освѣжать начинаетъ! обнажившись голову, проговорилъ Апроня съ облегченнымъ полнымъ вздохомъ, который просто съ наслажденіемъ вырвался на волю изъ его широкой, богатырской груди.

— Ну-тка, ребята, кто кого перешумитъ—вы ли бурю, или она васъ? весело, вызывающимъ тономъ обратился майоръ къ пѣсенникамъ—и въ ту же минуту, на речитативный вопросъ голосистаго запѣвалы, который допытывалъ «солдатушекъ-ребятушекъ» гдѣ-жь, молъ, ваши дѣды?—дружный хоръ молодецкихъ голосовъ, вмѣстѣ съ громомъ и бурей, отгрянулъ ему:

Наши дѣды—старыя побѣды!
Вотъ гдѣ наши дѣды!

Когда подъ утро мы пришли въ Каплицы, на насъ, буквально, нитки сухой не было. Вода хлюпала въ высокихъ сапогахъ, и вся одежда, начиная съ кителя и до сорочки, была грузно отягощена впитанною въ нее дождевою влагою.

XII.

Послѣдняя встрѣча.

Недѣли двѣ спустя, я проходилъ въ базарный день по гродненской торговой площади, направляясь въ клубъ обѣдать. Вдругъ чувствую изъ-за плеча, что кто-то опережаетъ меня, почти касаясь моего локтя и слышу чей-то знакомый, хриплый и ласковый голосъ:

— Здрастуйте вамъ!... здрастуйте вамъ, гаспидинъ сперучникъ? когда-жъ ви не взнали мене?!

Оборачиваюсь, гляжу:—ба? достопочтенный ребъ Гершко Гершуна! Тебя ли это я вижу?!

— Я сша́ми, я сша́ми, въ моемъ вла́стнемъ персону!... Н-ну, и какъ зже-жъ васъ Богхъ милуе?

— Ничего, слава Богу, скверно.

— Ой, ф-фэ! сшто ви гаво́ритю!

— Ну, а тебя какъ?

— Мене? Хгвàла Богху, мене отчинъ даволна гхарасшьо! И Богхъ менѣ балшово рàдосштю пасшлалъ... Когхда-зжъ ви не зжнаитю?—Я маво дцурке, маво Вельке замужъ видáю!

— Ой-ли?.. за кого-же? За Орель Бублика?

— Ну, то такъ естъ! За Орель Бубликъ! за онъ сшами.— А ви скудова зжнаитю?!..

— Слухомъ земля полнится.

— Такъ, такъ, сшлюгхомъ по зжемлю... Ну, и гхарошшій партый падайсшолъ. И я для тéго на гхородъ пріѣгхалъ, зжеби накупиць подарункевъ и розмайтыхъ перипасовъ на весшелью *).

— И что-же, женихъ-то богатый?

— Уй, якій бегхаты! Уй-уй!.. Дай Богхъ, кабъ я билъ таки зждарови, якъ онъ бегхаты! Съ гхарошшаго дому, бо его папыньке сшваво заѣздна кóрчма мáе на Каміонку, и гхарошши гандель крутитъ! Тамъ не то сшто у насшъ на Ильяново: тамъ другій интэресъ!

— Ну, отъ души тебя поздравляю!.. Кланяйся Веллѣ и пожелай ей отъ меня всякаго счастія!

— Ой, благодару вамъ! благодару вамъ, гасшпидинъ сперучникъ, на васшемъ сшліовѣ ласкáвемъ! забормоталъ ребъ Гершко со своими обычными многочисленными поклонами— и мы разстались.

Прошло четыре года. Отрядъ нашъ былъ выведенъ на маневры по виленской дорогѣ, верстъ за пятьдесятъ отъ Гродны. На второй или на третій день маневровъ авангардъ нашей стороны, наступая на противника, занялъ мѣстечко Каменку, гдѣ и велѣно было ему расположиться на дневку. Нашъ эскадронъ входилъ въ составъ авангарда, и потому вполнѣ понятно, что мы, въ лицѣ своего разъѣзда, первые вступя въ мѣстечко, сейчасъ-же отмежевали себѣ, такъ сказать, львиную долю, т. е. заняли лучшее мѣсто на площади подъ бивуакъ эскадрона и лучшую корчму подъ постой своихъ офицеровъ. Корчма эта стояла на той-же площади.

Освободясь отъ пыли, пота и грязи, которыми въ изобиліи вознаграждены мы были за горячія движенія этого дня, умывшись холодною водою и освѣживъ на себѣ бѣлье, мы съ наслажденіемъ растянулись въ повалку на ворохѣ душистаго сѣна, въ ожиданія чая и закуски. Одинъ только Апроня все еще не угомонился, возясь и хлопоча о чемъ-то на дворѣ около

---

*) Подарковъ и разныхъ припасовъ на свадьбу.

нашей подводы, гдѣ онъ отдавалъ какія-то распоряженія своему «взводному», пушилъ фурмана, приказывалъ что-то деньщикамъ и велъ о чемъ-то переговоры съ хозяиномъ корчмы, съ кузнецомъ и съ мѣстнымъ факторомъ.

Но, наконецъ, и онъ ввалился въ комнату, съ довольнымъ и розмаянным видомъ человѣка, который хотя и чувствуетъ себя очень усталымъ, но въ то же время удовлетворенъ сознаніемъ, что онъ исполнилъ все, къ чему былъ призванъ, все что́ отъ него требовалось и что́ было ему положено,— однимъ словомъ, разсудилъ, разрядилъ, внушилъ, обругалъ кого слѣдъ, распорядился, всѣмъ озаботился и можетъ теперь съ чистою совѣстью опочить на лаврахъ, то-бишь... на сѣнѣ.

— А знаете, господа, вѣдь здѣсь наша старая знакомая есть? объявилъ онъ, скидая съ себя всю аммуницію, вмѣстѣ съ запыленнымъ китлемъ.

— Кто такая? лѣниво повернулъ я къ нему мою голову.

— Мадамъ Бубликъ.

— Что за Бубликъ такой? отозвался майоръ: — никакого Бублика не знаю.

— Господи Боже мой, да Велля! Помните Веллю Гершуна —нашу Юдиѳь Ильяновскую?

— Ба!... Велля?.. Какъ не помнить!.. Да какими-жъ она здѣсь судьбами?

— Замужъ за гасшпидпнъ Бубликъ, передразнивая жидовскій акцентъ, пояснилъ майору Апроня: — и посмотрите спижалуста, сшто за гхаросши мадамъ зъ негхо вiйшла! Ой-вай!

Любопытство превозмогло усталость. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи повидаться съ милой Веллей, въ прошлый романъ которой, благодаря извѣстной уже случайности, я былъ посвященъ болѣе всѣхъ моихъ товарищей. Я хотѣлъ поскорѣе взглянуть на старую свою знакомку, на эту чудную библейскую красавицу, образъ которой если и рисовался изрѣдка моему воображенію, то не иначе, какъ въ той поэтической обстановкѣ, въ какой я помню ее въ лѣсу, въ два ночные момента—на Ивана-Купала и подъ сухой грозою.

Но, Боже мой, что-жъ это такое?

Я рѣшительно не узналъ ее съ перваго взгляда. Гдѣ же Велля? Гдѣ она—эта страстно-очерченная, своеобразно-граціозная, гибкая и сильная фигура азіатской баядерки съ головой и взоромъ Юдиѳи?..

Предо мной стояла раздобрѣвшая и уже нѣсколько обрюзглая, апатичная жидовка въ парикѣ, изъ-подъ котораго болтались въ ушахъ длинныя серебряныя сережки съ фальшивыми камнями, а надъ парикомъ возвышался скомканный

чепецъ съ бантами изъ замасленныхъ лентъ. Поблеклое лицо ея, покрытое какими-то желтыми пятнами и веснушками, не сохранило даже и тѣни прежней красоты и не выражало ничего, кромѣ апатіи; большіе же глаза, если и загорались порою, то уже не огнемъ поэтической страсти, а только безпокойствомъ за барышъ, только суетно-мелочною жадностью хозяйки скопидомки. Въ четыре года супружества она умудрилась наплодить пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ послѣдніе были двойни. Богъ Авраама, Исаака и Іакова, очевидно, благословилъ ее плодородіемъ праматери Леи. Супругъ ея—гаспидинъ Орель Бубликъ, находившійся подъ деспотическимъ началомъ своего отца, предсталъ предъ нами въ образѣ рыженькаго, щедушнаго еврейчика, который всѣмъ смысломъ фигурки своей являлъ полнѣйшее ничтожество и былъ замѣчателенъ только тѣмъ, что слылъ между мѣстнымъ еврейскимъ населеніемъ за человѣка очень набожнаго.

Велля—чудная, поэтическая Велля—въ грязномъ, пахучемъ образѣ обыкновенной «мадамъ», обыкновенной жидовки, какихъ вы тысячами встрѣчаете по городамъ и мѣстечкамъ Западнаго края,—кто изъ насъ могъ бы четыре года тому назадъ вообразить себѣ подобную метаморфозу!..

«Просто оскорбительно!» вспомнилось мнѣ при этомъ выраженіе юнкера Ножина.

ПОЛКОВЫЯ ПРИЖИВАЛКИ

(Изъ очерковъ кавалерійской жизни)

Всеволода Крестовскаго.

I.

Безсловесныя.

Такъ въ большихъ барскихъ домахъ, въ особенности въ домахъ былаго времени, такъ и въ большинствѣ нашихъ полковъ существовали, а кое-гдѣ еще и до сихъ поръ существуютъ особаго рода приживалки, столь органически входящія въ самый складъ быта и жизни, къ которымъ онѣ присосались, какъ улитки къ коралловому рифу, что безъ нихъ иногда даже невозможно представить себѣ подобнаго дома, или подобнаго полка, въ особенности, если это полкъ кавалерійскій. Приживалки эти бываютъ разныя: и въ образѣ человѣчьемъ, и въ образѣ безсловесныхъ—собакъ, козловъ, иногда птицъ и т. п.

Еще въ моей «Исторіи Ямбургскаго уланскаго полка» я долженъ былъ отмѣтить любовь къ животнымъ какъ выдающуюся особенность, искони присущую нашимъ солдатамъ. И дѣйствительно, поднять на улицѣ въ грязи несчастнаго, голоднаго щенка, принести его въ эскадронъ и тамъ выкормить и выхолить—это была и есть одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ солдатскаго добродушія. Такой выкормышъ становился уже эскадронною собственностію. Рядомъ съ любовію къ собакамъ шла любовь къ козламъ. При конюшнѣ эскадроннаго командира въ былые годы всегда живалъ эскадронный козелъ, общій любимецъ и забавникъ, состоящій тоже на общественномъ иждивеніи. Подразнить въ шутку козла, схватить за рога, закрутить его и заставить бодаться—это всегда было и есть одно изъ первыхъ удовольствій сол-

дата въ досужую минуту. Въ послѣднее время козлы въ кавалерійскихъ полкахъ, къ сожалѣнію, начинаютъ выводиться изъ обычая, но въ прежніе годы эскадронные козлы, также точно какъ и собаки, бывало, дѣлаютъ съ эскадрономъ всѣ походы, идутъ на ученія, на маневры и даже выходятъ на смотры и парады. И, кажется, не было еще примѣра, чтобы удалось согнать съ плаца этихъ неизмѣнныхъ солдатскихъ спутниковъ: ни козелъ, ни собака ни за что не отойдутъ отъ своей части; куда часть, туда и они: часть несется въ атаку —и они лупятъ за нею; часть проходитъ церемоніальнымъ маршемъ—и они тоже парадируютъ впереди, либо въ замкѣ, или на одномъ изъ фланговъ. Какъ тутъ ни бейся полицейскіе блюстители, какъ ни старайся прогонять ихъ съ плаца, все равно ничего не подѣлаешь: продерутся снова сквозь толпу и лягутъ на свое надлежащее мѣсто, такъ что ужъ, волей-неволей, полицейскимъ приходится терпѣть этотъ исконный безпорядокъ, мириться съ нимъ. А сколько этихъ вѣрныхъ псовъ погибло въ послѣднюю войну отъ пуль и осколковъ подъ Плевной, на Балканахъ... Они и тамъ были, и тамъ переносили всѣ труды и невзгоды вмѣстѣ со своими эскадронами и ротами.

Справить псу хорошій ошейникъ въ складчину, да если еще съ бубенчикомъ, какъ это любо солдатамъ! Въ Ямбургскомъ полку, въ тридцатыхъ годахъ, при трубачской командѣ жилъ на конюшнѣ огромный и очень красивый козелъ, надѣленный отъ природы прекрасною волнисто-бѣлою шерстью. Бывало, предъ какимъ-нибудь большимъ праздникомъ трубачи сводятъ его въ баню, вымоютъ, вычешутъ и выкрасятъ одинъ разъ сандаломъ, другой—синькой или инымъ какимъ-нибудь «крáшевомъ»,—и вотъ, на завтра гуляетъ себѣ по Бѣжецку трубачскій козелъ, весь розовый или голубой, на рогахъ разноцвѣтныя ленты развѣваются, а подъ длинною бородою бубенчики позвякиваютъ...

Въ тѣ-же годы служилъ въ Ямбургскомъ полку офицеръ, поручикъ Скворцовъ, который въ совершенствѣ умѣлъ подражать всевозможнымъ птичьимъ крикамъ и высвистамъ. Онъ былъ страстный любитель пернатыхъ и завелъ у себя большой птичникъ, гдѣ у него воспитывались и голуби, и сороки, и галки, и дрозды, и разная мелкая пѣвчая пташка. Онъ имѣлъ замѣчательный даръ приручать къ себѣ птицу и дѣлать ее послушною своему голосу. Идетъ-ли гулять, или на на конюшни,—прикажетъ раскрыть клѣтки, свистнетъ и птицы всею стаей слетаются къ нему, щебечутъ, садятся на него и сопровождаютъ во время прогулки. Бывало, когда 3-й эскад-

ронъ, въ которомъ состоялъ Скворцовъ, идетъ весеннимъ походомъ съ зимовки въ Бѣжецкъ, его весь походъ сопровождаютъ выпущенныя на волю скворцовскія птицы-пѣвчія, которыя вьются надъ эскадрономъ, перепархиваютъ отъ одного всадника къ другому, безбоязненно садятся на лошадей, на плечи, на шапки, на пики и поютъ—поютъ неумолчно всѣми разнообразными своими голосами. Крестьяне попутныхъ деревень съ изумленіемъ сбѣгались глядѣть на это диво-дивное; иные даже набожно крестились и замѣчали, что «видно эти солдатики чѣмъ ни есть Богу угодили, что ихъ всякая птица Господня этакъ-то любитъ!»

Помню то-же въ 1868 году былъ кампаментъ подъ Скиделемъ (мѣстечко Гродненской губерніи), и кампаментъ продолжительный; затянулся онъ что-то около двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Нашему эскадрону довелось стоять въ деревнѣ Глинянахъ, а это совсѣмъ скверная, убогая чернорусская деревушка, брошенная въ глубокой пыли, на солнопёкѣ, среди песчаной почвы, у голаго глинистаго бережка какой-то тощей рѣченки; травка тамъ самая скудная и такая блеклая, что даже жидовскія козы брезгаютъ ею; нигдѣ по близости ни одного деревца, и съ утра до вечера ни малѣйшей тѣни, развѣ что отъ хатъ короткими косяками ложится она на землю, но увы! не даетъ оживляющей прохлады... Пыль, жара, духота и скука неисходная,—вотъ какова была милая стоянка! Вернешься къ полудню съ продолжительнаго ученья домой, усталый, размаянный отъ жары; отдохнешь немного, а затѣмъ—куда дѣваться? Развѣ въ Скидель отправиться?—Да больше, пожалуй, и некуда. Что-жъ, оно-бы ничего: до Скиделя лишь около четырехъ верстъ будетъ, казалось-бы, и немного, но... дорога такая скучная, унылая, облысѣлая со всѣхъ сторонъ, что какъ подумаешь о ней, да о томъ, что по такой песчаной голи придется сегодня снова четыре версты туда, да четыре обратно жариться на солнцѣ и глотать густую пыль, такъ и въ Скидель ѣхать вся охота отпадетъ, хотя тамъ и тѣни вволю найдется въ старомъ паркѣ князей Четвертинскихъ, да и развлеченія существуютъ, въ видѣ набитаго офицерствомъ «заѣзднаго дома», съ кривымъ бильярдомъ, гдѣ задаетъ концерты на гитарѣ какой-то заѣзжій итальянецъ, прозванный кѣмъ-то и почему-то «le papa», въ сообществѣ съ двумя потертыми, безголосыми пѣвицами. Но какъ раздумаешься, то и тамъ, въ сущности, все тоже, все давно знакомое, надоѣвшее даже. Vanitas vanitatum et omnia vanitas!.. А, между тѣмъ, лѣнь и скука доходятъ просто до одуренія. Что-бы такое выдумать?.. Читать-бы, что-ли?—Но

ужъ мы, отъ нечего дѣлать, всѣ книжки, какія нашлись у скидельскаго батюшки, всѣ старыя газеты и въ нихъ всѣ качевскія объявленія съ «дождались» и проч., всѣ капсюли Матико, всѣ мальцъ-экстракты Іоганна Гоффа—все это сплошь и вдоль, и поперекъ перечитали, чуть-ли даже не наизустъ ихъ вызубрили, такъ что и чтеніе, подъ конецъ, противно становится. Правда, существуетъ одна всеобщая панацея отъ скуки—карточный столъ; но у насъ, въ эскадронѣ, какъ на подборъ, собралась все такая компанія, что изъ пяти человѣкъ только двое умѣли играть въ карты. Засядутъ они въ пикетъ, а остальнымъ тремъ отъ скуки, да отъ мухъ все-же погибать приходится.

Только и было одно развлеченіе, что къ вечеру, какъ спадетъ нѣсколько жара, ожидаемъ мы, пока не придетъ тотъ или другой изъ деньщиковъ доложить, что молъ, «ваши благородія, череда йдетъ!»—Это значитъ, домашній скотъ, а главное—овечья отара глинянская на ночлегъ домой возвращается. Выйдемъ мы тутъ всѣ, сколько насъ ни есть, къ околицѣ, на встрѣчу чередѣ, а двое деньщиковъ сзади чумбуры несутъ. Стадо воловъ и коровъ съ телятами и поросятъ со свиньями пропустимъ въ околицу безпрепятственно; овечью же отару, пока проходитъ весь этотъ скотъ, деньщики, да охочіе солдатики тщательно отъ воротъ хворостинками отгоняютъ, чтобы преждевременно ни одна овца впередъ не совалась. А чуть пройдетъ воловье и свиное стадо, тутъ сейчасъ деньщики въ воротахъ поперекъ пути натягиваютъ чумбуръ, въ видѣ барьера, четверти на двѣ отъ земли, и тогда начинается наше ежевечернее единственное развлеченіе: старый круторогій баранъ передовикъ подойдетъ къ чумбуру и здѣсь, наткнувшись на неожиданное препятствіе, упрется передъ нимъ лбомъ, а потомъ вдругъ отчаянно скокъ черезъ чумбуръ!—и если скачокъ совершился благополучно, баранъ не запнулся, то за нимъ все стадо начинаетъ правильную скачку черезъ барьеръ справа по одному галопомъ. За неимѣніемъ лучшаго, и это сходило за потѣху.

Но вскорѣ къ сему скудному развлеченію прибавилось еще и другое.

Какъ-то разъ подъ вечеръ входитъ къ намъ вахмистръ, только что возвратившійся на артельныхъ лошадяхъ изъ Скиделя, а самъ что-то подъ полою бережно держитъ, и на лицѣ его изображается нѣчто чрезвычайное, многодовольное, почти торжественное.

— Ихъ высокоблагородію, господину маіору, и вашимъ благородіямъ, — говоритъ онъ: —отъ скидельскаго батюшки

сосунка привезъ. Они мнѣ наказывали, значитъ, что кланяйся-де отъ меня господамъ и скажи, молъ, батюшка въ подарокъ шлютъ.

И доставъ изъ-подъ полы торбу, вахмистръ вытрясъ изъ нея на полъ молодаго поросенка.

Прекрасный оказался поросенокъ! Рыльце розовое, хвостикъ винтомъ, взглядъ олицетворенной невинности и безпечалія, а самъ весь пестренькій: бѣлая шерстка и по ней мелкая черная крапинка словно кистью брызнута.

— Вотъ и жаркое на завтра!—воскликнулъ нашъ майоръ, вообще склонный глядѣть на весь міръ Божій съ самой прозаической точки зрѣнія.

Но мы всѣмъ огуломъ стали протестовать противъ такого радикальнаго рѣшенія.

— Какъ можно такъ безжалостно заколоть столь прекрасное и невинное созданіе!.. Жаркое, какое ни-на-есть, завтра, во всякомъ случаѣ, будетъ, а сосунокъ... сосунокъ едва-ли три недѣли какъ узрѣлъ свѣтъ и ему, вѣроятно, жить еще хочется... Младенецъ!.. И во вниманіе ко младенческому возрасту, его надо пощадить, и тѣмъ болѣе, что онъ такой красавецъ, такой чистенькій! Нѣтъ, заколоть батюшкина сосунка рѣшительно невозможно! Пусть его живетъ и наслаждается жизнью! Будемъ его отпаивать молокомъ, будемъ его кормить, холить, дадимъ приличное воспитаніе, дрессируемъ его и пусть онъ живетъ пока въ утѣшеніе всѣмъ намъ отъ скуки, а со временемъ пускай будетъ эскадронною свиньею!

Такъ было рѣшено общимъ мнѣніемъ субалтернъ-офицеровъ и майоръ легко сдался на общій голосъ, тѣмъ болѣе, что и вахмистръ, съ своей стороны, соблазнялъ видами на будущее:

— Очинно ужъ хорошее порося! Словно какъ дитё малое! Жалко-съ!.. Пущай ужъ, ваше высоблагородіе, около эскадроннаго котла пока покормится на кухнѣ, а тамъ, дастъ Богъ, выкормимъ, по крайности, окорока, да колбасы здоровыя выйдутъ и притомъ свои же, не купленыя! Оно и людямъ пріятно будетъ разговѣться съ филиповокъ, да и господа покушаютъ.

Однимъ словомъ, рѣшено было оставить сосунка въ живыхъ на воспитаніе—и такимъ образомъ у насъ неожиданно былъ обрѣтенъ источникъ новаго развлеченія среди неисходной глинянской скуки.

Прозвали его офицеры Сусомъ, отъ латинскаго Sus, по

солдаты—ужъ кто ихъ знаетъ, почему—сами по себѣ дали вдругъ Сусу кличку, повидимому, совершенно не подходящую и для многихъ почтенныхъ людей, быть можетъ, даже небезобидную; тѣмъ не менѣе, намъ пришлось имъ уступить въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ наше «Сусъ» оказалось на практикѣ окончательно непригоднымъ и даже до такой степени, что самъ поросенокъ никогда на «Суса» не откликался, не затрудняясь, однако, идти на двѣ несравненно болѣе сложныя клички, данныя ему солдатами. Выдумали они вдругъ называть его то «Прокуратомъ», то «Аблакатомъ». Почему такъ? Почему непремѣнно «Прокуратъ» или «Аблакатъ», а не иначе какъ?—Разгадка въ томъ, что у насъ, въ эскадронѣ, съ давнихъ поръ существовали два коня хорошей ѣзды и тѣло держали прекрасно, только не особенно казистые: было въ ихъ наружности нѣчто свиновидное, и эти-то два коня по эскадронному конскому списку, числились подъ случайными названіями «Прокураторъ» и «Адвокатъ». Съ этого и пошла у солдатъ кличка поросенку. И что-же? Къ общему нашему удивленію, поросенокъ охотно шелъ и на «Прокурата» и на «Аблаката», а зовешь его, бывало, «Сусъ»,—онъ, что́ называется, и въ усъ себѣ не дуетъ, словно-бы эта послѣдняя кличка вовсе не къ нему относится. Такимъ образомъ, поневолѣ, пришлось и намъ звать его «Аблакатомъ». И вотъ, въ самомъ непродолжительномъ времени этотъ «Прокуратъ» или «Аблакатъ» сдѣлался общимъ любимцемъ какъ солдатъ, такъ и офицеровъ. Впрочемъ, онъ и жилъ пока преимущественно на офицерскомъ дворѣ, гдѣ ему ежедневно преподавались уроки надлежащаго воспитанія и дрессировки. Этимъ послѣднимъ предметомъ занимались преимущественно деньщики, да конюхи, къ которымъ, впрочемъ, нерѣдко присоединялись и солдаты въ свободную минуту. Стали они учить поросенка «манежной ѣздѣ» и, мало-по-малу, выучили ходить всѣми аллюрами, по командѣ—шагомъ, рысью и даже собраннымъ курцъ-галопомъ. Продѣлывалъ у нихъ поросенокъ по своему, конечно, даже траверсы съ ранверсами и чуть-ли не всю манежную премудрость себѣ усвоилъ. Бывало, командуютъ ему: «рысью!»—идетъ поросенокъ рысью. «Вольтъ на-право, маршъ!»—дѣлаетъ вольтъ на-право. «Вольтъ на-лѣво!»—дѣлаетъ вольтъ на-лѣво. «На-право назадъ», «на-лѣво назадъ», принимай на-право», «принимай на-лѣво», «черезъ манежъ» и прочее,—поросенокъ все это продѣлываетъ самымъ исправнымъ образомъ. Было-же, подумаешь, у людей и терпѣніе, и охота отъ скуки!.. Выучили они его прыгать сначала черезъ подставленныя кольцеобразно руки, какъ кота, потомъ

черезъ палку, черезъ обручъ и вообще научили отлично брать всякій барьеръ, вышиною сообразный, конечно, поросячьему росту и складу. Прошелъ съ небольшимъ мѣсяцъ, а уже нашъ поросенокъ по вечерамъ идетъ, бывало, черезъ чумбуръ въ околицѣ первымъ номеромъ, впереди всей овечьей отары. Необыкновенно понятливое животное оказалось. Вахмистръ даже въ умиленіе приходилъ.—«Ахъ, ваше благородіе! Если бы этое порося, къ примѣру сказать, англичанамъ, да въ циркъ продать,—большія бы деньги дали!» Всѣ солдаты были того же убѣжденія. Пріѣзжалъ однажды къ намъ въ гости и батюшка скидельскій нарочно затѣмъ, чтобы взглянуть на свой подарокъ, о необычайныхъ свойствахъ котораго и до него дошла стоустая молва. Заставили солдаты поросенка и передъ батюшкой явить свое искусство. — И явилъ, выдержавъ этотъ экзаменъ съ толикою честію, что батюшка только руками развелъ и заявилъ намъ, что, «подлинно сказать, феноменальный поросенокъ... даже можно сказать: геніальный поросенокъ!».

— Ахъ, батюшка!—вмѣшался вахмистръ: — я вотъ и докладую господамъ, что кабы этое порося да англичанамъ...

— Англичанамъ?—подхватилъ батюшка:—это правильно. Англичане его сейчасъ бы въ газетахъ пропечатали, портретъ помѣстили бы, а потомъ на всемірную выставку и медаль ему золотую пожаловали бы «за преуспѣяніе и искусство»... Есть такая медаль, «Honoris causa» прозывается.

— Нѣтъ, что медаль! А я говорю, что деньги большія дали бы!—доказывалъ вахмистръ.

— Да-а, это точно, и деньги, непремѣнно деньги!—соглашался батюшка:—потому что у нихъ первымъ дѣломъ пари! Сейчасъ пари на этого поросенка, и кто выигралъ пари, тотъ и получаетъ кушъ фунтовъ стерлинговъ.

— А я, батюшка, такъ думаю: что кабы намъ этого «Прокурата», къ примѣру сказать, по начальству представить при рапортѣ, что вотъ, молъ, какъ достигаютъ, стараются въ 1-мъ эскадронѣ, дескать, не токма-что лошадей, а и поросятъ выѣзжаютъ... Вѣдь только подумать: вся манежная ѣзда, какъ есть вся—шутка сказать! Поросенокъ... Я такъ полагаю, что можетъ и поощреніе какое вышло бы...

— Ну, это ужъ дѣло, отъ нашего разумѣнія независящее,—развелъ руками батюшка. — Потому, ежели что до начальства, то это надо на предварительное разсмотрѣніе господъ офицеровъ повергнуть; а что англичане—ну, это другое дѣло! Это точно-что! Тутъ и медаль, и деньги большія!

Между тѣмъ, время шло, и пока вахмистръ прикидывалъ умомъ то насчетъ англичанъ, то насчетъ начальства, «Прокуратъ» оказывалъ дальнѣйшіе успѣхи въ развитіи своего искусства. Но высшая школа, высшій предѣлъ или, такъ сказать, вѣнецъ всей его премудрости оказался въ томъ, что юный «Прокуратъ», по собственной своей иниціативѣ, никѣмъ не побуждаемый, вдругъ чрезвычайно возлюбилъ бѣгать съ деньщиками въ корчму за водкой. Чуть лишь завидитъ, что деньщики «съ посудиной» направляются къ корчмѣ, онъ со всѣхъ ногъ пускается вдругъ въ карьеръ и съ торжествующимъ визгомъ лупитъ впереди ихъ туда же. Оказалось, что шинкарка, тоже облюбившая нашего «Прокурата», каждый разъ, что придутъ къ ней деньщики, прикармливала его картофелемъ-недородкомъ,—бываетъ такая мелюзга-картофель, величиною не болѣе, какъ съ вишню, который въ Западномъ краѣ идетъ исключительно на кормъ убойнымъ свиньямъ. «Прокуратъ» же повсюду бѣгалъ за деньщиками, совершенно какъ собака, и, что замѣчательно, — ни съ одною изъ глинянскихъ свиней не хотѣлъ знаться, пренебрегалъ ихъ компаніей и вообще не желалъ имѣть съ сородичами никакого совмѣстнаго дѣла, даже и по части землеройства въ навозныхъ кучахъ предпочиталъ уединеніе.

Кончился, наконецъ, долгій и скучный кампаментъ; нашъ эскадронъ пошелъ на два мѣсяца въ полковой штабъ для караульной службы, потомъ отправился въ глушь, за сто верстъ отъ штаба, на зимнія квартиры. — «Прокуратъ» все это время оставался при эскадронной кухнѣ, выросъ, растолстѣлъ, возмужалъ, — словомъ, сдѣлался настоящею свиньею, но увы!—съ ходомъ возмужалости, его необыкновенныя способности къ «манежной ѣздѣ» и вообще острота пониманія стали все болѣе и болѣе притупляться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и природныя привычки его прародителей постепенно возобладали надъ прививными качествами эскадронной цивилизаціи. Даже самъ вахмистръ разлюбилъ, наконецъ, «Прокурата» и все чаще и чаще сталъ подумывать объ окорокахъ да колбасахъ на предстоящія святки.

— Ваше высокоблагородіе, съ «Прокуратомъ» надо бы порѣшить,—докладывалъ онъ маіору: — сами изволите видѣть, какой съ его прокъ! Никакой забавы, а жретъ за добрыхъ троихъ свиней, поди-ка. Всю манежную выѣздку позабылъ, какъ есть всему разучился, и, то-нись, ни вольтовъ не понимаетъ больше, ни барьера не беретъ, ни команды не слушаетъ —ну, ничего, какъ есть ничего знать не желаетъ. Одно слово— зловредность его и вся недолга!

Но не пришлось мяснику наложить руку на эскадроннаго вскормленца и нѣкогда общаго любимца. «Прокуратъ» погибъ хотя и трагическою смертію, но не отъ ножа мясничьяго. Какъ-то разъ, въ ростепель мягкаго зимняго утра, гуляя, по обыкновенію, на улицѣ, забрелъ онъ за околицу, въ поле, и тамъ былъ загрызенъ полѣсовщичьими собаками. Только къ вечеру, да и то случайно, узнали въ эскадронѣ о печальной судьбѣ, постигшей «Прокурата», и приволокли на салазкахъ окоченѣлый трупъ его, весь истерзанный, искусанный, съ перегрызеннымъ горломъ... Такимъ образомъ, не сбылись и надежды вахмистра на вкусные окорока и колбасы.

На эскадронномъ иждивеніи живутъ иногда орлы, ястребы, совы, барсуки, волчата, медвѣжата. О собакѣ нечего и говорить: это неизмѣнный другъ офицерской жизни. Между друзьями послѣдней категоріи въ особенности вспоминается мнѣ прекрасный волнисто-бѣлый пудель «Коньякъ», принадлежавшій одному изъ нашихъ однобригадцевъ, штабсъ-ротмистру барону У.

Во время большихъ лагерныхъ сборовъ къ намъ всегда наѣзжала «въ усиленномъ составѣ» какая-нибудь провинціальная драматическая труппа, которая открывала рядъ представленій въ городскомъ театрѣ. Главнѣйшій доходъ театру доставляло, конечно, многочисленное офицерство, являвшее собою почти исключительный контингентъ театральныхъ посѣтителей. Эти спектакли далеко не блистали изяществомъ и выдающимися талантами, недостатокъ которыхъ «усиленный составъ» труппы обыкновенно старался восполнить разными трико, откровенными дебардерами, декольтированными плечами и еще болѣе декольтированными куплетами, равно какъ и отчаяннымъ канканомъ, который являлся неизбѣжнымъ заключеніемъ каждаго представленія, даже послѣ самой раздирательной мелодрамы. Нѣсколько нашихъ однобригадцевъ, и въ томъ числѣ баронъ У., обыкновенно абонировались на крайнюю литерную ложу бенуара, низенькій барьеръ который выходилъ прямо на сцену. Въ числѣ посѣтителей этой ложи неизмѣнно являлся и пудель «Коньякъ».

Ужъ чего-чего, бывало, не дѣлалъ съ нимъ баронъ У., чтобы отвадить его отъ театра!.. И гнали-то его изъ ложи, и полицейскимъ-то поручали надзирать, чтобы «Коньякъ» не пробирался съ подъѣзда въ театральные коридоры, и хлыстомъ, и пинкомъ выпроваживали изъ этихъ коридоровъ, и дома-то пытались оставлять его подъ замкомъ—ничто не помогало! Оставятъ его на попеченіе деньщиковъ, «Коньякъ» ухитрится какъ-нибудь тайкомъ убѣжать отъ деньщиковъ и явится-таки

въ театрѣ; запрутъ, бывало, его въ квартирѣ, «Коньякъ» подыметъ такой неистовый вой, что переполошитъ всѣхъ сосѣдей, а разъ было даже выбилъ стекло въ окнѣ и съ окровавленными лапами и мордой прибѣжалъ-таки къ серединѣ спектакля. Прогонятъ, бывало, его изъ ложи, онъ обѣжитъ кругомъ, проникнетъ театральнымъ дворикомъ, черезъ задній ходъ, мимо бутафорской и уборныхъ на сцену и прошмыгнетъ-таки изъ-за кулисъ въ литерную ложу; отгонитъ его полицейскій отъ главнаго подъѣзда, онъ все же найдетъ возможность какъ ни на есть прокрасться въ коридоръ и осторожно постучаться лапой или мордой въ запертую дверь завѣтной ложи. Офицеры, предполагая, что это кто нибудь изъ товарищей, откроютъ дверь, и «Коньякъ» стремительно врывается къ нимъ и занимаетъ свое мѣсто. Тутъ уже мудрено было выпроводить его, не поднимая шума. Мѣры кротости оказывались безсильными; мѣры строгости вызывали визгъ и вой, и рычаніе. И добро бы, это была въ немъ такая привязанность къ своему хозяину, котораго «Коньякъ», дѣйствительно, очень любилъ, но нѣтъ, тутъ дѣйствовала неудержимая страсть къ самому театру, къ зрѣлищу. Если бы «Коньякомъ» руководило только первое чувство, то онъ, достигнувъ цѣли своихъ стремленій, конечно, удовольствовался бы тѣмъ, что, заползя подъ стулъ барона У., свернулся бы тамъ въ комокъ и спалъ себѣ преспокойно до конца спектакля; «Коньякъ» же, напротивъ, чуть лишь попадалъ въ ложу, какъ стремился сѣсть на стулъ, и, на виду всей публики, принимался внимательно созерцать все происходящее на сценѣ.

Обычная театральная публика такъ уже привыкла видѣть «Коньяка» въ числѣ зрителей, что присутствіе его на обычномъ мѣстѣ доставляло ей только одно лишнее развлеченіе, не лишенное своей веселости. И въ самомъ дѣлѣ, не безъинтересно было взглянуть порою, какъ умные глаза красивой собаки внимательно и съ такою сосредоточенною серьёзностью слѣдятъ за дѣйствіями на сценѣ. Когда начинали аплодировать и вызывать актеровъ, «Коньякъ» тоже присоединялся къ публикѣ и отрывистымъ лаемъ выражалъ свое одобреніе. Впрочемъ, къ этому тоже всѣ привыкли и потѣшались собачьими «bis» и bravo».

Но иногда не обходилось и безъ болѣе крупныхъ, хотя совершенно невинныхъ скандаловъ, доставлявшихъ собою зрителямъ источникъ веселаго смѣха. Такъ, напримѣръ, въ одномъ водевилѣ, который носитъ названіе что-то въ родѣ «Амишки» или «Мимишки», на сценѣ должна появляться комнатная собачка—любимица героини водевиля. При появленіи этого дѣй-

ствующаго лица изъ безсловесныхъ, «Коньякъ» первымъ дѣломъ прыгнулъ черезъ барьеръ на сцену и, какъ галантный кавалеръ, тотчасъ же сталъ знакомиться съ хорошенькою болонкой, по всѣмъ правиламъ собачьей вѣжливости. Въ публикѣ, конечно, взрывъ веселаго хохота, между актерами замѣшательство. Принимаются гнать «Коньяка» со сцены, и онъ, не протестуя, покорно удаляется въ свою ложу, преспокойно садится на свой стулъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ съ прежнимъ вниманіемъ созерцать пьесу.

Въ другой разъ шелъ какой-то водевиль, гдѣ храбрый любовникъ, въ однихъ чулкахъ, прячется отъ ревниваго мужа подъ столъ, покрытый ниспадающею до пола скатертью. Ревнивый мужъ, внѣ себя отъ ярости, съ палкою въ рукахъ, мечется по сценѣ, отыскивая своего соперника, заглядываетъ во всѣ углы и все не находитъ его, какъ вдругъ на помощь ревнивому мужу является изъ ложи «Коньякъ» и начинаетъ дѣлать передъ столомъ стойку, какъ бы указывая недогадливому своимъ ворчаньемъ и лаемъ, что вотъ, молъ, гдѣ находится тотъ, кого ты ищешь. Храбрый любовникъ, чувствуя, что зубы «Коньяка» могутъ угрожать его пяткамъ посущественнѣе сценическихъ ударовъ палкою, выскакиваетъ изъподъ стола и—давай Богъ ноги поскорѣе со сцены! Торжествующій «Коньякъ» за нимъ. Въ публикѣ, разумѣется, хохотъ, аплодисменты и крики: «браво, «Коньякъ» браво»!— «Коньякъ», прогнавъ со сцены храбраго любовника, поворачивается къ зрителямъ и, ставъ передъ суфлерскою будкою, принимается лаять на публику, какъ бы выражая свою собачью благодарность за ея единодушные поощрительные вызовы.

Съ тѣхъ поръ уже, бывало, какъ только на сценѣ идетъ какая нибудь суматоха или начинаютъ выплясывать канканъ, «Коньяка» приходится сильно держать за ошейникъ, а то такъ и гляди, что прыгнетъ на сцену и пустится отличаться въ танцахъ, гоняясь за юбками декольтированныхъ артистокъ.

За эту-то замѣчательную страсть къ театру «Коньякъ» и получилъ прозвище «великаго театрала».

Кромѣ собакъ, молодыхъ звѣренышей и хищныхъ птицъ, офицеры нерѣдко заводятъ у себя и черепахъ, которыя угрюмо обитаютъ въ какомъ нибудь темномъ углу офицерской комнаты, подолгу не употребляя рѣшительно никакой пищи. Разсказываютъ, что одинъ изъ нашихъ юнкеровъ однажды сдѣлалъ даже очень удачный опытъ приученія и дрессировки ужа, который долгое время жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ его квартирѣ и особенно любилъ покоиться въ теплomъ карманѣ мѣховаго

халата. Достался онъ этому юнкеру въ подарокъ еще маленькимъ уженкомъ, не болѣе трехъ вершковъ длиною:—дядька въ свои именины преподнесъ его завернутымъ въ чистый платокъ, вмѣсто именинаго кренделя, въ надеждѣ получить рубль на водку, такъ какъ зналъ, что юнкеру давно уже хотѣлось имѣть у себя ужа; нарочно, ради этого, поймалъ въ парникахъ и представилъ. Съ тѣхъ поръ началось воспитаніе уженка, котораго года за полтора жизни вытянуло въ длинную плеть, около аршина.

— Къ чему вы держите у себя такую гадину?—спросили какъ-то воспитателя.

— Отличное средство противу кредиторовъ! — отвѣчалъ юнкеръ.—Сами вы знаете, господа, что въ мірѣ нѣтъ ничего несноснѣе лавочницы или факторши-еврейки, которой вы имѣли несчастіе задолжать нѣсколько рублей за табакъ или за сахаръ. Ходитъ она, ходитъ, и можете быть увѣрены, что каждое утро непремѣнно застанете ее у себя въ прихожей, какъ неизбѣжное memento mori. «Не ходи ты ко мнѣ, мадамъ,— говоришь ей: – нѣтъ теперь ни копѣйки! Подожди; вѣдь сама ты лучше меня знаешь, что къ такому-то числу мнѣ всегда присылаютъ изъ дому деньги,—ну, и подожди недѣлю!» Еврея—того всегда можно урезонить; но еврейка ничего этого не хочетъ понимать: ей просто наслажденіе какое-то доставляетъ прійти къ вамъ каждое утро, надоѣдать своею особой, смотрѣть, что́ вы дѣлаете, сколько стакановъ чаю выпьете, какую сорочку надѣваете; слушать, что́ вы говорите; видѣть, кто и зачѣмъ къ вамъ приходитъ и, въ то же время, назойливо повторять вамъ со вздохами: «А ке́ды зжъ я зъ васъ моихъ деньгувъ полу́чи?.. Я-зжъ такая сплябя́я на зждаровье, а ви гхо́чите, кабъ я увсшё до васъ гходила!»—Вы согласитесь, что это, наконецъ, можетъ надоѣсть до смерти.

Вотъ тутъ-то юнкеръ и рѣшился завести у себя радикальное средство. Какъ появится эдакая надоѣдальщица и начнетъ приставать, не слушая никакихъ резоновъ, онъ ей сейчасъ и говоритъ:

— Такъ вы, мадамъ, непремѣнно желаете получить сіюже минуту?

— Дайте сшто можжетю!

— Ну, извольте! Все, что́ могу и все, что́ имѣю—отдамъ съ удовольствіемъ! Держите пригоршни!

Та и рада; подставитъ обѣ руки и ждетъ, а тотъ ей изъ кармана и выложитъ передъ самымъ носомъ живаго ужа.

— Извольте, мадамъ! Получайте!.. Все, что́ имѣю!

Зжвините, я и сшамъ єшебѣ таково зже офицеръ... Я сшамъ кыпецъ навтарова гильдію зъ Бялысштокъ... (стр. 131).

Но болѣе всего угодить ей довелось мнѣ, когда однажды привезъ я ей въ подарокъ новый парикъ... (стр. 138).

Дозволено цензурою. Спб., 17 іюня 1889 г.

Литографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.

Взмолились къ нему всѣ Шмульки и Каспарки, нельзя ли-де какъ нибудь на трехъ тысячахъ покончить? (стр. 120).

Гасшпидинъ Элькесъ—„первилегированный“ портной и поставщикъ „вина“, ликво́ры, розмайте и щигарке контрабандо́вы. (стр. 123)

Дозволено цензурою. Спб., 17 іюня 1889 г.

Литографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.

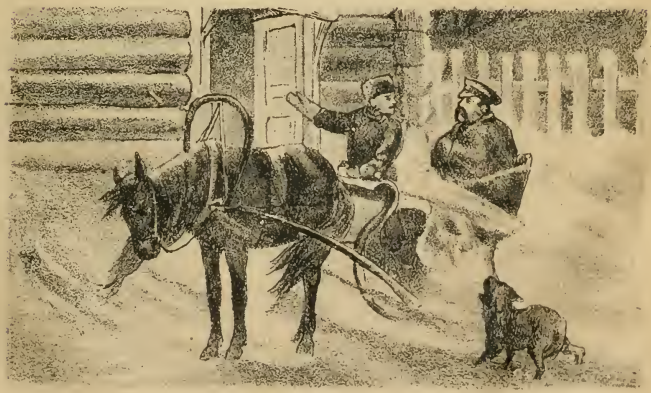
Въ Ямбургскомъ полку при трубачской командѣ жилъ на конюшнѣ огромный и очень красивый козелъ, (стр. 78).

— Ахъ, батюшка!—вмѣшался вахмистръ: — я вотъ и докладую господамъ, что кабы этое порося да англичанамъ... (стр. 83).

Дозволено цензурою. Спб., 17 іюня 1889 г.

Литографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.

Нѣтъ, да вы вспомните, вы вѣрно позабыли: Ба-ши-бу-зукъ, говорю! Навѣрно слышали. (стр. 104).



Ѣдемъ мы по этой улицѣ, видимъ свѣтъ въ окнахъ; извозчикъ мой и остановился... (стр. 110).

Дозволено цензурою. Спб., 17 іюня 1889 г.

Литографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.

И тутъ-же на виду у всѣхъ—непремѣнно на виду—расплачивается наличными своими собственными деньгами. (стр. 96).

И пока длится интересное tête-a-tête, Юзіо скромно стоитъ себѣ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ... (стр. 98).

Дозволено цензурою. Спб., 17 іюня 1889 г.

Литографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.

Храбрый любовникъ... выскакиваетъ изъ-подъ стола и давай Богъ ноги поскорѣе со сцены!... (стр. 87).

Катается Юзіо съ княземъ на бѣшеной тройкѣ, съ видомъ любителя-знатока отыгрывая возжею лѣвую пристяжную. (стр. 95).

Дозволено цензурою. Спб., 17 іюня 1889 г.

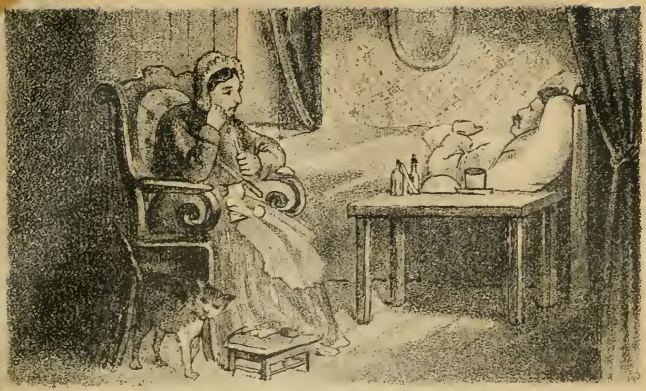
Литографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.

Заложилъ интендантъ банкъ; облѣпили его понтеры словно мухи просыпанный сахаръ... (стр. 114).

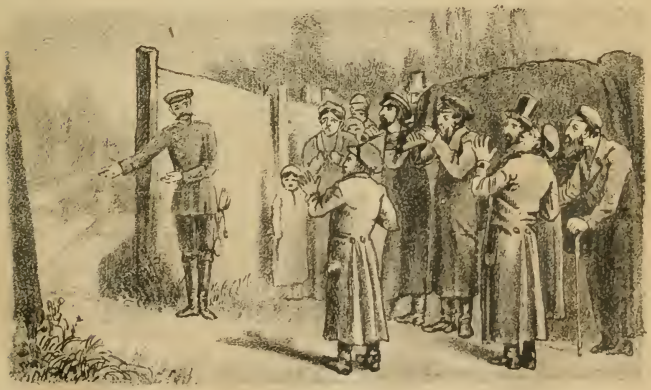
На другой день былъ какой-то праздникъ; народу на бульварѣ пропасть и я тоже присутствую, къ общему изумленію. (стр. 120).

Дозволено цензурою. Спб., 17 іюня 1889 г.

Литографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.



Предо мною въ креслѣ дѣйствительно сидѣла Хайка, съ какимъ то вязаньемъ въ рукахъ.. (стр. 139).



А Вахрушовъ... растворяетъ ворота и приглашаетъ:—Пожалуйте! Милости просимъ!... (стр. 143).

Дозволено цензурою. Спб., 17 іюня 1889 г.

Литографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.

Ужъ, конечно, изовьется, раскроетъ пасть, засипитъ, а мадамъ какъ заоретъ благимъ матомъ, да давай Богъ ноги!

— Хай имъ чортъ!—говоритъ:—позавóдили у сшибé увъ квартэру зжмѣювъ и увсшякаго трэфу,—болшь и гхадить до нихъ не мозжна!

Только этимъ и избавился юнкеръ.

Потомъ, какъ прислали ему изъ дому деньги, встрѣчаетъ онъ эту мадамъ на улицѣ:—«Получайте—говоритъ—мой долгъ за сахаръ» и даетъ ей деньги. Куда тебѣ! Мадамъ и слушать ничего не хочетъ:

— Нiѣтъ, нiѣтъ! Ви минѣ зжмѣювъ, а не деньгувъ будете вать! Не гхóчу!

Насилу разубѣдилъ, да и то только при помощи соблазнительнаго вида синенькихъ ассигнацiй.

Съ тѣхъ поръ, вообще, когда приходили къ нему кредиторы «ъ нашихъ», то напередъ, осторожно всунувъ кончикъ носа чуть-чуть пріотворенную дверь, освѣдомлялись у человѣка:

— А сшто, чи зжмѣи васши дома?

— Дома,—говоритъ,—дома!

— Ну, то до сшвиданью вамъ!.. Сказжить, сшто ми загхóдили!

А сами ужъ и не дерзами переступить порогъ юнкерской комнаты.

II.

Донъ-Сезаръ де-Базанъ.

Изъ приживалокъ, принадлежащихъ къ роду, извѣстному въ зоологiи подъ названiемъ Homo sopiens, двѣ личности особенно выдаются въ моей памяти, хотя ни та, ни другая не имѣли между собою ничего общаго, если не считать самое приживальство, какъ raison d'être, какъ способъ и цѣль самаго ихъ существованiя. Одинъ былъ полякъ, другой—русакъ закоренѣлый; одинъ старался походить на маркиза Позу,

другой былъ, въ сущности, Ноздревъ, но Ноздревъ, пришибленный жизнью; одного мы прозвали въ полку Донъ-Сезаръ де-Базаномъ, другой самъ себя называлъ баши-бузукомъ. Оба они достойны были состраданія, не знаю только, который больше.

Донъ-Сезаръ Де-Базанъ, дворянинъ испанскій, иначе Юзіо (его простое имя Юзефъ) былъ жертвою той злосчастной эпохи, которая создала польское возстаніе 1863 г. и его послѣдствія. Онъ былъ шляхтичъ «родовіты одъ потопу», но бѣдный, и захудалость его произошла не по его собственной винѣ, а перешла къ нему въ видѣ наслѣдства отъ родителя; но у него сохранились родственныя связи и сословныя отношенія къ нѣкоторымъ изъ тузовъ мѣстнаго дворянства. Онъ получилъ «свѣтское» воспитаніе, недурно владѣлъ французскимъ языкомъ, недурно игралъ на роялн, недурно пѣлъ, хорошо декламировалъ польскихъ поэтовъ, отлично вальсировалъ и полькировалъ, превосходно плясалъ мазурку, обладалъ природнымъ стремленіемъ къ «хорошимъ привычкамъ», изящному костюму, гастрономическому столу и тонкимъ винамъ, къ «воздуху свѣтскихъ гостиныхъ и, вообще, къ «хорошему тону». Всѣ эти блага сопровождали его дѣтство и всѣхъ оныхъ благъ лишился онъ съ разсвѣтомъ юности: смерть отца круто и сразу произвела роковой крахъ, который вынудилъ его бѣдную мать и молодую красивую сестру идти жить въ «люди», на хлѣба изъ милости, въ незавидномъ зависимомъ положеніи «бѣдныхъ родственниковъ»; самъ-же Юзіо... Увы! Къ чему послужили всѣ его задатки свѣтскихъ пріятныхъ талантовъ и способностей!.. Юзіо очутился въ безпомощномъ положеніи. Вчера еще неслужащій дворянинъ, молодой сибаритъ, мѣстный левъ и денди, сегодня онъ, неспособный ни къ какому положительному упорному труду, позналъ вполнѣ, что такое значитъ существованіе бездомной собаки. Впрочемъ, на первый разъ вытянули изъ омута собачьей жизни и поставили его на ноги все тѣ-же сословныя отношенія и родственныя связи съ мѣстными тузами. Тузамъ удалось втиснуть его чиновникомъ для письма въ губернаторскую канцелярію, а потомъ, съ выслугою въ чинъ, они устроили ему даже положеніе губернаторскаго чиновника для особыхъ порученій, причемъ и его свѣтскіе пріятные таланты легко могли бы найти себѣ достодолжное примѣненіе. Чиновникъ для особыхъ порученій — это уже было н ѣ ч т о, съ этимъ соединялись виды на будущую карьеру, на кусокъ хлѣба, на самостоятельное существованіе, быть можетъ, даже на небезвыгодную женитьбу. Но тутъ на бѣду подоспѣло возстаніе.

Юзіо былъ на столько благоразуменъ, что «не утекъ до лясу», равно какъ и, оставаясь на коронной службѣ, не сдѣлалъ никакой подпольной каверзы на пользу «свѣнтей справы»; онъ только, такъ сказать, приникъ до́лу, затаился, въ разсчетѣ, что авось-либо про меня не вспомнятъ, пока не пронесется вся эта буря, и вотъ, въ силу такого пассивнаго отношенія къ «общему дѣлу», его сочли «дурнымъ патріотомъ»; знатные «рода́ки» отъ него отшатнулись, а при новыхъ административно-политическихъ порядкахъ онъ не могъ остаться на своемъ служебномъ мѣстѣ, какъ католикъ. Правда, существовало одно средство, которое весьма много и успѣшно эксплуатировалось въ то время: стоило лишь сдѣлаться «Паномъ Пшепендовскимъ», т. е. «навроцитьсен' на православье», но Юзіо не прибѣгнулъ къ нему и былъ оставленъ за штатомъ.

Вотъ когда началось для него каторжное, истинно собачье существованіе! Въ край понаѣхали новые люди изъ Россіи, которые чуждались его какъ поляка; свои-же чуждались какъ «злемыслёнцего», и бѣдный Юзіо безъ почвы, безъ поддержки повисъ на воздухѣ между тѣми и другими. Положеніе ужасное, роковое!..

Но тутъ, на его счастіе, вскорѣ пришелъ изъ Великороссіи нашъ полкъ, двинутый въ составѣ 7-й кавалерійской дивизіи въ Западный край, на смѣну частямъ, черезчуръ уже долго застоявшимся въ этомъ краѣ. Офицеры, въ большинствѣ своемъ, народъ добрый, покладистый, мало думающій о политикѣ или, лучше сказать, вовсе не занимающійся ею, за исключеніемъ, конечно, людей опытныхъ, искушенныхъ жизнію и научившихся относиться къ ней серьёзнѣе беззавѣтной молодежи. Въ воображеніи этой послѣдней Западный край представлялся въ стародавнихъ образахъ златокудрыхъ разбитныхъ паненокъ, въ грохотѣ размашистыхъ фигуръ лихой мазурки, въ раздольѣ поэтическихъ «маювокъ» *), въ «романсованьи» съ миловидными польками, а также въ образѣ услужливыхъ евреевъ факторовъ, которыхъ иногда можно для острастки потаскать за пейсы; представлялся этотъ завѣтный край и въ видѣ прекрасныхъ охотъ на «сарнъ» и «дзиковъ» **) въ дѣвственныхъ пущахъ, и въ видѣ веселыхъ поѣздокъ въ гости по помѣщикамъ, по мястечко́вымъ ярмаркамъ и, наконецъ, кромѣ всѣхъ этихъ прелестей, мелькала въ умахъ пріятная надежда на возможность новыхъ военныхъ

*) Загородныхъ весеннихъ пикниковъ; маювка—отъ слова май.
**) Дикихъ козъ и кабановъ.

экспедицій, т. е., иными словами,—на возможность подраться съ какими-то тамъ повстанцами, отличиться, получить крестикъ и т. п. Вообще, представленія нашей молодежи о новомъ для нея краѣ были розово-поэтичны, а потому, конечно, крайне неосновательны. Нечего и говорить, что на первыхъ же порахъ для нея послѣдовалъ рядъ разочарованій во многомъ и многомъ; но таково уже свойство нашего военнаго люда, что куда-бы ни занесла его военная служба, въ какихъ-бы условіяхъ ни очутился, онъ всегда очень быстро съумѣетъ освоиться съ новою обстановкой, примѣниться къ ней и, насколько возможно, зажить себѣ, что называется, припѣваючи.

Злосчастный Юзіо сразу сообразилъ, что судьба весьма благосклонно посылаетъ ему въ нѣкоторомъ родѣ кладъ въ лицѣ нашей офицерской молодежи. Надо, значитъ, къ ней пристроиться. Какъ пристроиться?—Это не трудно. Чуть-ли не въ первый-же вечеръ по приходѣ полковаго штаба на новую стоянку, войдя въ трактиръ вслѣдъ за офицерами и подсѣвъ на кончикъ общаго стола, Юзіо скромно вступилъ въ разговоры съ однимъ, съ другимъ, съ третьимъ, сказалъ нѣсколько любезностей, выразилъ свое удовольствіе по поводу прибытія «кабалеріи», въ которой, какъ ему «досконально» извѣстно, служатъ все джентльмены, «порадочны люди, муй пане»,—что въ полку, мѣсто котораго мы теперь заняли, у него было много, много истинныхъ друзей и пріятелей, напримѣръ, князь такой-то, баронъ такой-то, майоръ и полковникъ такіе то (отчего и не прилгать немножко?),—и вотъ знакомство на первый случай завязано. Завтра продолжается та-же исторія. Бѣдный Юзіо,—чтобы недорого стоило его скудному карману,—тратится на одинъ лишь кухель пива, который даетъ ему приличную возможность просидѣть въ трактирѣ, сколько вздумается. Затѣмъ начинаются любезные съ его стороны поклоны при встрѣчѣ съ офицерами на улицѣ; затѣмъ, въ первый-же праздничный день, когда польская публика расходилась изъ костёла и наше офицерство группами слонялось тутъ-же на площади, глазѣя на горожанъ и, конечно, любопытствуя знать, кто такая эта интересная блондинка, или та скромная шатинка, или эта пышная брюнетка съ молитвенникомъ ва рукахъ?—нашъ панъ Юзіо тутъ какъ тутъ и услужливо развертываетъ въ неумолкаемомъ разсказѣ длинный біографическій свитокъ каждой пани и паненки: сколько за такою-то приданаго и какой нравъ у ея матери, кто въ нее былъ влюбленъ, кто дѣлалъ предложеніе и почему получилъ отказъ, и въ кого была влюблена пани

такая-то, и можно-ли ухаживать за этою интересною вдовушкой, съ успѣхомъ или безъ успѣха,—словомъ, въ два-три дебюта своего знакомства съ офицерами Юзіо показался имъ хотя и ничтожнымъ, но добрымъ малымъ, совсѣмъ не похожимъ на тѣхъ поляковъ, что злобно хмурятся и отворачиваются при встрѣчѣ съ «пршеклентымъ москалемъ». Кромѣ того, Юзіо оказался неоцѣненнымъ человѣкомъ и по части знакомства съ условіями жизни въ городѣ: гдѣ что достать, гдѣ выгоднѣе купить, у кого дешевле взять мебель на прокатъ, кого поостеречься, какъ шуллера и пройдоху, гдѣ удобнѣе нанять квартиру сухую, теплую, недорогую,—все это онъ зналъ въ совершенствѣ и такъ любезно предлагалъ каждый разъ свои безкорыстныя услуги, что вскорѣ вполнѣ расположилъ къ себѣ сердца молодыхъ офицеровъ. Все это дѣлалось съ извѣстнымъ тактомъ,—Боже избави, чтобы кто могъ подумать, будто Юзіо факторствуетъ!—Нѣтъ, онъ лишь изъ расположенія, изъ любезности, изъ желанія оказать пріятельскую услугу! Притомъ-же надо сказать, что и самолюбію бѣднаго полячка, отринутаго своими «компатріотами», доставляло не малое утѣшеніе и даже гордость то обстоятельство, что онъ знается съ офицерами,—«съ кабалеріей, муй пане!»—что его постоянно встрѣчаютъ съ ними на улицѣ, въ трактирѣ, на гуляньи. Юзіо, какъ будто, выросъ на нѣсколько вершковъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и—казалось ему—будто точно такъ-же онъ выросъ и въ глазахъ постороннихъ. Такъ были положены имъ первые шаги къ новому положенію въ жизни, которое долженствовало дать ему, наконецъ, какую-нибудь точку опоры, какую ни на есть почву подъ ногами.

Служилъ у насъ въ ту пору нѣкто Черемисовъ, разжалованный изъ гвардіи штабсъ-ротмистровъ въ солдаты, съ переводомъ въ нашъ полкъ, за дуэль, надѣлавшую, въ свое время, не мало шуму въ Петербургѣ. Къ намъ-же въ полкъ былъ онъ впослѣдствіи произведенъ и въ офицеры. Это было дѣтски-ясное, добрѣйшее изъ добрѣйшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безалабернѣйшее изъ безалабернѣйшихъ существо, какое только доводилось мнѣ встрѣчать когда-либо въ мірѣ. Идеальная честность, незлобивость голубиная и крайне простосердечная довѣрчивость къ людямъ. Для Черемисова всякій встрѣчный-поперечный, особенно же при случаѣ выпившій съ нимъ, безразлично былъ «хорошій человѣкъ», а хорошіе человѣки, судя по дальнѣйшимъ степенямъ ихъ симпатичности, дѣлились у него на «прекраснѣйшаго человѣка», «первый сортъ человѣка» и «душа человѣка». Надо было учинить нѣчто очень гадкое, чтобы Черемисовъ рѣшился сказать: «да, онъ-съ

братъ, ошибся... ошибся... дрянь-человѣкъ выходитъ!» Съ одной стороны, подобныя качества, съ другой—«все ни почемъ, все трынь-трава, все спустя рукава, вали черезъ пень колоду, авось, да небось. день мой — вѣкъ мой, послѣдняя копѣйка ребромъ, для милаго и даже для не милаго дружка—сережка изъ ушка, послѣдняя рубашка въ дѣлежъ» — изъ таковыхъ-то свойствъ и особенностей слагался характеръ Черемисова. Добрый малый былъ богатъ и тароватъ, а потому безъ пути сорилъ своими деньгами и писалъ на себя жидамъ векселя, да росписки въ пятьсотъ рублей за сто. Есть у него деньги — иди къ нему всякій и бери взаймы, хоть безъ отдачи, потому-что онъ не напомнитъ, а не напомнитъ потому, что самъ на другой-же день позабудетъ, кому и сколько выдано; нѣтъ у него денегъ — онъ самъ займетъ и тоже безъ отдачи, коли не напомнить, потому-что точно также позабудетъ, у кого взялъ и сколько. Записныхъ книжекъ, памятныхъ листовъ и счетовъ—ничего подобнаго у него никогда и въ заводѣ не было.

Состоялъ при немъ дядька и пестунъ, изъ бывшихъ крѣпостныхъ дворовыхъ, по имени Несторъ. Вѣчно небритая рожа, съ жучьими глазами и черными усищами, косая сажень въ плечахъ, красивая рубаха, видъ атамана волжской разбойничьей шайки, а вдобавокъ ко всему нерѣдко загулъ и непробудное пьянство, причемъ на счетъ барина или, какъ Несторъ называлъ иногда, «барскаго дитяти» забирались во всѣхъ погребкахъ и лавкахъ вина, водки и закуски,—таковъ былъ этотъ достойный дядька и пестунъ. Загуляетъ Несторъ, отлучится на сутки, на другія—и нашъ Черемисовъ сидитъ какъ дитя малое, безпомощное, безъ чаю, безъ свѣчей, безъ свѣжей сорочки, не зная, какъ и къ чему приложить руки, пока не кончится Несторовъ загулъ. Совершенно подъ стать этому пестуну, какъ-то сами собою подобрались у Черемисова и кучеръ, и конюхъ, и разухабистая телѣга съ росписною дугой и персидскимъ ковромъ на сидѣньи, и бѣшеная тройка саврасыхъ, съ породистымъ рысистымъ коренникомъ и въ крендель вьющимися пристяжными, въ наборчатой русской сбруѣ, съ колокольцами и бубенчиками. И вотъ къ этому-то непутёвому Черемисову примазался подъ крыло бѣдный Юзіо.

Первымъ дѣломъ онъ произвелъ Черемисова въ князья.

— Але-жь вѣшь то, коха́ны,—внушительно говорилъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ, каждому жиду-фактору, каждому торговцу, трактирщику, извощику, заимодавцу:—вѣшь то, же мѣшкамъ те́разъ зе ксенжемъ Черемисовымъ? О! то

вельки ма́гнатъ москевьски! Досконалемъ! И та́ки пене́нзны, якъ Ротшильдъ! *)

Князь да князь—такъ и пошелъ Черемисовъ за князя, такъ и прослылъ въ цѣломъ огругѣ, потомъ по цѣлому краю. И все это, помимо его воли и вѣдома, учинилъ одинъ панъ Юзіо. Кончилось тѣмъ, что и самъ Черемисовъ привыкъ, наконецъ, къ этой кличкѣ.

Нанялъ Юзіо для Черемисова помѣщеніе на Купеческой улицѣ, въ заѣзжемъ домѣ, который у жидовъ слылъ подъ именемъ «Казанскаво гасштинницу», и занялъ Черемисовъ подъ себя весь этотъ одноэтажный домъ, гдѣ имѣлось всего лишь пять комнатъ для пріѣзжающихъ, съ конюшнями, сараями и садомъ. Какъ-то, само собою незамѣтно и вполнѣ естественно устроилось такъ, что и Юзіо помѣстился тутъ-же. Катаюся они съ «княземъ» во весь духъ на бѣшеной тройкѣ, причемъ Юзію серьезнымъ видомъ любителя-знатока отыгрываетъ возжею лѣвую пристяжную; ходятъ они вмѣстѣ въ трактиръ обѣдать, причемъ, конечно, и обѣдъ Юзіо записывается въ «общій счетъ» на имя «князя»; ходятъ вмѣстѣ гулять на музыку, причемъ, Юзіо все также галантенъ и любезно-предупредителенъ со всѣми офицерами; ходятъ вмѣстѣ въ театръ, гдѣ Юзіо красуется, конечно, въ ложѣ «князя». Всѣ бывало, только и слышатъ отъ него: «мы съ княземъ», «у насъ съ княземъ», «нашъ милый князь», «князь былъ со мною тамъ-то», «мы съ княземъ купили себѣ то-то, сдѣлали то-то»,—словомъ, отношенія установились такія, что ни Черемисова безъ Юзіо, ни Юзіо безъ Черемисова даже и представить себѣ нельзя было. Приодѣлся Юзіо мало-по-малу и приобулся; и цѣпочка къ часамъ, и запонки золотыя у него появились, и тросточка съ серебрянымъ набалдашникомъ и, наконецъ, для пущей важности завелъ онъ себѣ даже форменную дворянскую фуражку съ краснымъ околышемъ и кокардой. Всѣ эти «багательки» были, конечно, подарками «милаго князя». Юзіо занялъ у Черемисова положеніе пріятеля-мажордома; завелъ во всемъ его обиходѣ нѣкоторый порядокъ, взялъ на себя веденіе расходныхъ счетовъ, расплачивался въ трактирѣ и въ лавкахъ за покупки, велъ переговоры съ заимодавцами, съ портнымъ, сапожникомъ, прачкой и т. п. Все это, конечно, крайне не нравилось Нестору и прочимъ челядинцамъ.

---

*) По ты знаешь-ли, любезный, что я живу теперь вмѣстѣ съ княземъ Черемисовымъ? О! это большой московскій баринъ! Вѣрно! И богатъ, какъ Ротшильдъ!

— Вишь ты, учетчикъ какой еще объявился! Погоди-жъ ты!—злобно ворчали они себѣ подъ носъ, а Юзіо и въ усъ не дуетъ, тѣмъ болѣе, что сошелся съ Черемисовымъ даже на «ты,» что́, впрочемъ, было, вообще, не трудно.

— Я жъ только твои интересы оберегаю... Мнѣ все равно, деньги не мои, но мнѣ тебя же жалко,—убѣдительно доказывалъ онъ своему патрону — и доказывалъ совершенно правильно, потому что безшабашныхъ тратъ у Черемисова, дѣйствительно, стало несравненно меньше противъ прежняго. Если и случалось Юзіо чѣмъ нибудь попользоваться лично для себя, то онъ былъ настолько добросовѣстенъ, что всегда просилъ или предупреждалъ объ этомъ пріятеля:—мнѣ, дескать, нужно свѣжія перчатки или новый галстукъ купить; можно пока призанять у тебя?—Отказа, конечно, никогда не было.

Придутъ къ Черемисову товарищи въ гости,—Юзіо хлопочетъ составить партію въ вистъ, угощаетъ сигарами, пуншемъ, откупориваетъ бутылки, подливая въ стаканы; наблюдаетъ насчетъ завтрака или ужина, чтобы все было подано въ порядкѣ, и въ тоже время занимаетъ гостей, разсказываетъ польскіе и иные анекдотцы, немножко сплетничаетъ, конечно, насчетъ разныхъ интересныхъ пани и ихъ благовѣрныхъ, «деклямуетъ» Мицкевича, поетъ чувствительные романсы или брянчитъ на разбитомъ фортепіано какую нибудь мазурéчку. Когда не достаетъ четвертаго партнера, присаживается къ карточному столу, разумѣется, никто иной, какъ тотъ-же Юзіо и играетъ съ «апломбомъ», съ пріятностью. «якъ сен'подóба пожонднéму чловѣку». Проиграетъ малую толику, сейчасъ-же:—Cher prince, prête moi quelque roubles! будь такой ласковый, заплати пока за меня, пожалуйста, потомъ сочтемся». А выиграетъ Юзіо,—деньги, конечно, прикарманитъ, потому что это ужъ такое его счастіе—«фортуна, муй пане».

И вотъ, такимъ образомъ, стали заводиться кое-когда у Юзіо и «свои собственныя» карманныя деньжишки. Тогда Юзіо отправляется обыкновенно въ кондитерскую Аданки, играетъ съ мелкими чиновниками на бильярдѣ, а кого можно, то даже и угощаетъ предъ буфетомъ коньякомъ, что́ умѣетъ продѣлывать иногда и не безъ покровительственнаго тона, и тутъ же на виду у всѣхъ—непремѣнно на виду—расплачивается наличными «своими собственными» деньгами—дескать, не думайте, что у меня нѣтъ ихъ!

— «Мой другъ, князь Черемисовъ...—обыкновенно начинаетъ онъ тутъ по какому нибудь поводу разсказывать чиновникамъ:—Ah! á propos! вы знаете, что́ сдѣлалъ недавно

мой другъ, Черемисовъ?.. Charmant garçon!.. Ah, comme je l'aime!.. Но только я ему говорю, послушай, милый князь, ты жъ понимаешь, ты знаешь, какъ мы всѣ тебя любимъ и уважаемъ...» и т. д. въ подобномъ же родѣ.

Чиновники пьютъ за счетъ Юзіо коньякъ, слушаютъ его разсказы и, видя его постоянно «съ княземъ», убѣждаются, что онъ дѣйствительно другъ его, а это уже, какъ сказать, «позируетъ» нашего Юзіо, даетъ ему кое-гдѣ нѣкоторый вѣсъ, даже нѣкоторый блескъ на него налагаетъ.

— Вы знаете пана Юзефа такого-то?—спрашиваетъ напримѣръ кто-либо.

— Нѣтъ, не знаю. Кто это панъ Юзефъ?

— А это другъ князя Черемисова.

— А! вотъ какъ!

— Да-а! Какъ же! Они друзья неразлучные.

Съ теченіемъ времени, у Юзіо предъ посторонними, т.-е. внѣ офицерскаго кружка, явилось и въ тонѣ голоса, и въ выраженіи лица, и въ самой походкѣ даже нѣчто самостоятельное, исполненное нѣкоего достоинства и значительности. Вотъ что́ значитъ создать себѣ положеніе «княжескаго друга»! Съ этимъ вмѣстѣ измѣнился и взглядъ весьма многихъ «родаковъ» и «компатріотовъ на Юзіо,—онъ пересталъ уже быть отверженцемъ и предъ нимъ снова растворились двери нѣкоторыхъ польскихъ домовъ, еще недавно закрытыя для него столь презрительно. Казалось бы теперь, когда онъ окончательно сошелся съ москалями, даже живетъ на счетъ одного изъ нихъ, добрые патріоты должны бы были еще болѣе чураться бѣднаго Юзіо, но... повстанскія времена отошли въ вѣчность, страсти поутихли, а положеніе «княжескаго друга» и возможность познакомиться чрезъ этого друга съ самимъ «княземъ», богатымъ женихомъ, хоть и москалемъ, но за то человѣкомъ «со связями въ столицѣ», заставили нѣкоторыхъ маменекъ и молодыхъ вдовушекъ сдѣлаться въ отношеніи Юзіо не только любезными, но даже искательными.

И дѣйствительно, Юзіо познакомилъ съ нѣкоторыми домами своего «друга». Бывало, Черемисовъ влюбится слегка въ какую нибудь пани или паненку, а Юзіо страдаетъ,—страдаетъ вдвойнѣ: и за него и за себя, потому что и съ своей стороны, какъ другъ, считаетъ своимъ долгомъ тоже влюбиться и притомъ въ туже самую особу, но, конечно, всякое первенство, всякое преимущество въ чувствахъ великодушно уступаетъ милому князю «для того, что онъ же жь такой милый»,—а самъ ограничивается только вздохами,

чувствительными романсами, платоническими восторгами и разговорами съ другомъ «о ней», о томъ, сколь она прелестна, интересна, какъ выразительно посмотрѣла на Черемисова тогда-то, какъ улыбнулась, съ какимъ оттѣнкомъ сказала то-то и проч. Это была у него болтовня неистощимая, ибо Юзіо никакъ не можетъ обойдтись безъ того, чтобы не «конфидентóвать»—«така южь натура, муй пане»! Но кромѣ темъ для болтовни, періоды Черемисовской влюбленности всегда доставляли ему новый источникъ заботъ и хлопотъ, сопряженныхъ съ бѣготнею по лавкамъ и ѣздою на извощикахъ; надо идти съ княземъ «до костелу», чтобы встрѣтить тамъ «ее», надо заказать букетъ и отвезти его къ «ней», отъ имени князя, надо выписать изъ Варшавы ея любимыя «цукерки», и «цястечки», и «конфетуры», устроить веселую «маювку», на которой «она» была бы царицею, передать по секрету иногда записку, иногда какое нибудь многозначительное слово, по порученію друга... Но и это еще не все. Если Черемисовъ отправляется на таинственное свиданіе съ «нею», то и Юзіо идетъ вмѣстѣ съ нимъ, но, конечно, такъ, чтобы «она» этого не знала, и пока у него длится интересное tête-á-tête, Юзіо скромно стоитъ гдѣ нибудь на сторонкѣ, зорко и чутко карауля, чтобы никто и ничто не помѣшало спокойствію его друга,—стоитъ и мучится, и терзается, и вздыхаетъ, но утѣшается сознаніемъ, что если, молъ, не я, то онъ — онъ, другъ мой, по крайней мѣрѣ, счастливъ!

Иногда случалось, что какая нибудь особа вдругъ, ни съ того, ни съ сего, разнравится Черемисову и онъ круто оборветъ Юзіо, продолжающаго болтать и безкорыстно восхищаться ею.

— Убирайся ты къ чорту!—скажетъ ему бывало:—и чего это ты, ъъ самомъ дѣлѣ, пристадъ ко мнѣ съ нею?!.. Нѣтъ у тебѣ развѣ другаго разговора?

Такое неожиданное замѣчаніе было для Юзіо все равно, что «цукъ» для занесшейся лошади.

— Mais, mon cher.. вѣдь ты-жъ... то есть она-жъ, вѣдь... она-жъ намъ такъ нравится?—озадаченно, заикаясь, начинаетъ онъ оправдываться.

— Нравится? Никогда она мнѣ не нравилась. Все ты врешь сочиняешь!

— От-то́ штука!.. Але-жь прошен'! Я жъ любопытный знать, какъ же жъ то такъ?

— Да такъ, что замолчи и баста!

Юзіо въ первую минуту очень озадаченъ: какъ-же это такъ, въ самомъ дѣлѣ? Но если такъ, то, казалось бы, теперь

онъ смѣло можетъ убрать въ сторону свое великодушное самопожертвованіе ради друга, дать полную волю своему собственному чувству къ этой особѣ и ухаживать за нею уже ради самого себя, эгоистически; но нѣтъ, ничуть не бывало!

Чувство Юзіо въ такихъ случаяхъ какъ бы считаетъ своимъ долгомъ тоже вдругъ испариться.

— Parbleu! — пожимая плечами, говоритъ онъ, спустя сутки, другія: — говорятъ, чьто этая пани Пшепендовська хорошенькая... Mais, au fond, ничего въ ней нѣту такого особеннаго... И я даже не понимаю, чьто такого могло намъ въ ней нравиться!

— То-есть, не намъ, а тебѣ, скажи лучше,—внушительно поправляетъ его пріятель.

— Ba! Voila la chose!

И Юзіо при этомъ удивленно выпучиваетъ глаза.

— Да развѣ-жъ не такъ?

— Н-ну! Finisse, mon cher! Quelle blague!—отмахивается онъ:—и никогда-же она мнѣ, а ни Боже мой, никогда даже не нравилась! То ли дѣло пане Пшездѣцька!.. А вѣдь ты, cher prince, ты не даромъ проходилъ вчера съ нею цѣлый часъ по аллеѣ!.. Я жъ таки коé-чьто подмѣтилъ... Ну, признайся! Будь другомъ! Вѣдь такъ?.. а?.. Досконалемъ!.. Але и чьтó-жъ то за прелестная женщина!.. Богъ мой!

И Юзіо, какъ ни въ чемъ не бывало, совершенно искренно начинаетъ заряжать себя новымъ чувствомъ къ пани Пшездѣцкой—и опять идетъ у него рядомъ съ болтовней и восторгами хлопотливое шнырянье на извощикахъ, бѣготня по костеламъ, по бульвару, за букетами, конфетурами и т. п.— Cher prince, прикажи, пожалуйста, этому грубіяну Нестору (я изъ нимъ даже и говорить не хочу!) чтобы онъ заплатилъ за четыре конца извощику,—для тебя же все старался! Усталъ, какъ собака какой!.. А за букетъ заплатимъ потомъ... я пока на кредитъ приказалъ... Mais quelle femme! Dieu, quelle femme!.. И не будь ты мнѣ другомъ,—н-ну, князь!.. Я-бы, кажется, н-никому н-никогда не уступилъ-бы такъ честю!.. Та-й, Боже-жъ мой! Я бы и до дуэлю пойшолъ! До Сибиру!

Офицерство наше вообще относилось къ Юзіо не только снисходительно, но даже весьма любовно и прозвало его Донъ-Сезаръ де-Базаномъ; за то деньщики сильно его недолюбливали, и все это съ легкой руки Нестора, который возчувствовалъ къ нему съ перваго раза непримиримую ненависть и презрѣніе за то, что «ужъ больно онъ барскому добру учетливъ непрошенный, и ни то онъ тебѣ на барскомъ, ни то на

такейскомъ положеніи, такъ что даже совсѣмъ непонятный человѣкъ,—такъ себѣ, какое-то полублагородіе выходитъ»! Вообще, деньщики, гдѣ можно, не упускали случая сдѣлать ему какую нибудь грубость, выказать свое презрѣніе, и хотя имъ нерѣдко порядкомъ-таки доставалось за это отъ «господъ», но, увы! никакіе «разносы въ пухъ и прахъ» не могли измѣнить деньщичьихъ чувствъ относительно нашего Донъ-Сезаръ де-Базана.

Между офицерами былъ одинъ только человѣкъ, питавшій къ Юзіо неодолимую антипатію и потому не упускавшій случая зло подшутить надъ нимъ, поставить его въ какое нибудь смѣшное или критическое положеніе, поддразнить его, пустить на его счетъ какую нибудь шпильку, выдумку, больно задѣть его самолюбіе и —замѣчательное дѣло—этотъ упорный врагъ, къ удивленію нашему, былъ самъ полякъ, землякъ, «компатріотъ» Юзіо, отъ котораго этотъ послѣдній, казалось бы, могъ ожидать наиболѣе сочувствія и поддержки. Но Юзіо выносилъ всѣ его выходки и приставанія съ рѣдкимъ благодушіемъ и смиренствомъ, хотя при этомъ и принималъ каждый разъ «благородный» видъ холоднаго, сдержаннаго и молчаливаго презрѣнія—дескать, я, все-таки, слонъ въ сравненіи съ этою моською.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ сжился не только съ Черемисовымъ, но и съ полкомъ на столько, что уже стали считать его какою-то неотъемлемою полковою принадлежностію. Бывало, съ 1-мъ эскадрономъ, въ которомъ состоялъ Черемисовъ, онъ и на траву, и на зимнія квартиры ѣдетъ «въ хвостѣ» на офицерской повозкѣ, съ лягавыми щенками, въ ней же разъѣзжаетъ за разными покупками, по порученію офицеровъ, и въ ней же возвращается съ эскадрономъ въ штабъ на кампаментъ. При этомъ на головѣ его всегда красуется форменная фуражка съ кокардой, и Юзіо, видимо, очень доволенъ, всегда встрѣчные крестьяне и евреи снимаютъ передъ нимъ шапку, принимая его тоже за офицера. Онъ съ важностью и благоволивымъ достоинствомъ подымаетъ руку къ козырьку и слегка киваетъ головою въ отвѣтъ на подобныя привѣтствія.

Если Черемисову случалось уѣзжать въ отпускъ, Юзіо на это время обыкновенно пристраивался на житье къ кому-нибудь изъ офицеровъ, и всѣ уже давно привыкли смотрѣть на то, какъ на самое правильное, законное дѣло, потому что куда-жъ ему иначе дѣваться? Вышелъ впослѣдствіи Черемисовъ въ отставку, уѣхалъ къ себѣ въ казанское имѣніе, а Юзіо неизмѣнно, какъ и прежде, сохранился при полку,

переходя время отъ времени отъ офицера къ офицеру, какъ-бы по наслѣдству. И офицерство имъ не тяготилось: поживетъ нѣсколько недѣль, а то и мѣсяцевъ у одного, перейдетъ къ другому, къ третьему и т. д., пока не совершитъ извѣстный циклъ по офицерскимъ обиталищамъ. Имъ не тяготились, потому что лишній человѣкъ не объѣстъ, а гдѣ сыты двое, тамъ хватитъ и на третьяго. Юзіо былъ таки сибаритъ по своей природѣ: любилъ сладко поѣсть, мягко и много поспать, лѣниво поваляться по диванамъ съ сигарой въ зубахъ, весело выпить, но не огорчался, если и по-долгу не доводилось ему вкушать отъ всѣхъ сихъ благъ; только въ разсказѣ или при воспоминаніи о нихъ на его лицѣ появлялась блаженная улыбка, и губы начинали вкусно причмокивать, въ чемъ собственно и обнаруживались его сибаритскія наклонности и симпатіи. Но вообще, при слабости къ сибаритству, онъ могъ и умѣлъ, когда надо, быть очень покладливымъ, неприхотливымъ и и невзыскательнымъ, спать гдѣ и на чемъ придется, лишь бы только не больше, ѣсть что́ случится— отъ трюфелей и бекасовъ до «желѣзной» солдатской каши на постномъ маслѣ—и ничего себѣ, благодареніе Богу, только здоровѣетъ нашъ Донъ-Сезаръ и постоянно сохраняетъ беззаботное, веселое настроеніе духа.

Бывало, посторонніе люди неоднократно, при случаѣ, спрашиваютъ у офицеровъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ:

— Скажите, пожалуйста, что такое этотъ вашъ Юзіо?

— Добрый малый,—отвѣчаютъ имъ:—услужливый, иногда очень пріятный въ обществѣ.

— Но при чемъ онъ, собственно?

— Какъ при чемъ? При полку, разумѣется.

— То-есть что-же онъ при полку изображаетъ собою?

— Такъ себѣ, ничего... Юзіо, да и только, иначе Донъ Сезаръ де-Базанъ, — и все тутъ; ипого ничего не изображаетъ.

— Но... что́ онъ дѣлаетъ? Родъ его жизни, напримѣръ, занятій тамъ, что-ли?

— Онъ?.. Какъ вамъ сказать!.. Онъ собственно проживаетъ при уланскомъ полку.

— И больше ничего?

— Больше ничего.

— И въ этомъ проживаніи, стало быть, заключается все его общественное положеніе?

— Исключительно въ этомъ.

— Ну, а если война? Или если просто двинутъ вашъ

полкъ отсюда куда-нибудь на новую стоянку? Тогда же съ нимъ какъ?

— А очень просто. Тогда, конечно, и Юзіо двинется вмѣстѣ съ нами. Это вѣдь для него легче легкаго: весь его багажъ таковъ, что всталъ и готовъ! Куда-жъ ему иначе дѣваться!

И дѣйствительно, внѣ полка для бѣднаго Донъ-Сезаръ де-Базана нѣтъ мѣста, нѣтъ существованія на свѣтѣ.

III.

Баши-бузукъ.

Какъ, когда и по какому случаю онъ впервые появился въ полку,—этого никто не знаетъ и не помнитъ.

Юзіо—тотъ, по крайней мѣрѣ, какъ пристalъ къ намъ, такъ уже у насъ однихъ и держится безотлучно; если иногда онъ и совершаетъ перекочевки, то все въ полку-же — изъ эскадрона въ эскадронъ, отъ офицера къ офицеру; онъ, такъ сказать, животное домашнее, осѣдлое (bestia domestica). Баши-бузукъ совсѣмъ наоборотъ—появляется исключительно лишь налетами, внезапно, какъ снѣгъ на голову, когда его и не чаютъ, мелькнетъ какъ метеоръ, повертится тамъ-сямъ, пошумитъ, подебошитъ (если возможно), непремѣнно займетъ у того-другаго малую толику деньжишекъ и исчезнетъ столь-же неожиданно, какъ и появился—и опять о немъ на нѣсколько мѣсяцевъ ни слуху, ни духу.

Помню я мою первую съ нимъ встрѣчу.

Я еще недавно былъ произведенъ въ офицеры и, побывавъ въ Петербургѣ, возвращался въ полкъ изъ отпуска. На одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій, чуть-ли не во Псковѣ, гдѣ пассажирскій поѣздъ останавливается поздними вечеромъ почти на часъ времени, сѣлъ я за общій столъ и спросилъ себѣ поужинать. Противъ меня усѣлся какой-то старикъ, лѣтъ около шестидесяти, въ мохнатой кавказской буркѣ и въ черной черкескѣ, съ кинжаломъ за поясомъ. На сѣдой, плотно остриженной головѣ его небрежно и лихо была накинута, заломленная какъ-то разомъ и набекрень и на

затылокъ, потертая офицерская фуражка съ малиновымъ околышемъ, про которую можно сказать, что, судя по всѣмъ видимостямъ, она-таки повидала виды на своемъ вѣку. Но и про физіономію, украшенную этою фуражкой, можно-бы было съ увѣренностію подумать тоже самое. Физіономія эта выражалась въ слѣдующихъ характерныхъ штрихахъ и бликахъ: сѣрые полинялые глаза съ самоувѣреннымъ, почти наглымъ, но въ сущности безалаберно-добродушнымъ выраженіемъ, густыя, какъ щетки шершавыя брови — совершенно бутафорскія брови, въ родѣ тѣхъ, что наклеиваютъ себѣ въ иныхъ характерныхъ роляхъ актеры; сивые длинные усы съ подусниками и носъ, похожій на кактусъ,—носъ замѣчательный: большой и припухлый, съ лоскомъ, словно-бы уинтанный или наливной извнутри чѣмъ-то сочнымъ, сизобагроваго цвѣта, съ прыщами и жилками,—носъ, не оставляющій никакого сомнѣнія въ сильномъ и хронически упорномъ пристрастіи его обладателя къ крѣпкимъ напиткамъ. «А вѣдь это Ноздревъ въ старости!»—невольно подумалось мнѣ при взглядѣ на фигуру моего почтеннаго vis-á-vis, — «совершенный Ноздревъ, только одѣтый вмѣсто архалука въ черкесску!»

Спросилъ онъ себѣ тоже чего-тс закусить, разумѣется, съ водкой — и пристально уставился на меня вопрошающимъ взглядомъ.

— Вы, кажется, N—скаго уланскаго полка?—обратился онъ ко мнѣ съ тою «пріятною» катаральною хрипотою въ голосѣ, котурую иные почему-то называютъ «маіорскою» хрипотою.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Какъ-же это я васъ не знаю?! Вѣрно произведены еще недавно?

— Да, недавно.

— То-то я и гляжу, что лицо незнакомое... А то я вѣдь весь вашъ полкъ—слава-тѣ-Господи!—на перечетъ, какъ свои пять пальцевъ, знаю. Какъ-же! Все друзья-пріятели!... Что Джаксонъ? Здравствуетъ? Кардашъ, Бушуевъ, Друри, Антопъ Васильевичъ?...

И онъ почти залпомъ выпалилъ мнѣ около десятка именъ моихъ однополчанъ-сослуживцевъ.

— Всѣ—говорю—слава Богу, живы и здоровы.

— Ну, и слава Богу!.. Кланяйтесь, пожалуйста, отъ меня всѣмъ, скажите, что скоро заверну къ вамъ въ полкъ—всѣхъ навѣщу, никого не обойду, никого невниманіемъ не обижу,

со всѣми какъ слѣдуетъ выпьемъ и закусимъ, и по душѣ потолкуемъ.

— А отъ кого именно прикажете кланяться? — спросилъ я.

— То есть, это вы насчетъ имени?... «Что въ имени тебѣ моемъ!»—сказалъ поэтъ нашъ знаменитый. Имя, пожалуй, вы позабудете, а скажите просто, что баши-бузукъ-де кланяется,—они уже знаютъ. Да и вамъ, я чай, эта кличка моя не безъизвѣстна, хотя бы по слухамъ?

— Н-нѣтъ, признаюсь, не слыхалъ.

— Не слыхали?!

И старикъ выпучилъ на меня удивленные глаза. Мнѣ показалось, что онъ не только озадаченъ, но какъ будто даже нѣсколько задѣтъ за живое такимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ.

— Не слыхали?... Можетъ-ли это быть?!.. Въ вашемъ-то полку и вдругъ не слыхали о баши-бузукѣ-то!.. Нѣтъ, да вы вспомните, вы вѣрно позабыли. Ба-ши-бу-зукъ, говорю. Навѣрное слышали!

— Да нѣтъ-же, не слыхалъ,—возражаю я.

Старикъ отчасти даже огорчился.

— Ну, можетъ быть!—сказалъ онъ со сдержанно-обиженнымъ вздохомъ. — Не смѣю не вѣрить... Долженъ вѣрить, когда мнѣ говоритъ офицеръ... Обязанъ вѣрить. Но каковыже друзья-пріятели! а?... Каковы?!... Значитъ, ни разу о баши-бузукѣ и не вспомнили... Изъ глазъ вонъ—изъ сердца вонъ... Да! «Тотъ любви скажи прощай, кто на три года въ даль уѣдетъ»... Да и я-то, старая скотина, тоже хорошъ! Другихъ корю, а самъ-то! Самъ не то что носа не показалъ, а и полстрочки никому не черкнулъ за все время... Но нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, давненько-же, значитъ, не навѣдывался я въ вашъ полкъ, если въ молодомъ его поколѣніи—вотъ, какъ въ васъ, напримѣръ,—даже и преданія, и самая память о баши-бузукѣ исчезли... Впрочемъ, вѣдь я у васъ—шутка-ли сказать!—больше двухъ лѣтъ не бывалъ, все странствовалъ далече... Но и носило-же меня, я вамъ скажу, чортъ знаетъ гдѣ по святой Руси, то-есть, буквально, «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды»... А по этому поводу и ради столь пріятной встрѣчи не выпить-ли намъ чего-нибудь? а?.. Какъ вы думаете?... Выпьемъ!

— Да вотъ, я пью красное,—не прикажете-ли?

Мой собесѣдникъ поморщился и прищурился на бутылку.

— Краснепькое?—сказалъ онъ, какъ-то зябко пӧживаясь

и потирая руки: — что-жь, пожалуй, будемъ пить и красненькое; хотя, знаете-ли, у этихъ мерзавцевъ станціонныхъ буфетчиковъ французское вино всегда поддѣльное... Но я не прочь! Для компаніи отчего-же, съ удовольствіемъ!.. Хм... А лучше-бы... тово, — медлительно произнесъ онъ, какъ-бы въ раздумьи, неопредѣленно глядя куда-то въ пространство:— лучше-бы... если ужъ хотите угостить старика, то... знаете, какъ въ пѣснѣ цыганской говорится, прикажите-ка, батенька, «чтобъ согрѣться старичку, поднесть рюмку коньячку»—оно посущественнѣе будетъ... А потомъ ужъ и красненькаго можно... Вы, голубчикъ, извините меня, старика, что я такъ безцеремонно... Это вѣдь только потому, что я у васъ въ полку свой человѣкъ, и какъ увижу эту самую вашу форму, такъ вотъ, вѣрите-ли, словно-бы нѣчто родное, ажно все сердце всполыхнется... Ей-Богу!

— Вы, стало быть, прежде служили въ нашемъ полку?

— Нѣтъ-съ! Вся моя служба на Кавказѣ прошла.

И, произнеся это съ оттѣнкомъ нѣкоторой гордости, старикъ, какъ-бы невзначай, распахнулъ пошире бурку, очевидно, съ намѣреніемъ дать мнѣ замѣтить висѣвшій на его лѣвыхъ газыряхъ солдатскій георгіевскій крестикъ.

— Вѣсь вѣкъ на Кавказѣ-съ,—продолжалъ онъ:—и преимущественно въ нижегородскомъ драгунскомъ... Впрочемъ, служилъ и въ пѣхотѣ—не по своей охотѣ... Но вся бѣда моя въ томъ, что мой роковой предѣлъ — это чинъ капитана. Точно-съ! И вѣрите-ли, какъ дойду до этого чина проклятаго, такъ и шабашъ.

— Почему-же шабашъ?—вставилъ я слово.

— Какъ «почему», говорите вы!... Понятно, почему! Потому что провалюсь!... Провалюсь—неизбѣжно, фатально, словно бы мнѣ это на роду написано!.. Помилуйте, товарищи мои давно уже въ генералъ-лейтенанты мѣтятъ, а я только капитанъ въ отставкѣ! Вотъ и разсчитте!

— Что-же такъ?—спросилъ я.

— Не везетъ-съ!... «Счастье — г л ю к ъ, говоритъ, надо к л ю к ъ, говоритъ». Какъ дойду до капитанскаго чина, такъ меня сейчасъ по шапкѣ—и разжалуютъ по сентенціи въ солдаты-съ!... И не подумайте, чтобы за что нибудь этакое неблагородное, марающее честь мундира, вродѣ растратъ или солдатскихъ денегъ тамъ, что-ли, нѣтъ, это — Боже избави! Этакой грязи никогда!.. А все только по своей необузданности, или, вѣрнѣе сказать, по роковымъ стеченіямъ обстоятельствъ. Разъ, напримѣръ, не въ мѣру строго съ начальствомъ обошелся; другой разъ, будучи дежурнымъ по кара-

уламъ, приказалъ молодень̀кому караульному прапорщику подъ мою отвѣтственность благороднаго арестанта выпустить на честное слово ради ночнаго свиданія съ дамой его сердца, а тотъ, каналья, возьми, да и удери!... А въ третій разъ... ей-Богу, я ужъ и самъ не знаю, какъ и за что, и почему это въ третій разъ угодилъ я въ солдаты!.. Думаю, просто потому, кажись, что судьба такая, — ничего не подѣлаешь! «Счастье—г л ю к ъ, говоритъ, надо к л ю к ъ, говоритъ». Выпьемъ!

И старикъ, такъ сказать, «вонзилъ» въ себя сразу принесенную ему большую рюмку коньяку.

— И вотъ-съ,—продолжалъ онъ: — дослужился я, наконецъ, и въ четвертый разъ на своемъ вѣку до капитана. Нѣ-ѣтъ, думаю, дудки! Шалишь, кума, больше не надуешь! Старъ ужъ я сталъ солдатскую-то лямку въ четвертый разъ тянуть сначала! И какъ только прочелъ въ приказѣ о своемъ производствѣ, то сейчасъ-же, то-есть не медля ни единой минуты, подалъ рапортъ о болѣзни вмѣстѣ съ прошеніемъ объ отставкѣ — въ чистую! И чтобы подальше отъ какого-либо соблазна принялъ себѣ этакое намѣреніе никуда не выходить, ни съ кѣмъ не сталкиваться и для того наглухо заточился въ своей квартирѣ... Потому—врагъ вѣдь силенъ! И кто-жъ его знаетъ, можетъ, вдругъ нечаянно наткнешься такъ, что и въ чертвертыхъ угодишь подъ красную шапку... Тяжко мнѣ было заточенье-то это, потому я человѣкъ общительный; но думаю, какъ ни какъ, а ужъ на этотъ разъ выдержу характеръ. И перехитрилъ-таки судьбу свою злодѣйку! Носъ ей наклеилъ да какой!—и, могу сказать, счастливъ! Потому— многаго не желаю, а добрыхъ друзей на святой Руси по вѣкъ мой хватитъ, — съ меня и довольно! Вѣдь у меня, батенька, на Руси знакомство-то какое! Въ каждомъ краѣ, въ каждомъ почти городишкѣ паршивомъ найдется кое-кто изъ старыхъ пріятелей, изъ сослуживцевъ, однобивачниковъ, односумовъ—и, Богъ ты мой!.. Да и вся кавказская знать меня знаетъ; къ самому князь Александру Иванычу, къ фельдмаршалу, вхожъ, иногда въ Скерневицы навертываюсь — и ничего-себѣ. не брезгаетъ старымъ солдатомъ: къ собственному столу пригласитъ и накормитъ, и напоитъ, да еще съ нѣкоторой субсидіей отпуститъ.—«Спасибо,—говоритъ,—старый товарищъ, что меня, старика, не забываешь!»—А я ему на то стишокъ:

Пусть прежде Богъ меня забудетъ,
Когда рѣшусь тебя забыть!

Правду говоритъ пословица: «Не имѣй сто рублей—имѣй сто друзей», а у меня и точно-что «не красна мошна рублями, да красна душа друзьями». Все друзья, вездѣ друзья—и на Кавказѣ, и въ Бѣлокаменной, и въ Питерѣ, и въ Вильнѣ, и въ Варшавѣ; а полковъ, полковъ-то однихъ сколько, гдѣ меня и знаютъ, и принимаютъ, и рады-радёшеньки, когда пріѣду, пожить-погостить оставляютъ... И ничего-себѣ, кое-какъ живемъ, хлѣбъ жуемъ, Господа славословимъ... Я теперь—точно, какъ у насъ въ пѣснѣ въ одной кавказской поется:

Мнѣ Царь бѣлый—отецъ,
А Россія—мнѣ мать,
И въ родствѣ, наконецъ,
Вся россійская рать!

— Гдѣ-же собственно вы теперь обитаете?—спросилъ я.

— Мм... то-есть, какъ вамъ сказать на это?... Вездѣ и нигдѣ! Потому, видите-ли, какъ вышелъ я въ отставку, такъ съ тѣхъ поръ, собственно говоря, постояннаго пріюта или, такъ сказать, п ь е т-а-т е́ р а нигдѣ не имѣю, а странствую себѣ по всей Руси широкой—гдѣ на чугункѣ, гдѣ на обывательскихъ, либо на почтовыхъ при случаѣ, а гдѣ и на своихъ на двоихъ, пѣшкомъ съ мѣшкомъ, пока ноги ходятъ.—больше все по полкамъ по разнымъ... Ну, иногда, впрочемъ, какъ ужъ докладывалъ вамъ, и къ милостивцамъ, къ прежнимъ односумамъ, а нынѣ уже звѣздоносцамъ завернешь,—благо, не брезгаютъ, да и помощь иногда окажутъ. И ничего-себѣ, живу, не ропщу на Создателя,—«Можно жить, не тужить, и царя благодарить!...» Могу сказать, даже счастливъ и доволенъ, потому что сердце чисто, духъ мой ясенъ, умъ и крѣпокъ, и покоенъ! Такова-то, господинъ корнетъ, моя философія, почерпнутая мною, могу сказать, долгимъ опытомъ изъ моря житейскаго.

— А теперь куда вы направляетесь?

— Теперь-то?... Да какъ вамъ сказать?... Въ точности пока еще и самъ не знаю,— можетъ быть, въ Вильну, можетъ, въ Варшаву, а можетъ, и къ вамъ завернусь, смотря по тому, какъ куда шатнетъ... Взяли мнѣ питерскіе друзья билетъ пока до Вильны; но, очень можетъ быть, подумаю еще и высажусь въ Динабургѣ или въ Рѣжицѣ,— тамъ у меня тоже старые пріятели есть, а въ Динабургѣ къ тому-же и полкъ знакомый квартируетъ.... Такъ что, куда собственно ѣду я—это еще вопросъ, покрытый и для меня самого мракомъ неизвѣстности... Вообще говоря, батенька мой,

Я много ѣзжу по Руси,
Отъ Керчи до Валдая,
И пью притомъ не мало си-
валдая.

Такъ-то-съ! Не обезсудьте старика на такой моей солдатской откровенности!

Вскорѣ у выходной двери пронзительно зазвенѣлъ условный колокольчикъ, и полусонный голосъ дежурнаго сторожа выкрикнулъ монотоннымъ речитативомъ:

— Динабургъ, Вильна, Варшава—первый звонокъ!

Я поспѣшилъ расплатиться за буфетомъ и простился со своимъ случайнымъ знакомымъ.

— Такъ не забудьте же въ полку-то поклониться!—кричалъ онъ мнѣ въ догонку уже на платформѣ:—такъ и скажите всѣмъ: баши-бузукъ, молъ, кланяется, вскорѣ набѣгъ на насъ учинитъ! Прощайте!

3

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Я успѣлъ совсѣмъ позабыть про мою случайную встрѣчу, какъ вдругъ однажды, зимнимъ вечеромъ, раздается въ прихожей звонокъ, вслѣдъ за которымъ чей-то незнакомый, но авторитетный голосъ вопрошаетъ: «дома?»—и затѣмъ, не ожидая даже деньщичьяго отвѣта, въ комнату вваливается нѣкто, въ кавказской буркѣ, покрытой мокрымъ снѣгомъ, и въ папахѣ, низко нависшей надъ бровями. Смотрю и не могу признать, кто такой могъ бы это быть?

— Здравствуй, дружище! — радостно восклицаетъ между тѣмъ на ходу незнакомый гость: — аль не узналъ старика?.. Помнишь, на станціи?.. Баши-бувука-то? Онъ самый и есть передъ тобой, какъ листъ передъ травой! Здорово!

Тутъ я, конечно, узналъ его; но только думаю себѣ: когда-же это мы съ нимъ успѣли сойтись на ты? Онъ, однако, не далъ мнѣ раздумывать, а приступомъ, съ налету, заключилъ меня въ свои объятія и трижды звонко облобызалъ мои щеки, измазавъ ихъ мокрыми усами.

— Позволь, голубчикъ, хоть обогрѣться чуточку! Пріюти на часокъ, Христа-ради! Измокъ, иззябъ, усталъ—просто, до лихоманки! И ѣсть хочу, какъ сорокъ тысячъ братій хотѣть не могутъ!

Проситъ человѣкъ пріютить на часокъ, — не отказать же ему въ такой бездѣлицѣ и тѣмъ болѣе въ его положеніи!

— Милости просимъ!—говорю. И обогрѣемъ и накормимъ.

— О! благодѣтель!.. Вотъ душа человѣкъ! Вотъ кунакъ-то!

Это, что называется, по-кавказски, по нашему!... Ну, спасибо, солдатское мое спасибо тебѣ за это!

— Какими судьбами вы къ намъ?—спрашиваю его.

— То-есть, кто это мы? — переспросилъ онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ:—Я одинъ, со мной никого нѣтъ больше.

— Да я про васъ-то самихъ и спрашиваю.

— Ахъ, про меня! — спохватился онъ, какъ-бы догадавшись:—Такъ зачѣмъ-же тутъ это «вы» церемонное? Чего-же это мы будемъ выкаться!—Не подобаетъ! Ей-ей, не подобаетъ! Я человѣкъ простой—вся душа, какъ на блюдцѣ. Коли я полюбилъ человѣка,—не могу съ нимъ на вы быть! Такъ вотъ и тянетъ, по старой привычкѣ кавказской, сейчасъ же на ты перейти. Душа моя! Кунакъ! Говори мнѣ, пожалуйста, ты, безъ церемоній! И я тоже буду! Такъ гораздо удобнѣе.

— Ну, это какъ кому, — замѣтилъ я, невольно улыбаясь на наивное нахальство моего гостя: — мнѣ, напримѣръ, вовсе неудобно; я, съ непривычки, часто ошибаться буду.

— Это ничего!—снисходительно успокоилъ онъ меня, пожимая руку:—ошибка въ фальшь не ставится. А для закрѣпленія дружбы, мы при первомъ же случаѣ выпьемъ на ты, и шабашъ тому дѣлу! О чемъ, бишь, ты спрашиваешь?... Да! Какими судьбами я попалъ сюда?—Очень просто, голубчикъ: былъ въ Варшавѣ, былъ въ Скерневицахъ у фельдмаршала съ поклономъ,—съ русскимъ поклономъ къ нему,—понимаешь? По-кавказски!.. Ну, былъ потомъ въ Ченстоховѣ, опять въ Варшавѣ, въ Новогеоргіевскѣ, въ Иванъ-городѣ, въ Люблинѣ, оттуда въ Брестъ, изъ Бреста въ Бѣлостокъ, изъ Бѣлостока сюда—вотъ и весь маршрутъ мой. Все по полковымъ штабамъ гостилъ у друзей-пріятелей. Но чортъ его знаетъ—судьба моя такая! Только что ввалился въ вашу окаянную Гродну — грязь, слякоть, снѣжище валитъ... Я сейчасъ извозчика... Ахъ! кстати, голубчикъ! Совсѣмъ изъ ума вонъ! Вѣдь у воротъ мой извозчикъ ждетъ. Прикажи, пожалуйста, разсчитать его,—завтра сочтемся... Ну-съ, такъ вотъ беру извозчика. Вези, говорю, къ маіору Джаксону. Привозитъ.—Дома?—«Никакъ нѣтъ; въ эскадронѣ».—Э! чортъ возьми, досада какая! Вали, говорю, къ Друри. Дома?—«Въ отпуску-съ».—Тьфу ты канальство! Я къ Черемисову—въ театрѣ.—Я—туда, сюда,—стукнулся еще къ двумъ-тремъ—никого! То въ театрѣ, то въ клубѣ, то «въ гости ушли-съ». Экіе безобразники! Никто дома не сидитъ! Не задача, думаю. Какъ тутъ быть?.. Продрогъ ужасно; съ холода рюмку-бы водки, да чаю стаканъ, да отдохнуть съ дороги, потому усталъ, говорю тебѣ, ужасно, а они, черти, по клубамъ да по театрамъ!—«Ну, говорю извозчику, поѣзжай

теперь, куда самъ знаешь; я ужъ тутъ ничего больше не могу придумать; думай ты за меня». Ѣдемъ мы по этой улицѣ, видимъ свѣтъ въ окнахъ; извозчикъ мой и остановился.— «Надо быть, говоритъ, дома, потому свѣтло» — Да здѣсь кто живетъ-то?—спрашиваю. Онъ и называетъ тебя. Ба! думаю,— вотъ оно гдѣ мой спаситель обрѣтается!.. Ну, конечно, сейчасъ же сюда, а остальное ты уже знаешь. Такъ вотъ, дружеть мой, еще разъ въ ножки кланяюсь тебѣ,—пріюти старика на одну ночку, а тамъ завтра я къ Джаксону въ эскадронъ проберусь,—и вся не долга! Но теперь дай мнѣ, Христа ради, рюмку водки и хотя чего нибудь куснуть на голодные зубы!

— Все это будетъ сію минуту,—утѣшаю его:—Но гдѣ-же вещи ваши? Надо приказать внести ихъ сюда.

— Какія вещи? — вопрошаетъ баши-бузукъ съ недоумѣніемъ.

— Ну, чемоданъ или сакъ тамъ, что-ли?

— «Че-мо-да-анъ»! фи фю-ю!—присвистнулъ онъ, махнувъ рукою:—Вотъ еще какія нѣжности! Никогда отродясь, другъ мой, у меня никакихъ чемодановъ не бывало. Я, какъ Діогенъ, — omnia mea mecum porto! Чай знаешь пѣсенку:

Аристотель, о, о, о, оный,
Славный философъ,
Продалъ пантало, о, о, опы,—
Ходитъ безъ штановъ!

Такъ и я, братъ, точно! Живъ Богъ—жива душа моя, а съ голоду на Руси, говорятъ, еще никто не умиралъ. Зачѣмъ мнѣ вещи? Только лишнюю тяжесть таскать за собою, да платить за багажъ на дорогахъ? Нѣтъ, братъ, я этой глупой модѣ не слѣдую. Omnia mea mecum porto—и все тутъ!

Нельзя сказать, чтобы баши-бузукъ особенно обременялъ кого-либо собою. Когда онъ совершалъ свои «набѣги», то это это были набѣги дѣйствительно на цѣлый полкъ, а не на того или на другаго изъ офицеровъ. Тяготы своего пребыванія въ полку онъ поровну раздѣлялъ между всѣми, какъ подушную повинность. Сегодня случай привелъ его ко мнѣ, завтра онъ точно также случайно останется ночевать у другаго: гдѣ захватила его ночь, тамъ и остался. Здѣсь привелось позавтракать, пообѣдать, тутъ у такого-то чаю напиться, въ четвертомъ мѣстѣ поужинать, — онъ и счастливъ, потому что всегда вертится въ «компаніи», всегда съ «друзьями», съ «кунаками». Любитъ онъ поговорить, побалагурить—только

не мѣшай ему языкомъ болтать, и дѣйствительно, болтунъ онъ неистощимый; и все это съ прибауткой, «со стишкомъ», съ пословицей, съ неизмѣннымъ refrain ко всякой темѣ: «а вотъ-де у насъ, бывало, на Кавказѣ»,—и какъ попадетъ на этого кавказскаго своего конька, то только поспи Богъ терпѣнія слушать! Въ особенности любилъ онъ разсказывать про Нижегородскій полкъ, его бытъ, его боевые подвиги, про полковаго пѣсенника-запѣвалу и пьяницу Малышку—и въ эти минуты одушевлялся искренно, безъ напускнаго пафоса, и непремѣнно цитировалъ Нижегородскую пѣсню:

Старый полкъ нашъ двѣсти лѣтъ
Ходитъ въ бой,
Много знаетъ онъ побѣдъ
За собой.

И, заканчивая какой-либо подобный разсказъ, точно также непремѣнно приводилъ «стишокъ» изъ той же пѣсни:

Такъ нашъ старый полкъ живетъ
Двѣсти лѣтъ,
Молодѣя каждый годъ
Отъ побѣдъ.

Когда, бывало, просятъ его къ водкѣ и закускѣ, онъ, весело и пріятно потирая руки, сейчасъ-же скажетъ «стишокъ»:

Эхъ-ма! служба тяжела,
Часомъ просто не находка!
А была чтобъ весела,
Что драгуну нужно?—Водка!

И, по обыкновенію, разомъ «вонзаетъ» въ себя рюмку, въ заключеніе чего опять-таки «стишокъ»:

Знать, драгуны таковы,
Свой завѣтъ не позабудутъ:
Могутъ быть безъ головы,
А безъ водки ужъ не будутъ.

И откуда только у него брались эти «стишки»!—На всякій случай, на всякое обстоятельство непремѣнно отвѣтитъ стишками.

— Ну, братъ, и наклюкался-же ты вчера! — дружелюбно коритъ его кто-нибудь утромъ: — даже подъ столъ свалился!

— А что-жъ!—отвѣчаетъ онъ:—это какъ слѣдуетъ!

Счастливъ тотъ, кто въ вихрѣ боя,
Иль въ порушкѣ громовой
Славной смертью палъ героя
Хоть подъ столъ за край родной.

Потрепалъ онъ какъ-то двухъ жидковъ за какую-то моменническую продѣлку. Тѣ—жаловаться къ полиціймейстеру. Выходитъ, разумѣется, исторія, изъ которой надо выручать баши-бузука.

— И зачѣмъ ты рукамъ волю давалъ! — корятъ его пріятели.

— А что-жъ!—говоритъ: — мы, братъ, кавказцы! Мы таковы! Мы—

Въ дѣло, будто на охоту
Съ радостью идемъ.
И черкесскую когорту,
Словно зайцевъ, бьемъ.

— Да вѣдь это,—возражаютъ ему:—не черкесы, а жиды.

— Жиды? Тѣмъ паче!

Ужъ Шамилевой фалангѣ
Мы потачки не дадимъ,
И у насъ на лѣвомъ флангѣ
Мало пользы будетъ имъ!

— Имъ-то, разумѣется, мало, потому что взять съ себя нечего; но и тебѣ немного: нарвешься когда нибудь такъ, что и въ кутузку засадятъ!

— Кого? Меня?.. Никогда!

Съ нами Богъ и Фрейтагъ съ нами,
Съ нами Фрейтагъ—съ нами Богъ!

Какъ я сказалъ уже, баши-бузукъ, кромѣ того, что было на немъ надѣто, не имѣлъ никакого имущества. Если черкесска его приходила въ крайнюю ветхость,—кто-нибудь изъ друзей, самъ или въ складчину, дарилъ ему новую,—и баши-бузукъ опять на нѣсколько лѣтъ былъ «экипированъ». Одинъ, бывало, подаритъ ему старые, но еще крѣпкіе сапоги, другой—рейтузы, третій—сорочку, четвертый—пару носовыхъ платковъ, и баши-бузукъ счастливъ.—«Я богатъ, я очарованъ, я опять экипированъ»! въ восторгѣ восклицалъ онъ въ этихъ случаяхъ. Но вздумали однажды пріятели снабдить его бѣльемъ въ полной мѣрѣ, такъ, чтобы всѣхъ принадлежностей было у него по полдюжинѣ,—баши-бузукъ, къ удивленію, отказался.

— Нѣтъ, господа, куда мнѣ съ этимъ возиться! Все равно раскрадутъ или растеряю. Мое правило такое: одна сорочка у прачки, другая на себѣ, и все тутъ! Износится, пріятель дастъ новую. А эти полудюжины—это вѣдь уже цѣлое имущество, подъ него и чемоданъ нуженъ, и счетъ ему вести

надо, заботиться надо... Нѣтъ, ужъ Богъ съ нимъ, а вамъ— сердечное спасибо!

Такъ и не согласился принять нашъ подарокъ.

Между прочимъ, замѣчателенъ былъ разсказъ его о томъ, какимъ образомъ однажды избавился онъ разъ навсегда отъ всѣхъ своихъ долговъ и кредиторовъ.

— Это было незадолго до выхода моего въ отставку,— разсказывалъ намъ баши-бузукъ.—Долги меня одолѣвали, а вы сами, чай, знаете, какъ дѣлаются долги нашимъ братомъ. Нужно тебѣ, положимъ, сто рублей, а услужливый жидъ или армянскій восточный человѣкъ деретъ съ тебя вексель въ триста,—по десяти, а то и по двѣнадцати процентовъ въ мѣсяцъ; а не заплатилъ въ срокъ, переписывай вексель съ сопричтеніемъ процентовъ на проценты, по двѣнадцати же въ мѣсяцъ... Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и твой сторублевый долгъ вырастаетъ чуть не въ тысячный!.. И вотъ, такихъ-то дутыхъ долговъ по векселямъ накопилось у меня до десяти тысячъ, и все это тутъ же, у себя дома, въ штабномъ районѣ, благодаря разнымъ промышленнымъ Каспаркамъ и Шмулькамъ, осаждающимъ у насъ, на Кавказѣ, штабъ каждаго полка не хуже чѣмъ здѣсь, въ Западномъ краѣ; разница только та, что вы здѣсь имѣете дѣло съ одними жидами, а мы и съ жидами, и съ армянами, и съ греками, чего и врагу пожелать грѣшно, въ особенности относительно грековъ. Десять жидовъ изъ одного грека выкроить можно! Судите же сами, кому легче—вамъ или кавказцамъ?

Вижу я, наконецъ, что исхода нѣтъ никакого: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ больше переписываешь векселя, тѣмъ все туже мертвую петлю на себѣ затягиваешь, и знаю, что придетъ, наконецъ, день мой судный, подадутъ ко взысканію и... чего добраго, даже до капитанскаго, до роковаго моего чина не дадутъ дослужиться. Между тѣмъ дѣйствительныхъ моихъ долговъ, если положить ихъ даже съ 24-мя годовыми процентами, было менѣе чѣмъ на три тысячи. Но и то тяжело. Откуда возьмешь вдругъ три тысячи, когда ни движимаго, ни недвижимаго не имѣется, да и нѣтъ къ тому же ни дядюшки, ни тетушки, ни бабушки, которые могли бы нѣчто оставить по наслѣдству. Поэтому для меня, въ сущности, было все равно,—три-ли тысячи, десять-ли тысячъ: и такъ, и этакъ одинаково скверно выходило.

Но вдругъ судьба мнѣ улыбнулась.

Пріѣхалъ къ намъ въ штабъ интендантъ открывать цѣны, а денегъ у интенданта много, потому что уже давно въ пол-

тендантахъ служитъ и почитается наиопытнѣйшимъ... Самъ онъ, какъ водится, изъ поляковъ, на рукахъ драгоцѣнные перстни сверкаютъ, при часахъ массивная золотая цѣпочка, безъ шампанскаго обѣдать не садится и въ собственной щегольской коляскѣ разъѣзжаетъ; остановился въ гостиницѣ, три номера подъ рядъ,—что ни есть изъ лучшихъ номеровъ,—одинъ подъ себя занялъ, квартирмейстера и нужныхъ офицеровъ шампанскимъ угощаетъ,—ну, особа, да и только.

Былъ въ тѣ поры у насъ въ Царскихъ Колодцахъ полиціймейстеромъ большой мой пріятель — лихой малый, умная голова, изъ старыхъ кавказцевъ,—и любилъ онъ меня очень, и зналъ хорошо мои скверныя обстоятельства. Даже, могу сказать, обязанъ ему благодарностью за то, что онъ неоднократно сдерживалъ плотоядные на счетъ меня порывы и аппетиты моихъ кредиторовъ. Встрѣчаетъ онъ меня какъ-то на улицѣ и зоветъ къ себѣ: «Приходи-де вечеркомъ на пульку; интендантъ будетъ». Ладно. Собрались мы у него на чай, кое-кто изъ нашихъ и интендантъ тутъ же, брильянтами своими сверкаетъ. Послѣ пульки обычнымъ манеромъ закусили, поужинали, выпили, а тутъ и предложи кто-то, чуть ли не самъ же интендантъ, въ «любишь не любишь» перекинуться. Идетъ! Кто-жъ отъ этого въ доброй компаніи откажется! Заложилъ интендантъ банкъ; облѣпили его понтеры, словно мухи просыпанный сахаръ; играютъ; и не прошло еще часу, какъ игра поднялась уже большая, серьёзная. Я поглядѣлъ-поглядѣлъ, да и соблазнился,—рискну-ка на счастье!—и сталъ понтировать. Поставилъ карту—дана, другую—дана; я на́ пе—взялъ и на́ пе.—Везетъ, думаю, везетъ! Понтируй дальше, не робѣя; гни даму, гни туза-злодѣя!.. «Впередъ! Впередъ!..» Жизни только тотъ достоинъ, кто на смерть всегда готовъ!.. И есть же анаѳемское счастіе! Разъ въ жизни только такое и приходитъ—большое, глупое, слѣпое счастіе!.. Что́ вы себѣ думаете! Менѣе чѣмъ въ четверть часа, ни разу не сорвавшись, взялъ я кругленькій кушикъ въ три тысячи рублей. Хочу понтировать дальше, только вдругъ чувствую, наложилъ кто-то на плечо мое руку. Оборачиваюсь—пріятель полиціймейстеръ.

— Брось-ка,—говоритъ—на минуту; мнѣ тебѣ нужно два слова сказать.

— Отстань! — говорю: — Послѣ! Потомъ! Видишь, везетъ какъ!

А онъ мнѣ таково-то настойчиво, внушительно:

— Бастуй,—говоритъ,—довольно!

А самъ такъ выразительно на плечо нажимаетъ.

— Ну,—думаю,—вѣрно не спроста.

Забастовалъ я, получилъ чистоганомъ три тысячи, пересчиталъ и золото, и бумажки, набилъ ими всѣ карманы и отошелъ отъ игроковъ.

— Къ чему ты—говорю ему—остановилъ меня? Вѣдь какъ везло-то!

А онъ мнѣ на то:

— Надо, говоритъ, и честь знать, а то посади свинью за столъ, она и ноги на столъ! Можетъ быть, говоритъ, это всеблагое Провидѣніе милость свою къ тебѣ ниспосылаетъ, такъ ты и чувствуй, и не искушай его безъ нужды; умѣй отстраниться во́-время, а то не ровѣнъ часъ и три-то тысячи спустишь, да еще, гляди, на нѣсколько тысячъ дашь на свою реваншу, а расплатиться-то и нечѣмъ... Ну, и что́-жъ тогда благородному офицеру дѣлать? Пулю въ лобъ?.. А ты, говоритъ, возблагодари всеблагое-то Провидѣніе, да давай-ка деньги сюда, ко мнѣ въ шкатулку, здѣсь онѣ поцѣлѣе будутъ; а теперь ступай спать съ легкимъ духомъ и чистымъ сердцемъ; завтра же утромъ приходи ко мнѣ, потолкуемъ, какое наилучшее приспособленіе дать этому капиталу.

Вижу я—говоритъ человѣкъ такъ серьёзно, убѣдительно, словно отецъ родной; отдаю ему деньги; онъ пересчиталъ и при свидѣтеляхъ заперъ въ шкатулку.

— «Пусть, говоритъ, дѣло на чистоту будетъ».

— Ладно.

Прихожу къ нему послѣ ученья, утромъ, какъ было условлено, а тамъ, гляжу, сидятъ уже въ гостяхъ двое моихъ сожителей. (Я, видите-ли, жилъ съ двумя товарищами; особый такой маленькій домочекъ мы занимали). Хозяинъ мнѣ на встрѣчу.

— Ну,—говоритъ,—капиталистъ, добро пожаловать! Сперва закуси, а потомъ поведемъ серьёзную бесѣду. Я, говоритъ, и обоихъ твоихъ сожителей нарочно пригласилъ на совѣщаніе.

Закусили мы, трубки закурили, все какъ слѣдуетъ... Полиціймейстеръ и говоритъ мнѣ:

— Какъ-же ты, другъ, намѣренъ капиталомъ своимъ распорядиться?

А я только плечами пожимаю.

— Не знаю,—говорю,—такими мыслями пока еще не задавался. Имѣнія на такой капиталъ не купишь, а и купишь, такъ все равно за долги отберутъ, да и долговъ-то всѣхъ не расплатишь. Что имъ три тысячи, тварямъ-то этимъ! Только аппетитъ ихъ скаредный еще пуще раздразнишь! Поди-ка,

еще сильнѣе напирать начнутъ: заплатилъ-де три,—значитъ, можешь и остальныя!

— Вотъ въ томъ-то и сила,—возражаетъ онъ мнѣ:—въ томъ-то и фортель, что надо теперь-же воспользоваться счастливымъ случаемъ и расквитаться со всѣми, то-есть, буквально, со всѣми кредиторами.

Я ажно глаза выпучилъ.

— Христосъ съ тобой!—говорю:—какъ-же такъ расквитаться, коли всѣхъ долговъ у меня до десяти тысячъ?

— Да ужъ какъ никакъ, а расквитаться надо.

— Но какимъ-же способомъ?

— Такимъ, чтобы заплатить деньги и получить назадъ векселя, всѣ до единаго. Я — говоритъ — распорядился уже пригласить всѣхъ твоихъ главнѣйшихъ заимодавцевъ, назначилъ имъ время; вотъ черезъ полчаса соберутся, и скажу имъ что желаю заплатить за тебя и жертвую на это три тысячи.

— И ты воображаешь, что эти христопродавцы согласятся?

— Вотъ попытаемъ... Не согласятся, тогда у насъ еще другой способъ остается въ запасѣ.

— Что́ за способъ такой?—спрашиваю.

— Есть ужъ! Не безпокойся! Самый радикальный! Коли ты самъ ничего не придумалъ, то мы подумали за тебя и выдумали нѣчто.

Вотъ собрались, наконецъ, кредиторы: два армянина, полтора жида и одинъ цѣлый грекъ. Предлагаетъ имъ полицій-мейстеръ сдѣлку: «такъ и такъ, говоритъ, видя безвыходное положеніе пріятеля, желаю ему помочь и плачу за него, по силѣ своей возможности; болѣе трехъ тысячъ пожертвовать на это не могу, но съ васъ-то, въ сущности, и этого вполнѣ довольно, такъ какъ сами вы знаете, что векселя ваши дутые, и вы теперь получаете за нихъ въ возвратъ весь дѣйствительно данный вами капиталъ, да еще сверхъ того по 24 процента. Сдѣлка, молъ, хорошая, и, говоря по совѣсти, согласиться можно».

Куда тебѣ!... Тѣ и слышать ничего не хотятъ.—Мы говорятъ, уже знаемъ, что штабсъ-капитанъ вчера три тысячи въ штоссъ выигралъ; пусть ихъ намъ и заплатитъ, а мы новые векселя ему за то согласны переписать и подождемъ со взысканіемъ. Можетъ, Богъ пошлетъ ему еще другой такой-же кушъ выиграть, а можетъ и больше,—за что-же мы свое-то станемъ терять!

Словомъ сказать, какъ ни уламывали ихъ—не соглашаются. Уперлись на своемъ и баста! Нечего дѣлать, пришлось полиціймейстеру прогнать ихъ къ чорту.

— Ну, другъ любезный,—говоритъ онъ мнѣ: — самъ ты видишь, хотѣлъ я помочь тебѣ, старался, убѣждалъ—не пробираетъ!... Теперь тебѣ ничего больше не остается, какъ только умереть.

— Какъ умереть?!—удивился я.—Что за вздоръ ты мнѣ предлагаешь!

Отнюдь не вздоръ,—говоритъ:—надо умереть, тогда мы ликвидируемъ твои дѣла; тогда всѣ эти христопродавцы поневолѣ пойдутъ на сдѣлку, мы скупимъ всѣ твои векселя, и ты выйдешь чистъ и свѣжъ, какъ бутонъ, паче снѣга убѣлишься и вздохнешь, наконецъ, свободно. Вся штука въ томъ, что умереть надо. Умри-ка, и въ самомъ дѣлѣ, денька этакъ черезъ четыре!

Я гляжу, какъ шальной, то на того, то на другаго, то на третьяго.

— Воля ваша,—говорю,—а только я ровно ничего не понимаю. Шутите вы надо мною, что-ли?

— Нѣтъ,—увѣряютъ они:—мы тебѣ предлагаемъ это самымъ серьезнымъ образомъ, какъ единственно возможный и даже выгодный для тебя исходъ.

— Ну, такъ вы, друзья, извините! Стало быть, вы съума сошли!

— Нѣтъ—говорятъ—пока еще, слава Богу, въ здравомъ разсудкѣ, а только самъ ты видишь, что безъ твоей смерти кредиторы никакъ ни согласятся покончить твои счеты за три тысячи.

— Это-то, конечно; это вѣрно,—соглашаюсь я:—но только, чортъ возьми, неужели-же мнѣ, ради удовлетворенія Шмулекъ и Карапетокъ, пулю въ лобъ себѣ пустить?!

— Ну, вотъ уже и пулю!... Зачѣмъ пулю?... Тутъ пуля вовсе не требуется. Тебѣ, напротивъ, надо умереть, такъ сказать, законнымъ порядкомъ и на законномъ основаніи, какъ умираютъ всѣ добропорядочные и благонамѣренные люди, то есть, сперва, значитъ, поболѣть денька этакъ три, четыре, а тамъ и скончаться.

Я и рукой махнулъ.

— Нѣтъ,—говорю,—друзья: вы окончательно съума сошли и если у васъ нѣтъ для меня въ запасѣ болѣе умнаго совѣта, то прощайте!

Да ты постой,—говорятъ,—ты не кипятись, а выслушай сначала. Это вовсе не такъ глупо и не невозможно, какъ тебѣ кажется. Слушай: могъ-бы ты, напримѣръ, вчера или сегодня простудиться, схватить себѣ, гриппъ, жабу, горячку тамъ, что-ли воспаленіе, или вообще какую-нибудь подобную

мерзость? Могъ-ли-бы?... Развѣ кто изъ насъ застрахованъ отъ такой случайной напасти?

— Ну, положимъ, могъ-бы,—го ю,—только что̀-жъ изъ этого?

— А вотъ что̀: представь себѣ, что ты заболѣлъ, слегъ въ постель и умеръ, лежишь на столѣ, а я, какъ власть полицейская, присутствую тутъ-же, для производства описи твоего имущества, и между тѣмъ, подъ рукой, извѣщаю всѣхъ твоихъ кредиторовъ, вступаю съ ними въ соглашеніе, скупаю векселя, и вотъ, такимъ образомъ, пока ты будешь лежать кверху носомъ, мы обдѣлаемъ твои дѣла, и тебѣ, послѣ того, будетъ такъ легко, такъ легко... жить на свѣтѣ!

— Какъ—говорю—жить на свѣтѣ, коли вашъ премудрый разсчетъ на моей смерти строится?!

— Ахъ, голова, голова!—корятъ они меня:—неужели все еще не понимаешь? Не о смерти,—о жизни дѣло идетъ!.. Кто-жъ тебѣ запретитъ въ тотъ-же день воскреснуть? Какъ только послѣдній вексель будетъ возвращенъ, ты и воскресай! Прямо такъ-таки и воспрянь предъ всею компаніей твоихъ кредиторовъ, къ наивящему ихъ ужасу.

— Н-да,—говорю,—только, вѣдь, это обманъ выходитъ...

— Зачѣмъ обманъ?.. Какъ это можно обманъ?!. Развѣ у тебя не могла быть летаргія? Помилуй, да это ни полковой, ни уѣздный врачи не откажутся засвидѣтельствовать. Летаргія дѣло весьма возможное. Они даже рады будутъ: во-первыхъ, такой интересный случай въ наукѣ, а потомъ кто-жъ не радъ проучить хорошенько всѣхъ этихъ общихъ нашихъ кровопійцъ, съ которыми по закону, самъ знаешь, ничего вѣдь не подѣлаешь. Къ тому-же весь свой долгъ ты выплачиваешь честно, даже съ большими процентами, и только изъ самосохраненія предпринимаешь стратегическій маневръ, чтобы выпутаться изъ злостной ловушки, въ которую тебя систематически затягиваютъ.

Словомъ сказать, всѣ доводы пріятелей были убѣдительны и ясны, какъ дважды-два—четыре. Я такъ и хватилъ себя по лбу.

— Вотъ она, геніальная-то мысль! Умирать,—говорю,—умирать сію-же минуту! Кладите меня на столъ, надѣвайте саванъ, плачьте и рыдайте, и зовите кредиторовъ. Кончено! Я умираю!

— Погоди, — говорятъ—не торопись. Побудь живъ и здравъ еще дня два;—вѣдь ничего-жъ они съ тобой въ такой короткій срокъ не сдѣлаютъ! Поѣзжай-ка лучше на охоту. На охотѣ тебѣ разрѣшается схватить горячку, а по

возвращенiи—прямо въ постель, и тогда умирай себѣ съ Богомъ, на законномъ основанiи.

И дѣйствительно, такъ мы все и устроили. Поболтался я день въ штабѣ, на другой день уѣхалъ съ товарищемъ на охоту, на третiй возвратился утромъ домой и прямо въ постель. Докторъ ко мнѣ ходитъ, нашъ полковой врачъ, добрѣйшiй Готлибъ Христофоровичъ—и такъ усердно навѣщаетъ больнаго по два раза въ день, и утромъ и вечеромъ; ставятъ передъ нимъ каждый разъ самоваръ и бутылку рому ямайскаго, которую онъ и успѣваетъ въ одинъ визитъ, «ганцъ аккуратишъ». Ну, при этомъ, конечно и пріятели навѣщаютъ, играютъ въ карты, хотя и не безъ нѣкотораго стѣсненiя, такъ какъ всякiй шумъ и громкiе разговоры Готлибъ Христофоровичъ воспретилъ строжайшимъ образомъ. Въ городѣ межъ тѣмъ слухъ пошелъ, что бѣдный баши-бузукъ боленъ лежитъ, не вставая съ постели, страдаетъ... Кредиторы, разумѣется, тоже прослышали, являются одинъ за другимъ узнать о здоровьи, справиться, что̀ и какъ—деньщики, конечно, не допускаютъ ихъ: плохъ, молъ, не тревожьте. Шмульки и Карапетки только въ затылкахъ почесываютъ отъ раздумья: ну, какъ помретъ, не ровенъ часъ? Съ чѣмъ тогда останемся?.. Призадумались-таки сильно. На слѣдующiй день толкуютъ въ городѣ, что больному еще хуже стало—вонъ и сторы въ окнахъ спущены и соломки даже подсыпали передъ домомъ на улицѣ — шумъ-де чтобы не такъ безпокоилъ. Встрѣчаетъ Готлиба Христофоровича нашъ полковникъ, освѣдомляется обо мнѣ,—правда-ли, что болѣзнь такъ серьезна? Хочу, молъ, самъ навѣстить больнаго. А Готлибъ Христофоровичъ ему на это:—нѣтъ,—говоритъ,—полковникъ, не безпокойтесь; болѣзнь сама по себѣ вовсе не опасная—Morbus creditoris называется. Такою болѣзнью,—говоритъ,—дай Богъ и каждому захворать, съ тѣмъ, чтобы радикально вылечиться отъ затяжныхъ и хроническихъ beBitionis centesimarum и прочаго.

На третiй день утромъ я наконецъ, умираю. Подпудрили меня, чтобы поблѣднѣе казался, подъ глазами жженою пробкой темные круги вывели, положили на столъ, покрыли всего простынею и на лицо набросили особую кисейку, а то неравно муха на носъ сядетъ, усами пошевелишь—и весь эффектъ ни къ чорту! Притащили даже изъ госпитальной покойницкой три канделябра съ восковыми свѣчами и поставили вокругъ меня по порядку, какъ слѣдуетъ; зеркало бѣлою салфеткой завѣсили, въ комнатѣ ладономъ покурили; сожители по очереди псалтирь надо мною читаютъ. Вотъ и

другъ полиціймейстеръ пріѣхалъ, а что до кредиторовъ, то ихъ и извѣщать не потребовалось: сами нагрянули, чуть лишь прослышали, что скончался... Стоятъ съ кислыми рожами въ прихожей, да заглядываютъ въ полураскрытую дверь:—вишь, молъ, аспидъ, околѣлъ и не расплатился... Пропали блестящія, лакомыя надежды на десять тысячъ!.. А я лежу, не шелохнусь и только думаю себѣ:—Господи, что-же это будетъ, если мнѣ теперь вдругъ чихнуть захочется?.. Между тѣмъ, слышу, полиціймейстеръ зоветъ кредиторовъ въ комнату...

— Вы, говоритъ, братцы, зачѣмъ это сюда пожаловали? Покойнику поклониться? Что-жъ, поклонитесь, дѣло хорошее. Жаль бѣднаго, такъ неожиданно умеръ и ничего, говорятъ, не осталось, кромѣ платья носильнаго, да сѣдельнаго прибора... Немного же вамъ въ разверстку-то придется!

У тѣхъ рожи-то еще больше вытянулись.

— Какъ?—возражаютъ ему:—а три-то тысячи?

— Какія такія?

— А тѣ, что съ интенданта выигралъ? Мы вѣдь слышали!

— Мало ли какіе слухи бываютъ! Выигралъ-то можетъ быть не онъ, а я, или его сожители и мы же хотѣли за него расплатиться, но... сами вы тогда не пожелали. Теперь на себя пеняйте!

Взмолились къ нему всѣ Шмульки и Карапетки, нельзя ли-де какъ нибудь на трехъ тысячахъ покончить? Мы-де согласны и никакихъ болѣе претензій имѣть не будемъ; вотъ и векселя, нельзя ли кончать поскорѣе, хоть сію минуту, не доводя дѣла до описи и полицейско-судейской процедуры?

— Я ужъ тутъ, братцы, самъ ничего не могу!—возражаетъ имъ полиціймейстеръ:—развѣ что вотъ оба сожители покойнаго пожелаютъ какъ нибудь кончить съ вами... Вы уже теперь ихъ просите, а я не причемъ!

Тѣ чуть не въ ноги моимъ сожителямъ, благодѣтелями называютъ, плачутъ, воздыхаютъ. А я лежу-себѣ неподвижно: бровью не моргну и только думаю, какъ бы не расхохотаться!..

Покончили, наконецъ, на трехъ тысячахъ; деньги—съ рукъ на руки; векселя всѣ до единаго получили, торжественно разорвали, уничтожили, затѣмъ выпроводили изъ дому всѣхъ Шмулекъ и Каспарокъ съ Карапетками—и я воскресъ!

На другой день былъ какой-то праздникъ; вечеромъ на бульварѣ музыка играетъ, гуляньe, народу пропасть, и я тоже присутствую, къ несказанному общему изумленію! Поздравляютъ меня всѣ съ воскресеніемъ изъ мертвыхъ,—«вотъ, говорятъ и раньше втораго пришествія сподобились», разспрашива-

ютъ, хорошо ли на томъ свѣтѣ, а кредиторы—Боже мой! если-бы только можно было изобразить ихъ отчаяніе и злобу!..

— Ну, говорятъ,—больше мы вамъ ни одной копѣйки не повѣримъ!

— И отлично, голубчики сдѣлаете!—отвѣчаю имъ:—лучше поблагодаримъ другъ друга за науку; а что до меня, то я ужъ, конечно, ни зачѣмъ къ вамъ не обращуся!

И такимъ-то образомъ съ тѣхъ самыхъ поръ я твердо рѣшилъ себѣ не дѣлать больше никакихъ долговъ, иначе какъ у пріятелей на честное слово, ради маленькой перехватки; но векселей, росписокъ—никакихъ и никогда! Маленькая перехватка у пріятеля—это ничего, это совсѣмъ другое дѣло: нѣсколько рублей никогда не разорятъ. Будутъ у меня деньги—отдамъ, не будутъ—съ меня не взыщутъ, простятъ, забудутъ по-пріятельству. Не такъ ли? И вотъ, потому-то собственно, при выходѣ въ отставку, я и распродалъ все, что было у меня излишняго, дабы не обременять себя впредь ни долгами, ни имуществомъ! Однимъ словомъ, — omnia mea mecum porto—и счастливъ.

Имѣлъ баши-бузукъ слабость не только говорить стишками, но и сочинять стишки, окончательно неудобные для печати. Изъ всѣхъ его собственныхъ произведеній цензура благопристойности можетъ пропустить только одно четверостишіе—надгробную эпитафію, сочиненную имъ самому себѣ:

Подъ камнемъ симъ лежитъ баши-бузукъ.
Не много зналъ онъ въ жизни сей наукъ,
За то умѣлъ въ бою съ врагомъ рубиться
И въ каждый часъ съ пріятелемъ напиться.

Разъ какъ-то заговорилъ онъ о смерти и упомянулъ о своемъ духовномъ завѣщаніи. При этомъ мы всѣ невольнымъ образомъ разсмѣялись:—Какое-жъ у тебя можетъ быть духовное завѣщаніе!?

— Какъ «какое»!?—Самое настоящее! И я всегда имѣю его, на случай смерти, при себѣ; ношу вмѣстѣ съ указомъ объ отставкѣ, въ боковомъ карманѣ. Не вѣрите?—Показать могу сію минуту.

И, вынувъ изъ потертаго конверта форменно-сложенный листъ бумаги, онъ прочелъ намъ слѣдующее:

«Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Находясь въ здравомъ разумѣ и совершенно полной памяти, завѣщаю послѣднюю мою волю и прошу всѣхъ моихъ друзей не поми-

нать меня лихомъ. Друзей-же моихъ того полка, въ которомъ постигнетъ меня смерть, усерднѣйше прошу оказать мнѣ послѣднюю услугу—похоронить меня на общій ихъ счетъ, по христіанскому восточно-православному обряду. Драгоцѣнное боевое оружіе мое: Базалаевскій кинжалъ и шашку завѣщаю тому изъ хоронившихъ меня друзей, кому вещи сіи достанутся по жребію, кинутому въ общемъ друзей моихъ присутствіи. Носильное-же мое платье раздать, на поминъ грѣшной души моей, нищимъ, однимъ изъ конхъ и самъ я весь вѣкъ мой странствовалъ въ мірѣ».

Завѣщаніе это было за надлежащими подписями одного изъ полковыхъ священниковъ и двухъ друзей-свидѣтелей. Приведено ли оно въ исполненіе, или же баши-бузукъ и доднесь еще странствуетъ по полкамъ—не знаю. Я давно уже потерялъ его изъ виду.

IV.

Гасшпидинъ Элькесъ.

Этотъ былъ самый шельмоватый изъ всѣхъ нашихъ приживалокъ. Но не смотря на шельмоватость, вообще присущую еврейской рассѣ, онъ былъ достолюбезенъ намъ многими своими личными качествами, да и самая шельмоватость его вовсе не носила въ себѣ откалкивающаго характера; иногда онъ даже «утѣшалъ» насъ ею, ибо съ этимъ его качествомъ нерѣдко сочеталась нѣкоторая доля своеобразнаго еврейскаго остроумія.

Пока полкъ стоялъ въ Тверской губерніи, въ немъ и понятія не имѣли о томъ, что́ такое еврей Западнаго края; за то со всею прелестью еврея во всей ея неприкосновенности пришлось познакомиться съ перваго же часа, даже съ перваго шага при вступленіи нашемъ на гродненскую почву. Здѣсь однимъ изъ первыхъ явился и тотчасъ же прикомандировалъ себя къ офицерамъ гасшпидинъ Элькесъ, который сразу заявилъ, что онъ «первилегированный» портной и можетъ шить

«изъ увсшякаво ко́рту увсшякаво кисштюмъ», а также кро-ить пороть и штопать, и «зновъ по новому зе сштараво перевертáть изъ полнымъ раставрацiумъ, надзвычайне же вуляньски колеты, штыблеты, зжакэты и зжалеты»; можетъ притомъ доставлять всякія офицерскія вещи: «апалеты, атышкеты, шапки въ папкѣ, пегхóны, претапéи и прочаго причандалу», равно какъ «вина, ликвóры, розмаите и щигарке контрабандóвы»,—словомъ, оказался человѣкомъ вполнѣ необходимымъ, въ особенности на первое время.

Много являлось къ намъ подобныхъ-же предлагателей всевозможныхъ услугъ, но Элькесъ какими-то судьбами ухитрился всѣмъ имъ перебить дорогу и въ ряду ихъ занять при полку первое мѣсто. Онъ какъ-бы наложилъ на нашъ полкъ своего рода эмбарго, или запрещеніе, какъ-бы объявилъ его своею собственностію, исключительнымъ предметомъ своей эксплуатаціи и обработки. Конкуренція ему явилась только со стороны мадамъ Хайки, и конкуренція настолько сильная, что съ нею, какъ ни бился гасшпидинъ Элькесъ, а ничего не могъ подѣлать и, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ силою обстоятельствъ признать за Хайкой всѣ права относительно поставокъ нѣкоторыхъ вещей, необходимыхъ въ офицерскомъ обиходѣ. Такимъ образовъ, отъ Элькеса отошли всѣ операціи по части снабженія насъ винами, чаемъ, сахаромъ, стеариновыми свѣчами, готовымъ бѣльемъ и папиросами; за то всѣдѣло удержалось за нимъ все, касавшееся портняжнаго искусства и снабженія офицерскими форменными вещами. И онъ не остался въ накладѣ. Послѣ похода у каждаго нашлось кое-что для починки и передѣлки изъ носильнаго платья, и всею этою работою завладѣлъ Элькесъ настолько, что даже обижался искренно и горько, если кто-нибудь изъ насъ случайно отдавалъ какую-либо починку въ постороннія руки. Сверхъ ожиданій, онъ оказался весьма порядочнымъ мастеромъ своего дѣла, такъ что многіе стали заказывать ему даже и новыя вещи. Это, конечно, еще болѣе упрочило его положеніе въ качествѣ полковаго портнаго, и онъ сталъ добиваться—нельзя-ли какими ни на-есть судьбами объявить о его привилегированномъ положеніи въ полковомъ приказѣ—«бо натогхда увсшѣ вже будутъ зжнать, каково я естъ персóну»,—но, не добившись такого оффиціальнаго признанія своихъ преимуществъ, ограничился тѣмъ, что устроилъ себѣ новую вывѣску, съ надписью: «Привилегированный полковой портной» и съ изображеніемъ уланскаго колета, вмѣсто прежней, гдѣ значилось просто «военный и пратыкулярный».

Мало-по-малу онъ усвоилъ себѣ положеніе, въ нѣкоторомъ

родѣ, непремѣннаго члена полка и настойчиво сталъ появляться и присутствовать при всѣхъ оффиціальныхъ и общественныхъ отправленіяхъ его жизни: на смотрахъ и парадахъ, на молебствіяхъ при торжественныхъ случаяхъ, на полковыхъ и эскадронныхъ праздникахъ, на офицерскихъ пирушкахъ и пикникахъ, на полковыхъ ученьяхъ и большихъ маневрахъ, при пріѣздѣ и отъѣздѣ разнаго начальства и т. п., и присутствовалъ при всемъ этомъ, конечно, добровольно, въ качествѣ «первилегированнаго портнаго», со всѣми своими атрибутами въ сумкѣ: иглами, нитками, ножницами, воскомъ и наперстками,—«зававо сшто, езжели увъ когхо зъ гасшподъ афицерувъ одервіётся пуговка, альбо сштрамесшка, то жебы заразъ мозжна било починка издѣлать».

Поэтому всѣ уже и привыкли видѣть Элькеса вѣчно торчащимъ и трущимся то на плацу, то въ чьей-либо прихожей, въ канцеляріи, на конюшняхъ, около кухни, около деньщиковъ и музыкантовъ, — и никто не находилъ этого страннымъ, ибо онъ уже разъ навсегда завоевалъ себѣ такое «первилегированное» положеніе. Выходя на плацъ, въ случаѣ если предвидѣлось продолжительное ученіе или большой смотръ, Элькесъ, кромѣ необходимыхъ «причандаловъ» портняжнаго искусства, всегда приносилъ съ собою узелокъ или плетеную корзинку, наполненную бутылками зельтерской воды, водкой, бубликами, швейцарскимъ сыромъ и апельсинами или яблоками. Съ этою ношею онъ таскался позади фронта и любезно предлагалъ офицерамъ «засвѣжиться» и «закрѣпиться» изъ его плетеной корзины. И не думайте, чтобы онъ дѣлалъ это ради «гешефта», за деньги, — нѣтъ, гасшпидинъ Элькесъ не продавалъ, а угощалъ, изъ одной лишь любезности, «зававо сшто я сшвой, полковой, первилегированный».

Главнѣйшею страстью гасшпидина Элькеса было все знать, все видѣть, все слышать, вездѣ самолично присутствовать. Онъ нерѣдко замѣнялъ намъ общественно-политическую газету. Каждое утро обтекалъ онъ поочередно всѣхъ наличныхъ офицеровъ, сообщая имъ всевозможныя новости дня. Чуть лишь успѣешь проснуться, а въ особенности, если это въ праздничный день, когда не надо идти ни въ манежъ, ни на ученье,—глядь, гасшпидинъ Элькесъ уже тутъ, какъ тутъ! Входитъ въ комнату, поздравляетъ съ добрымъ утромъ, «зъ празжникумъ», освѣдомляется, нѣтъ-ли «каково починку», и затѣмъ, почтительно ставъ у притолоки, начинаетъ выкладывать «сшамаво пасшлѣдниво новасштю», вродѣ того, что ка́къ Лейба Пико́веръ понадулъ Сруля Мако́веръ; какъ «ма-

дамъ прекарориа» побранилась вчера на гуляньи «за молодова маравая сшудья зъ пачмайсштерсшомъ»; какъ у маіора Джаксона сегодня въ ночь кобылица ожеребилась; какъ князь Черемисовъ, въ знакъ своего благоволенія къ Хаиму Абрамзону, написалъ ему на себя, ни за что ни про что, вексель во сто рублей, какъ играли вчера на театрѣ и сколь была хороша актриса Эльсинорская, къ которой даже самъ гасшпидинъ Элькесъ питалъ бурную, но платоническую страсть. И выкладываетъ онъ всѣ эти новости, пока не прикажешь дать ему рюмку водки и не прогонишь милостиво къ черту,—надоѣлъ, молъ, приходи завтра! Но иногда онъ дѣйствительно, Богъ вѣсть какими путями, умѣлъ заблаговременно пронюхивать и весьма серьезныя новости. Такъ, напримѣръ,—помню я,—въ лѣто 1870 года, дня два спустя послѣ смотра, сдѣланнаго Государемъ Императоромъ гродненскому отряду, на пути изъ-за границы, гасшпидинъ Элькесъ серьёзно объявляетъ, что на дняхъ будетъ война.

— Какая война? Откуда тебѣ война почудилась? Съ кѣмъ война?

— Н-ну, отъ, посшматритю! Фрынцозъ изъ пруссомъ ваювать будутъ—сшкора, очинъ дазже даволна сшкора!

Въ то время мы всѣ смѣялись надъ прорицаніями Элькеса, но не прошло и двухъ недѣль, какъ телеграфъ, дѣйствительно, принесъ вѣсть о разрывѣ между Пруссіею и Франціею.

И надо было видѣть тогда торжество нашего Элькеса.

— А сшто?!.. А сшто, не гхаворилъ я?.. га?.. Когхда-зжъ не правда вiйшло? Когхда-зжъ не па мбему?... га?..

Мы только руками разводили.

— Да откуда-жъ ты все это могъ знать заранѣе?

— Ага!.. Ми взже знаимъ!.. Мы увсше знаимъ, бо увъ насъ есть сшваво почта пантуфлёва — еврейсшкаво почту, такъ сшамо-змъ, якъ и талиграфъ. Зъ Липську *) зжпаимъ, зъ барлинсшкаво бирзжу зжпаимъ,—на то ми и евреи, жебы увсше зжнали заранышъ!

Элькесу было уже лѣтъ подъ-сорокъ, когда онъ присталъ къ нашему полку въ качествѣ своеобразной полковой приживалки, и замѣчательно, что въ такомъ солидномъ возрастѣ онъ довольно быстро выучился не только читать, но даже и нѣсколько писать по-русски. При этомъ, любя слѣдить за «палытика», онъ постоянно уносилъ у насъ старыя газеты;

*) Изъ Лейпцига.

новѣйшія же политическія извѣстія, какъ уже сказано, зналъ иногда и раньше газетъ, при посредствѣ почты пантуфлёвой. Съ теченіемъ времени этотъ человѣкъ такъ сжился съ полкомъ, что, подобно донъ-Сезарѣ-де-Базану, составилъ собою нѣчто въ родѣ необходимой полковой принадлежности и даже самую наружность свою перекроилъ нѣсколько на военный ладъ: ухорски сталъ заламывать набекрень шапку, закручивать кверху усы и подстригать рыжую бороду,—дескать, знай нашихъ! «Мы тозже въ вулянагхъ сшлюзжимъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что онъ былъ хотя и шельмоватый, но, въ сущности, хорошій жидъ и по натурѣ своей довольно благодушный, готовый на услугу, часто вполнѣ безкорыстную, не говоря уже о всегдашней готовности сшить въ кредитъ сюртукъ или доставить офицерскія вещи. Кромѣ того, Элькесъ былъ человѣкъ не лишенный нѣкоторато своеобразнаго остроумія.

Еще въ тѣ времена, когда носилъ офицерамъ «щигарке и розманте напиткe», доставилъ онъ однажды такую мерзкую кислятину бѣлостокской фабрикаціи, за которую былъ обруганъ и названъ мошенникомъ. Элькесъ очень обидѣлся и въ оправданіе свое повелъ такую рацею:

— Ви гхавóритю, мишельникъ. Ну, гхарашьо. А когхда двохъ каралёвъ óдинъ дрýгій надуваитъ, сшто это естъ называетсе?—Палытика?—Такъ. И когхда двохъ министрувъ óдинъ дрýгій надуваетъ, сшто это естъ называетсе?—Дыпліомáтыя. Ну, и когхда двохъ энгиралъ óдинъ дрýгій надуваитъ, то ми гхавóримъ, сшто это естъ сштратегія. Гхарашьо. Такъ само-зжъ и двохъ кипцовъ óдинъ дрýгій надуваитъ, а ми увсшѣ зжнаимъ, сшто то естъ кимерція. Такъ. Н-ну, а когхда однаво бѣдный еврей на двохъ-шпалавиномъ кипэйкувъ будитъ васъ надувайтъ, сшто это естъ называетсе? га? — Машенство, мазурство, абманство!—Ой вай-вай! То таково правду на сшвѣту!

У этого человѣка была совсѣмъ особенная, своеобразная и притомъ типично-еврейская складка ума и мышленія, въ чемъ собственно и выражалась наибольшимъ образомъ его шельмоватость. Такъ, напримѣръ, подарилъ ему кто-то басни Крылова; онѣ ему чрезвычайно понравились, и онъ нерѣдко цитировалъ ихъ стихи въ разговорѣ, а нѣкоторыя, наиболѣе имъ излюбленныя, передавалъ даже напзустъ, но совершенно по свóему, подкладывая подъ нихъ свой собственный жидовско-философическій смыслъ. Въ особенности любилъ онъ басню «Пѣтухъ и жемчужное зерно», которую передавалъ такимъ образомъ:

Навозжну кунчу разжрывая,
Пьятугхъ зжнагхо́дилъ разъ зжамчузжнаво зжярно
И гхавдритъ: «Ф—фэ! каково вѣщъ пусштая!
Сшкудова оно и нацо минѣ оно?

Изъ таво сшлѣдуваитъ нравывшенью, сшто тенъ сша́ми гасшпидинъ пьятугхъ билъ балшой дуракъ.

Могъ ли кто, кромѣ истаго еврея, усвоить и передѣлать смыслъ этой басни подобнымъ образомъ!

Но, бывало, когда онъ особенно уже расходится, почувствовавъ себя насчетъ басенъ въ истинномъ и большомъ ударѣ, да если еще при этомъ пристанутъ къ нему офицеры—разскажи, дескать, самую завѣтную,—то гасшпидинъ Элькесъ начиналъ обыкновенно разсказывать про то, какъ «сшланы сшланяютъ», и изображалъ это такъ:

«По улицу сшланы сшланяли, какъ бидто на пеказъ, а мозже и до предазжи. Зжвѣстно, сшто сшланы сшланять естъ диковинка увъ насъ. И зжа тыми сшланами по улицу голии зжѣвакувъ гхадили. Гхарасшьо. Хай будитъ такъ. И увдругхъ, сшкудова ни увзжялсе сшпадъ-якогось-то сшъ надваротню Мошка (изъ насшихъ). И якъ забачилъ Мошка, сшто издѣсъ по улицу сшланы сшланяютъ, — онъ и ну лаятьсе, и ругаетсе изъ увсшякимъ га́лласъ, изъ увсшякимъ ре́йвахъ.— Сшкандалъ!.. И увдругхъ виходитъ на увстрѣчь е́му Гершко Шавкинъ, почтивый человѣкъ, и тозже зъ насшихъ. И якъ забачилъ Шавкинъ, сшто Мошка издѣлалъ такова сшкандалъ, онъ ёму и гхаво́ритъ: «Ай, Мошка, Мошка! И когхда-зжъ гибѣ не сштидно?» — Ну, а сшто минѣ будитъ сштидно?!— «Ш-ша!.. Сшто тибѣ будитъ сштидно? Сшто тибѣ будитъ сштидно!?! Сшволачъ!.. Тибѣ не сштидно, сшто ти издѣлалъ гакова сшкандалъ, когхда издѣсъ по улицу сшланы сшланяютъ!» — А Мошка ему на то: «Зжвините! Ми за тово за сша́мово и ла́имсе, и ругаемсе, сшто увсшякій, гхто насъ ни забачитъ, будитъ напатомъ сшибѣ гхаво́ритъ: «Ай, Мошка! Зжнатный Мошка! И якій онъ сшильный, и якій онъ гхрабрій, и безъ драку пападалъ на балсшова зжабіяку, издѣлалъ та́ки галласъ, та́ки ре́йвахъ, та̀ки сшкандалъ, когхда издѣсъ по улицу сшланы сшланяютъ, азжъ при сшамомъ гасшпидинъ палачмейстеръ!» — Нравывшенью: гхто зъ васъ, господа, гхочитъ битъ та̀ки сшильный и та́ки гхрабрый, якъ Мошка зъ насшихъ, хай тотъ толке сшибѣ лаитсе и ругаитсе изъ увсшякимъ сшкандалъ на таво сшамаво времю, якъ по улицу сшланы сшланяютъ, какъ бидто на пеказъ, а мозже и до предазжи».

И, разсказывая подобнымъ образомъ Крыловскія басни.

Элькесъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что у Крылова смыслъ каждой басни точно таковъ, какъ въ его передачѣ—«толке зжвините, я-зжъ не могу сшліово увъ сшліово, а я, конечне, передаю вамъ зе сшваями сшлявами».

Но въ особенности—помню я—эта шельмоватая складка и смѣтка его ума сказалась однажды при слѣдующемъ случаѣ.

Въ утро одного изъ іюньскихъ дней 1872 года почти все наличное офицерство драгунской и уланской бригадъ 7-й кавалерійской дивизіи, собранныхъ на кампаментъ при Гроднѣ, отправлялось въ Вильну, для празднованія юбилея 50-ти-лѣтней службы въ офицерскихъ чинахъ почтеннаго начальника этой дивизіи, генералъ-лейтенанта П. А. Курдюмова.

Гасшпидинъ Элькесъ, разумѣется, былъ съ нами, пристроясь всѣми правдами и неправдами гдѣ-то въ III-мъ классѣ, потому что безъ него, какъ говорится поговорка, и вода не освятится.

Выѣхали мы рано, часу въ седьмомъ, съ пассажирскимъ поѣздомъ, и около десяти часовъ утра были на станціи Ландварово—послѣдней передъ Вильною. На полупути между этими двумя пунктами есть туннель, гдѣ поѣздъ проходитъ около полуторы минуты въ полнѣйшей темнотѣ, такъ какъ, въ виду кратковременности подземнаго движенія, огонь въ вагонахъ не зажигаютъ. Въ Ландваровѣ поѣздъ стоитъ минутъ пять, не болѣе, и такъ какъ на станціи существуетъ буфетъ, то, конечно, туда и направилось большинство офицерства—кто ради кружки пива, кто для бутылки содовой воды, потому что яркое солнце уже пекло самымъ исправнымъ образомъ и въ вагонахъ было душно.

Вышелъ въ буфетъ, въ числѣ прочихъ, и поручикъ Тарченко. Это былъ добрый вѣтрогонъ, большой руки школьникъ, всегда веселый и очень изобрѣтательный на разныя «смѣшныя штуки», нерѣдко весьма остроумныя. Между прочимъ, онъ въ совершенствѣ умѣлъ подражать мѣстному еврейскому жаргону и поддѣлываться подъ чужіе голоса. Бывало, если въ трактирѣ или въ полковомъ клубѣ вздумается ему неожиданно представить изъ другой компаніи кого-нибудь изъ начальства, то просто въ смущеніе приводитъ: не знаешь, Тарченко-ли это дурачится, или взаправду начальство пришло,—и офицерство, на всякій случай, начинаетъ застегиваться и подтягиваться.

Вышелъ онъ изъ буфета и сталъ въ нашей группѣ, на платформѣ, а какъ разъ напротивъ, въ цѣпи нашего поѣзда, стоитъ третьеклассный вагонъ, одно отдѣленіе котораго сплошь набито евреями.

На варшавской дорогѣ есть такіе вагоны, что дѣлятся на два большихъ отдѣленія, человѣкъ на двадцать каждое.

Стоитъ Тарченко съ папироской въ зубахъ, ехидно улыбаясь чему-то, и бормочетъ себѣ подъ носъ:

— Экая прелесть!

— Что такое? Въ чемъ видишь ты прелесть—спросилъ его кто-то.

— Да какъ-же! Взгляните, пожалуйста! Вотъ этотъ «маладова жидокъ», что сидитъ у окна «увъ неджакъ, изъ рузжовымъ карватѣлькемъ» и куритъ «сшваво щигарке» — «Богхъ мой!» съ какимъ достоинствомъ онъ ее куритъ, и вообще въ самомъ-то въ немъ сколько достоинства и какой «гонеръ...» Необычайно типиченъ и непремѣнно долженъ быть «цыбулизованный кимерсантъ...» Прелесть!... Люблю!.. Прохлаждается себѣ у окна «зе щигаркемъ» и вниманія не хочетъ обращать на тѣхъ остальныхъ лапсардыковъ.

Дѣйствительно, облокотясь на открытое окно и съ самодовольствіемъ пуская струйки дыма, сидѣлъ въ еврейскомъ отдѣленіи вагона чрезвычайно типичный жидокъ, лѣтъ тридцати, въ сѣромъ піджакѣ съ розовымъ галстукомъ и въ легкой шелковой фуражкѣ, которая, впрочемъ, какъ и всякая головная покрышка у евреевъ, неизбѣжно сбивалась на затылокъ.

— Хотите, господа, устрою съ нимъ потѣху? — вдругъ, словно-бы по внезапному вдохновенію, предложилъ Тарченко.

— Потѣху? А напримѣръ?

— Да ужъ это мое дѣло! Тамъ увидите... Пойдемъ къ нимъ въ вагонъ. Только чуръ!—влѣзай, братцы, всѣ гуртомъ, какъ разъ съ третьимъ звонкомъ, чтобы имъ некогда было жаловаться кондуктору на тѣсноту.

— Да вѣдь душно тамъ, чеснокомъ разитъ...

— Э, батюшка, на то и жидъ, чтобы разило. А душно—такъ и вездѣ вѣдь душно. За то потѣха будетъ! Только вотъ что, — предварилъ Тарченко: — кто-нибудь изъ васъ пускай сядетъ рядомъ съ этимъ самымъ жидкомъ, — коли вѣжливо попросить, такъ еврей всегда уступитъ мѣсто, — но непремѣнно рядомъ, и какъ въѣдемъ въ туннель, оставь между жидкомъ и собою чуточку мѣста,—на столько, чтобы мнѣ можно было лишь ногу поставить на скамейку. Въ этомъ пока и все дѣло.

Ударилъ третій звонокъ, и человѣкъ шесть офицеровъ поспѣшно направились къ еврейскому отдѣленію. Одинъ за другимъ, гурьбою, торопливо вскочили мы въ вагонъ; дверца

захлопнулась, раздался сигнальный свистокъ оберъ-кондуктора, и поѣздъ тронулся.

Набилось насъ теперь въ этомъ отдѣленіи, какъ сельдей въ боченкѣ. Впрочемъ, нѣсколько евреевъ потѣснились, такъ что рядомъ съ намѣченнымъ еврейчикомъ кое-какъ нашлось мѣстечко, гдѣ и усѣлся одинъ изъ офицеровъ, а остальные, вмѣстѣ съ Тарченкой, остались пока стоя. Изъ всѣхъ ближайшихъ къ намъ сыновъ Израиля одинъ лишь этотъ еврейчикъ-франтъ продолжалъ сидѣть неподвижно и безучастно у своего окошка; только поморщился, изображая на лицѣ непріятное для себя удивленіе, когда неожиданно привалила въ вагонъ наша ватага, — дескать, вотъ еще! Только этого новаго безпокойства не доставало! И зачѣмъ ихъ чертъ несетъ сюда?

Тарченко, въ накинутой на плечи легкой шинели, стоитъ избоченясь прямо передъ нимъ и спокойно докуриваетъ папироску. Докурилъ и вдругъ — хлопъ слегка по плечу еврея:

— Пусти-ка, любезный, меня сѣсть.

Еврей передернулся, «амбиціозно» повернулъ къ нему лицо, удивленно поднялъ брови и съ неудовольствіемъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Сшто такова?

— Сѣсть меня пусти, говорю.

— Зжвините, это маво мѣсшту.

— Да ты видишь, однако, что я стою!

— Н-ну, и сшто минѣ съ таво, чи ви сштаитю, чи не сштаитю, когхда я ймѣю сшваво балетъ?

— И я тоже имѣю билетъ. Ты уже сидѣлъ довольно, можешь и постоять.

— Зачиво я вамъ буду сштаять, когхда я гхочу сшидѣть?

— Затѣмъ, что я прошу тебя уступить мнѣ твое мѣсто.

— А когхда я во́всшю не гхочу всштупать!

— Не хочешь уступать, такъ я его займу и самъ, когда мнѣ вздумается.

— Н-ну, этаво ми ищо будимъ пасшматрѣть.

— А вотъ и посмотришь, какъ придетъ время.

— Этъ! — махнулъ еврейчикъ рукою: — асшта́втю мине, пизжалуста!

И онъ отвернулся къ окну и снова засосалъ свою сигарку.

Поѣздъ мчится все дальше и дальше. Еврейская публика, очевидно, заинтересованная неожиданно начавшимся объясне-

ніемъ, насторожила глаза и уши, ждетъ, что́ будетъ и чѣмъ кончится. Проходитъ еще минутъ пять. Евреи, однако, видятъ, что дальнѣйшаго продолженія исторіи нѣтъ, и потому, мало-по-малу, начинаютъ отвлекать свое вниманіе на другіе предметы и возвращаться къ своимъ прежнимъ, на минуту прерваннымъ было, разговорамъ.

— Однако, любезный, пусти-же меня сѣсть, наконецъ!— снова начинаетъ Тарченко.

Еврейчикъ настойчиво продолжаетъ смотрѣть въ окошко и, куря, показываетъ видъ, будто вовсе не замѣчаетъ обращенной къ нему фразы.

— Слышишь-ли? тебѣ говорятъ! Я сѣсть хочу!—уже нѣсколько настойчивѣе продолжаетъ Тарченко.

Еврей усиленно старается показать видъ, что не обращаетъ на него вниманія. Тарченко снова дотрогивается слегка до его плеча.

— Н-ну, и сшто ви до мине чапляетесь! — съ досадой огрызнулся тотъ, наконецъ-то поворотивъ голову:—Я взже сшказалъ маво рѣшенью и болшъ не жжелаю!

— Да вѣдь ты видишь, что офицеръ стоитъ, ты-бы изъ вѣжливости...

— Сшто минѣ съ таво, сшто афицеръ! Жжвините, я и сшамъ сшибѣ таково жже афицеръ... Я пассажиръ... Я сшамъ кипецъ на второва гильдію зъ Бялысштокъ... Ми тозже жжинямъ перадокъ!... И когхда ви гхо́четю до мине чаплатьсе, я буду претесштовать... Я претесштую... Жжвините, я претесштую... Я буду, накынецъ, кандыкто́ръ жжвать!

— И я позову кондуктора.

— Я буду писшать увъ жжалобнаво кнышка!

— И я въ жалобную книгу напишу. Такъ и напишу, что такой-то купецъ заставилъ меня простоять предъ собою цѣлую станцію. Вотъ и будемъ вмѣстѣ писать—ты свое, а я свое. Я тебѣ скажу мою фамилію, а ты мнѣ свою скажи,— познакомимся кстати.

— Жжвините! Сшто́ ви минѣ увсше «ти» да «ти»!.. Минѣ ищо ни гхто увъ сшвѣту «ти» не гхавбрилъ... Минѣ сшамъ палацмайсштеръ увъ Бялысштокъ «ти» не гхаворитъ, сшамъ гибернàтыръ не гхаворитъ... Жжвините! Ми айнѣмъ сшваво бакалейна ляфка, и насъ очинъ дажже даволна жжинаютъ.

И еврей съ гордо недовольнымъ видомъ опять отворачивается къ окошку.

Остальная публика снова насторожила уши и начинаетъ шушукаться между собою. Замѣтно, что она очень недо-

вольна и осторожно, искоса посматриваетъ на офицеровъ. Между тѣмъ амбиціозный еврейчикъ, дабы показать, что онъ окончательно ни на кого и ни на что не обращаетъ вниманія, принимается, глядя въ окошко, напѣвать въ полголоса:

— Толке сштанитъ сшмаркатьсе немнозжка,
Буду зждать, не дригнетъ-ли увъ зжванокъ...

— Господинъ купецъ, я вамъ буду говорить «вы», только пустите меня на ваше мѣсто.

Тотъ продолжаетъ, словно-бы и не слышитъ:

— Пригхади, маво милый акрошка,
Пригхади, пасшиди вечерокъ.

— Господинъ купецъ второй гильдіи! Я вамъ предлагаю очень выгодное условіе...

— И я сштану тусшить на зжеркалу сшвѣчу,
Увъ каминъ много дро́ви сшпалю.

— Но, наконецъ, чертъ возьми, это мнѣ надоѣдать начинаетъ!

— И я сштану сшлюсшить васшово пріятнаго разжговору,
Бизъ каторано я просшта зжить не въ спасштаяньо!

Какъ разъ въ эту самую минуту поѣздъ влетаетъ въ тунель. Тарченко, пока еще есть слабый отблескъ дневнаго свѣта, спѣшно ставитъ правую ногу на скамейку между поющимъ еврейчикомъ и его сосѣдомъ-офицеромъ, а затѣмъ черезъ мгновеніе насъ окончательно облекаетъ тьма кромѣшная, въ которой, какъ ни напрягай зрѣніе, ровно ничего неувидишь.

— Такъ ты не хочешь, чертъ возьми, уступить мнѣ мѣсто?!—вдругъ раздается громко и грозно въ этой тьмѣ голосъ Тарченки, заглушающій грохотъ поѣзда:—Не хочешь?... Не хочешь?!.. Ну, такъ вотъ-же тебѣ!

И вмѣстѣ съ этимъ словомъ рѣзко раздается звукъ, поразительно похожій на пощечину, вслѣдъ за которымъ въ тотъ-же мигъ слышится совершенно еврейскій крикъ, напоминающій голосъ амбиціознаго еврейчика:

— Уй!... Вай-миръ!... Сшто таково!?.. Зачиво?!

Хлясть!—раздается вторично звукъ пощечины, и за нимъ вѣрно слѣдуетъ рядъ подобныхъ-же ударовъ. Го́лоса Тарченки не слышать, но за то все громче и громче вслѣдъ за каждымъ ударомъ раздаются завывающіе, неистовые вопли и восклицанія еврейскаго голоса:

— Ой-вай! Ой-вай!.. Претесштую!.. Я не пазжволю!.. Я спецъ!.. Кандыкто́ръ!.. Кандыкто-о-о-ръ!!...

— Тарченко! Что ты дѣлаешь!... Безумный! Перестань,

ради Бога!—въ смятеніи и съ крикомъ бросились къ нему взволнованные товарищи, стараясь схватить его руки и оттащить отъ еврея, какъ вдругъ, къ удивленію, замѣчаютъ, что Тарченко преспокойно стоитъ на своемъ мѣстѣ и только звонко колотитъ ладонями по колѣну своей собственной ноги, поставленной на скамейку, причемъ самъ-же испускаетъ всѣ эти вопли, въ совершенствѣ перенявъ не только произношеніе, но даже самый звукъ, самый характеръ голоса именно того еврея, что сидѣлъ у окошка. При этой мистификаціи мы всѣ разразились невольнымъ хохотомъ, а между тѣмъ въ кромѣшной тьмѣ вагона раздаются все тѣ-же вопли:

— Кандыкто́ръ!.. Кандыкто́ръ!.. Ой, аброхъ цу миръ!.. Гевалтъ! Гевалтъ!.. Каравулъ!.. Ратуйце, пано́ве! Ратуйце!.. Каравулъ!!

Но вотъ поѣздъ вылетѣлъ изъ туннеля, и вагонъ моментально наполнился яркимъ свѣтомъ солнечнаго утра. Стоитъ нашъ Тарченко, какъ и прежде, избоченясь предъ еврейчикомъ, а еврейчикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ смотрѣть въ окно, любуясь на окружающую природу и преспокойнѣйшимъ образомъ потягиваетъ «сшваво щигарке».

Но тутъ все, что́ было въ вагонѣ еврейскаго, все это въ ужасѣ нѣмаго негодованія поднялось съ мѣстъ и, любопытно вытянувъ впередъ свои шеи, носы и лица, устремило взоры выпученныхъ глазъ на амбиціознаго жидка и на нашего Тарченку. Между этими всѣми Гершками, Ицками, Шмулями. Шліомами, Боруxами и Лайзерами пошелъ глухой совѣщательный «гамласъ», ропотъ смущенія и негодованія; а бѣлостокскій еврейчикъ, какъ будто не замѣчая всей этой сенсаціи въ средѣ своихъ единоплеменниковъ, преспокойно продолжаетъ наслаждаться воздухомъ и «щигаркемъ». Наконецъ, одинъ изъ евреевъ, похрабрѣе и поавторитетнѣе прочихъ, перегибается корпусомъ чрезъ высокую спинку скамейки и обращается къ «потерпѣвшему» съ запросомъ:

— Мойше! Чи тибе зжбили?

— Якъ-то?—отрывается еврейчикъ отъ окошка, съ недоумѣніемъ похлопывая глазами, словно бы и не понимаетъ, о чемъ его спрашиваютъ.

— Я кажу, тибе зжбили?—вразумительнѣе и настойчивѣе повторяетъ вопрошающій,—дескать ты пойми, какъ важенъ съ твоей стороны утвердительный отвѣтъ и что́ изъ него воспослѣдуетъ.

— Мине?!—отрицательно подымаетъ Мойша къ лицу свои руки:—Мине?!.. Пфесъ! Гхто мине зжбилъ?

— Якъ-то гхто? Зжвѣстно гхто! Афицеры тибе зжбили!

— Афицеры?.. Мине??.. Пфссъ!.. Альбо-зжъ я вѣмъ?.. То, мозже, они сшами мендзы-собон' билисе!.. Сшто я зжнаю!

— Якъ мендзы-собон'?.. Якъ-то мендзы-собон'?!—вдругъ загалдѣло уже нѣсколько еврейскихъ голосовъ:—когхда-зжъ ми не сшлюшили зе сшиваими угха́ми?.. Мендзы-собон' билисе, а по еврейсшку кршѝчали!.. Уй, какова пасшкудства!.. Тибе зжбили, а ти сшамъ засштупаешьсе! А ищо кипецъ!.. Сшволачъ ти, сшволачъ, а не кипецъ!

— Гхто сшволачъ?—взбѣленился и вскочилъ, какъ ошпаренный, амбиціозный еврейчикъ:—Я сшволачъ?.. Вусъ загстъ ду денъ да-цу?.. Бинъ игхъ сшволачъ!? Ти мине сшмѣлъ при благороднымъ людямъ такова сшліова гхавóрить!.. Ширлатанъ! Пасшкудникъ!.. Сшамъ ти сшволачъ!

И между евреями горячо начинается взаимная перебранка, которая съ каждою минутою разгорается все больше и больше; голоса и мнѣнія раздѣлились: одни вступаются за Мойшу, а другіе, раздраженные такимъ заступничествомъ, еще съ бóльшимъ азартомъ нападаютъ и на Мойшу и на его сторонниковъ; жестикуляція и брань становятся все горячѣе, все порывистѣе, все оскорбительнѣе; слова со всѣхъ сторонъ трещатъ и сыплются, какъ горохъ,—того и гляди, вотъ-вотъ сейчасъ дѣло дойдетъ до взаимной баталіи между всполошившимися евреями... Офицеры остаются совершенно въ сторонѣ, совсѣмъ позабытые расходившимися сборщиками и молча созерцаютъ всю эту исторію. Поѣздъ, наконецъ, останавливается на Виленской станціи,—вагонная дверца растворяется, и всѣ эти почтенные Гершки, Шмульки, Шліомки, а съ ними и самъ Мойше, кубаремъ выкатываются на платформу, азартно сцѣпившись другъ съ другомъ: кто въ бороду, кто въ пейсы, кто за шиворотъ,—гвалтъ и галласъ между ними ужасный; навалились они всѣ другъ на друга въ одну общую кучу и барахтаются въ ней между собою, тузя одинъ другаго чѣмъ и какъ попало и уже не разбирая, кто за кого и кому отъ кого достается въ этой ожесточенной трепкѣ... Жандармы кидаются разнимать жидовскую свалку.

Тутъ же, откуда ни возьмись, и нашъ гасшпидинъ Эльгесъ: успѣлъ прибѣжать на шумъ изъ какого-то дальняго вагона и, проныривъ тыча свой носъ туда и сюда, допытываетъ у офицеровъ:

— Сшто такова? Сшто сшлючилосс?.. Какова дѣлу? Зачиво такова сшкандалъ?

— Ладно,—говорятъ ему:—узнаешь послѣ! Потомъ разскажемъ! Бѣги лучше, нанимай извозчиковъ, пока другіе не расхватали.

Пріѣзжаемъ въ Европейскую гостиницу, что на Нѣмецкой улицѣ, гдѣ надо было всѣмъ намъ поскорѣе переодѣться въ полную парадную форму, чтобы ѣхать на квартиру начальника дивизіи съ поздравленіемъ. Элькесу при этомъ, конечно, не мало работы: тому лягунку пригнать, этому этишкетъ укоротить, здѣсь подшить, тамъ приметать; но, не смотря на полныя руки работы, никакъ не можетъ онъ заняться своимъ дѣломъ какъ слѣдуетъ: все безпокоитъ его любопытство узнать, что такое случилось у евреевъ на платформѣ? изъ-за чего это они подняли между собою «такова балстова драку и гхто билъ найпервєшій и найбольшій жабіяку»?

Разсказали мы ему, наконецъ, въ чемъ дѣло и что за причина.

Элькесъ только головою тряхнулъ далеко не одобрительнымъ образомъ.

— Этаво и жначитъ, заувєшѣмъ вигходитъ по єшправедливосштю, єшто онъ досталъ єшибѣ такова тукманке! высказался наконецъ нашъ «первилегированный» портной:—бо такъ ему и надо!..

— Это почему «такъ надо»?—съ удивленіемъ спросили мы Элькеса.

— Бо онъ, жвините мине, а толке я такъ єшибѣ думаю, єшто онъ увъ єшамаво дѣлу не еврей, а єшволачъ. Бо кабъ онъ билъ правздивый еврей, онъ-би издѣлалъ не такъ!.. Нѣтъ! Онъ-би издѣлалъ заувєшѣмъ не такъ!

— А какъ-же, по твоему, слѣдовало ему сдѣлать? Какъ-бы ты самъ поступилъ на его мѣстѣ?

— Ого!.. Кабъ я билъ на его мѣсшту, я би... Тц!.. Я би, жвините, издѣлалъ от-такъ: якъ ты евреи єшпытали увъ мине: «Мойше, чи тибе жбили?» то я би адвѣчалъ: «Такъ; мине жбили». Н-ну, єшто напатомъ?.. Додумайтю, єшто напатомъ!.. Напатомъ зайчасъ палычія, жиндарми, претаколъ,— єштолке єшвидѣтеловъ, зайчасъ до маровая єшудья, зайчасъ цалый гисшторію, єшкандалъ, єшудъ, публичные разговоры, газжеты, карреєшпанденцы,— уй, вай! Хай имъ чортъ!.. Тутъ такова гисшторію, — а вамъ тымъ часомъ надо на юбалей, до началныкъ дывизіумъ, и тамъ-зже увсше началєшство, єшамъ энгиралъ-гибернатыръ, банкетъ изъ музикумъ, а у васъ издѣсъ такова єшкандалъ!.. Богхъ мой!.. Зачиво єшкандалъ? Затаво єшто Мойше сказалъ: «такъ; мине жбили». Н-ну, и сказжитъ минѣ єшами, па єшовѣстю: єшколке ви давали би минѣ адєштупнова, єшто би я толке осштавлялъ такова паєшкуднова гисторію, єшто би я замирилсе изъ вами? Когхда-жъ би ви не єшами увпрасшивали мине, єштобъ я билъ такій

добрый, та́кій велькодушній?!.. Га?.. Н-ну, и я би замирилсе изъ вами на пьятьсшотъ ру́бли!.. И ви би минѣ за́разъ атдавали тыхъ пьятсшотъ ру́бли, тай ищо гхавòрили би сшибѣ— сшлявы Богху, сшто толке пьятьсшотъ, а не цалаво тисшячу!.. От-то би билъ гхаросшій гешефтъ!.. И кабъ тенъ еврей издѣлалъ изъ вами такъ, то я би гхавòрилъ, сшто то есть правдзивый еврей, а тапе́рички я гхавòру, сшто то не еврей и не кипецъ, а сшволачъ!

— А вѣдь Элькесъ правъ, шельма!—невольно согласились мы между собою:—И догадайся тотъ жидокъ поступить такимъ образомъ,—хороши-бы мы были, ради юбилея!

— Дазже очинъ даволна гхаросши!—подтвердилъ торжествующій Элькесъ.

— Не радуйся, любезный! И тебѣ не сладко было бы, какъ на весь вашъ кагалъ пошла бы слава, что ты купецъ съ битою мордой.

— Зжвините, а гхдѣ сшиняки? Сшиняки ніѣту! И якъ толке би я заполу́чилъ одъ васъ тыхъ пьятьсшотъ ру́бли, я би за́разъ увсѣмъ адкрывалъ увесь закретъ, какъ било настоящаво дѣлу и каково гхаросшаго гешефту я сшибѣ издѣлалъ! Не даромъ-зже ви сшами гхавòритю, сшто маво таково тыту́лъ: «Гасшпидинъ Элькесъ—первилегированный портной-плутъ и кавалеръ зъ òрдена Шельмы»!

V.

Мадамъ Хайка.

Въ ряду сплуэтовъ разныхъ сыновъ и дщерей Израиля, мелькающихъ въ цѣпи моихъ воспоминаній, одинъ наиболѣе свѣтлый и симпатичный образъ встаетъ предо мною— при имени Хайки Пиковой. Это была добрая, хорошая, честная женщина. Миръ ея праху!

Хайка Цикова — старуха за пятьдесятъ лѣтъ, бездѣтная вдова прогорѣвшаго купца-обывателя Лейзера Пикъ — существовала лишь тѣмъ, что успѣвала заработать себѣ около нашихъ офицеровъ. Она поставляла намъ чай, сахаръ и вина, мыло, поло́тна, папиросы и т. п., и во всѣхъ своихъ постав-

кахъ постоянно была на столько добросовѣстна, что поневолѣ пріучила все наше офицерство обращаться исключительно къ себѣ за всѣми подобными требованіями. У нея не было своей собственной лавки; она забирала продукты своей «кимерціи» у другихъ торговцевъ; но ни одинъ изъ послѣднихъ не отважился-бы отпустить Хайкѣ на коммиссію плохой или залежалый товаръ, потому что Хайку ни на томъ, ни на другомъ не надуешь: сама купчихой была! А такъ какъ обороты торговцевъ съ полкомъ, т. е. собственно съ кружкомъ офицеровъ и юнкеровъ, происходили почти исключительно черезъ Хайку, то подсовывать ей плохой товаръ не было и разсчета: брать перестанетъ, къ другимъ обратится. И вотъ, такимъ-то образомъ, тотъ маленькій процентъ, который удѣляли ей съ одной стороны торговцы за коммиссію и съ другой — офицеры за кредитъ, составлялъ единственный источникъ ея существованія. Если гаспидину Елькесу пришлось уступить ей поле этого рода дѣятельности, то только потому, что Хайка побѣдила его своею безусловною честностію: продуктъ, какъ уже сказано, всегда у нея надлежащаго достоинства, цѣна настоящая, не дутая, и при этомъ никогда ни малѣйшей приписки въ счетахъ, не смотря на то, что иногда приходилось забирать у Хайки въ кредитъ по нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Но, сверхъ всего, наша Хайка отличалась и еще однимъ, чрезвычайно рѣдкимъ, почти неслыханнымъ (въ особенности между еврейками) достоинствомъ: она никогда не приставала и не надоѣдала съ требованіями уплаты по счетамъ.—«Зачэмъ?.. Увсіе равно, будутъ деньгувъ, будутъ запла́тить и Хайкѣ»!— И не было въ полку примѣра, чтобы у кого нибудь вышли съ Хайкой недоразумѣнія въ разсчетахъ, или чтобы Хайка осталась кѣмъ нибудь недовольна. Получитъ офицеръ жалованье, или деньги изъ дому,—первая уплата, конечно, Хайкѣ:— «На, молъ, мадамъ! За твое терпѣніе ты первая и получаешь»!

Подобно Элькесу, и она каждое утро обтекала офицерскія квартиры, но не ради сплетенъ и новостей, а единственно затѣмъ лишь, чтобы справиться, есть-ли еще у офицера табакъ или свѣчи и не нужно ли ему чего доставить? Впрочемъ, ея коммиссіонерскія услуги ограничивались только вышеисчисленными предметами офицерскаго обихода. Хайка вообще была женщина безукоризненно строгихъ нравственныхъ правилъ, и предложеніе всякихъ иныхъ услугъ, хотя бы даже въ родѣ того, чтобы свести офицера съ заимодавцемъ-процентщикомъ, считала недостойнымъ себя, своихъ лѣтъ и своего вдовьяго достоинства.

Вскорѣ мы всѣ такъ привыкли къ нашей старой Хайкѣ

что она тоже вошла въ циклъ полковыхъ приживалокъ, сроднилась со всѣми нашими интересами и стала, въ своемъ родѣ, полковою необходимостію. Поэтому она даже не безъ гордости заявляла, что тоже служитъ въ уланахъ, и что хотя на каждомъ «кимпаменту» ей неоднократно предлагаютъ посторонніе офицеры «перегхо̀дить увъ нэохо̀та, и увъ драго̀ны, и увъ артылеріумъ», но она всѣмъ родамъ оружія и всему офицерству на свѣтѣ предпочитаетъ «настихъ вуляновъ»,—«затаво што якъ я вже одъ разу начала сшлюзжить увъ вуляагхъ, то гхочу азжъ до смамово смертю увъ адинъ полкъ «сшиваться».

Нерѣдко она жаловалась на свою недужность, на то, что «стала вже сшлябо̀я на здаровью» и, вспоминая о близкой смерти, очень желала только одного: чтобы ее похоронили наши уланы,—непремѣнно уланы и непремѣнно «изъ мўзикумъ»,—«сштоби якъ понесутъ мине, то сштоби музика вуляньска грала марсшъ-фунѐбръ,—болшъ одъ таво я ничиво не жалаю!»—Въ томъ, чтобы быть похороненной съ музыкой, заключалась, кажись, единственная суетность, единственное честолюбіе Хайки.

Иногда офицеры дѣлали ей маленькіе сюрпризы и подарки. Ѣдетъ, напримѣръ, кто-нибудь въ отпускъ.

— Ну, мадамъ, какого тебѣ гостинцу привезти изъ Питера?

— Ой, благодару вамъ! Минѣ зжъ ничиво не надо!

— Да ты не стѣсняйся, говори прямо, чего желаешь?

— Н-ну, и сшто я зжнаю!.. Якъ ви вже такій добрый до мене, то первизить сшто зжнаитю. Я за увсшиво буду даволная.

— Ладно!.. Ожидай, значитъ, подарка.

И привезутъ ей, бывало, какой-нибудь шерстяной матеріи на платье, или сережки изъ оникса, или платокъ ковровый,—и Хайка просто на седьмомъ небѣ отъ восторга, потому что любила она и пофрантить, и одѣваться чисто, а скудныхъ средствъ ея между тѣмъ едва лишь на крохи хлѣба да на селедку съ цыбулькой хватало.

Но болѣе всего угодить ей довелось мнѣ, когда однажды, согласно ея завѣтной мечтѣ, привезъ я ей въ подарокъ новый парикъ изъ Петербурга. До тѣхъ поръ она, какъ добрая старозаконная еврейка, за пеимѣніемъ парика, прятала свои рѣдые волосы подъ старенькую накладку изъ порыжѣлаго отъ лѣтъ, нѣкогда чернаго атласа, съ прошитою по серединѣ бороздкой пробора, и поверхъ этой накладки напяливала тюлевый чепецъ съ широкими бантами и пунсовыми розами. Но

парикъ—настоящій «петербургскій» парикъ, изъ настоящихъ женскихъ волосъ—это такая роскошь и такой неожиданный сюрпризъ, что Хайка просто глазамъ своимъ не повѣрила, когда я открылъ передъ нею парикмахерскую коробку.

— «Богхъ мой! Это толке сшинъ матеру, альбо зжанигхъ невѣстшу мозжетъ издѣлать такова дригацѣннаво педарокъ»!

На слѣдующее утро она явилась ко мнѣ уже въ моемъ парикѣ и даже въ нарочно обновленномъ чепцѣ, съ розами и бантами еще болѣе яркими и пышными.

— Н-ну! Типеричка я взже заувсшѣмъ настоящій, какъ естъ гхаросшій кипеческій мадамъ, и минѣ взже не будетъ увъ сштидъ пайти увъ спабашъ на шпацеръ до Спадовей улицу».

Этотъ подарокъ я сдѣлалъ ей въ знакъ благодарности за ея участіе ко мнѣ, по слѣдующему поводу:

Однажды, возвращаясь съ эскадрономъ съ зимнихъ квартиръ, по весенней распутицѣ, схватилъ я себѣ сильную горячку и, въ первый же день по прибытіи въ штабъ, долженъ былъ слечь въ постель. Нѣсколько сутокъ пролежалъ я въ забытьи, но въ тѣ мгновенія, когда ко мнѣ возвращалось слабое сознаніе, замѣчалъ я, что у моей постели сидитъ кто-то посторонній, какая-то женщина, которой большею частію я не узнавалъ, и только порою казалось мнѣ, будто это Хайка. Когда же переломъ болѣзни совершился, и я, проснувшись отъ продолжительнаго оживляющаго сна, окончательно пришелъ въ себя,—первое, что бросилось мнѣ въ глаза, былъ чепецъ съ пунсовыми розами. Предо мною въ креслѣ дѣйствительно сидѣла наша Хайка, съ какимъ-то вязаньемъ въ рукахъ. Оказалось, что она доброхотно явилась сидѣлкою комнѣ, совершенно одинокому, и, чередуясь съ деньщикомъ, ухаживала за мною по цѣлымъ днямъ, во все тяжелое время моей болѣзни. Черта такого безкорыстнаго, великодушнаго добросердечія поневолѣ заставила меня еще болѣе полюбить эту добрую старуху. Я было предложилъ ей плату за ея трудъ и время, непроизводительно потерянное у моей постели; но Хайка, не смотря на всю свою бѣдность и нужду, наотрѣзъ отказалась отъ денегъ и даже отчасти обидѣлась на меня за такое предложеніе:

— «Сшто я вамъ—догхтуръ, чи сшто?!»

Чѣмъ же послѣ этого можно было отблагодарить ее, какъ не тѣмъ, чтобы исполнить давнишнее, самое завѣтное ея желаніе имѣть хорошій парикъ—вещь, по цѣнѣ своей, окончательно для нея недоступную?

Случай со мною былъ далеко не исключительнымъ примѣромъ Хайкина сердоболія. Сколько разъ бывало, что забо-

лѣетъ серьезно одинокій офицеръ, въ особенности же молодой юнкеръ,—Хайка безъ всякаго зова и приглашенія является къ нему доброхотною и безкорыстною сидѣлкой.

Кромѣ всѣхъ своихъ достоинствъ, это была женщина веселая, спокойная, всегда безропотно покорная своей долѣ, даже довольная своею судьбою, не смотря на то, что эта судьба далеко ее не баловала. Съ Хайкою пріятно было подчасъ и побесѣдовать, потому что она была старуха умная, разсудительная, видавшая на своемъ вѣку многое и изъ всѣхъ житейскихъ передрягъ успѣвшая какими-то судьбами вынести и сохранить въ себѣ свѣтлый взглядъ на жизнь и ясное душевное спокойствіе.

Одинокая, бездѣтная старуха, не нашедшая въ своей средѣ особеннаго уваженія и участія, быть можетъ, именно вслѣдствіе своего неплодія (что̀ у евреевъ вообще почитается за большой порокъ), Хайка, кажись, всю любовь своей души перенесла на нашъ полкъ, гордилась его успѣхами на смотрахъ и парадахъ, радовалась его радостямъ, сочувствовала его печалямъ. За такую привязанность къ полку на нее даже косились многіе изъ евреевъ; но въ особенности цѣлая буря недовольства со стороны всего мѣстнаго кагала разразилась однажды надъ неповинною головою бѣдной старухи по слѣдующему случаю.

Осенью 1871 г. проявилась въ городѣ холера, которая вырывала свои жертвы преимущественно изъ еврейской среды, живущей въ тѣхъ краяхъ, за рѣдкими исключеніями, крайне бѣдно, грязно и скученно. Евреи вообще суевѣрны и не любятъ называть какую бы то ни было эпидемическую болѣзнь ея настоящимъ именемъ; а при необходимости, въ разговорѣ, всегда стараются упомянуть о ней какъ-нибудь иносказательно, опасаясь, что въ противномъ случаѣ,—чуть лишь произнесешь точное названіе болѣзни,—она, тутъ какъ тутъ, непремѣнно къ тебѣ и пристанетъ. Зная этотъ суевѣрный предразсудокъ, молодые офицеры подчасъ, бывало, нарочно спрашиваютъ у знакомыхъ евреевъ:

— Отчего у васъ умеръ такой-то?

Еврей на это всегда отвѣтитъ:

— Такъ... Отъ гхудо̀ва хворобы.

— Отъ какой-же именно? Что это за худая хвороба?—пристаютъ офицеры.

— Ну, и ви сшами зжнаитю. Сшто̀ я вамъ буду гхаво̀рить!

— Да нѣтъ, однако, ка̀къ она называется, эта ваша хворо̀ба, отъ которой умеръ такой-то?

— Ну, зжвѣстно, досталъ сшибѣ и отсюда, и оттуда,—

понимаетю?—неохотно отвѣтитъ, наконецъ, еврей, съ надлежащимъ пояснительнымъ жестомъ, и поспѣшитъ перемѣнить тему разговора.

Когда-же холера усилилась до довольно значительной степени, такъ что евреи стали умирать ежедневно десятками, то—ужъ не знаю какъ и откуда—явилось у нихъ суевѣрное повѣрье, что для прекращенія смертности собственно въ еврейской средѣ надо сдѣлать «отводъ» болѣзни на какую-либо иную среду, и для этого, будто-бы, необходимо надлежитъ исполнить особый обрядъ такого рода: нанять какого-нибудь человѣка изъ нееврейской среды (это conditio sine qua non) и поставить его на нѣкоторое, хотя-бы самое короткое, время сторожемъ у воротъ еврейскаго кладбища, съ тѣмъ, чтобы онъ встрѣтилъ на своемъ посту перваго еврейскаго покойника, какого принесутъ къ оградѣ.

При этомъ похоронная процессія, остановясь въ нѣсколькихъ шагахъ предъ воротами, должна спросить у сторожа: есть-ли еще мѣсто на кладбищѣ?—на что сторожъ необходимо долженъ отвѣчать, что мѣсть ужъ болѣе нѣтъ, — всѣ, моль, заняты, все кладбище сплошь захоронено, ни одной пяди земли свободной не имѣется,—стало быть, не трудитесь умирать, потому что и хоронить васъ больше негдѣ. Евреи, однако, несмотря на увѣренія сторожа, упрашиваютъ его пропустить имъ лишь на этотъ разъ, въ видѣ исключенія, только одного—всего лишь одного покойника, что это у нихъ уже послѣдній, а больше ни одного изъ евреевъ, умершаго отъ худой хворобы, не будетъ, въ чемъ они и даютъ всѣ торжественную клятву. Сторожъ все-таки обязанъ отказывать, и вотъ тогда-то участвующіе въ похоронной процессіи, отстранивъ сторожа, якобы силою растворяютъ ворота и врываются съ покойникомъ на кладбище. Послѣ этого обряда, удачно совершеннаго, холера непремѣнно должна прекратиться между евреями и перейти на ту среду, къ которой принадлежитъ сторожъ.

Между тѣмъ умерла одна богатая купчиха, приходившаяся какъ-то сродни нашей Хайкѣ. Видятъ евреи, что дѣло совсѣмъ уже плохо, что худая хвороба изъ лачугъ начинаетъ заползаться въ хоромы, и рѣшили, что надо, наконецъ, сдѣлать отводъ болѣзни. Вслѣдствіе этого, какіе-то кагальные старшины вздумали возложить на Хайку, какъ на родственницу покойной, особую миссію: — ты, дескать, всѣхъ уланъ доподлинно знаешь, у тебя есть знакомые и между солдатами,—принайми-ка одного изъ нихъ сыграть роль сторожа къ похоронамъ твоей родственницы. Хайка сообразила, что въ такомъ случаѣ худая хвороба перейдетъ на уланъ и потому отказалась

отъ предлагаемой миссіи. Взъѣлись на нее за это старшины: —ты, молъ, не хочешь оттого, что сама въ уланахъ служишь, около нихъ всякій трефъ ѣшь, и сама стала трефная *). Хайка не на шутку оскорбилась этимъ послѣднимъ эпитетомъ и посчиталась со старшинами. Тѣ рѣшили между собою оставить ее въ покоѣ — «цуръ ей и пе́къ ей! Хай ей чертъ!» — и обратиться помимо ея къ солдатамъ.

Въ это время въ караулѣ при штабѣ находился 2-й эскадронъ, расположенный въ пяти верстахъ отъ города, въ деревнѣ Грандичи, куда дорога лежитъ какъ разъ мимо еврейскаго кладбища.

Пошли старшины на базаръ подыскивать подходящаго для ихъ цѣли человѣка и запопали тамъ на улана Вахрушова, отпущеннаго въ городъ за покупками, по собственной надобности:—тебѣ, милый человѣкъ, все равно-де надо въ эскадронъ, въ Грандичи, возвращаться, такъ заодно уже постой-ка сторожемъ у нашего кладбища, пока мы похоронимъ нашу покойницу,—это нужно-де намъ для бо́льшаго почета; мы тебя научимъ заранѣе что́ говорить и какъ отвѣчать на наши вопросы, а ты за свою услугу хорошо заработаешь себѣ на водку. Такимъ-то образомъ сторговались они съ Вахрушовымъ за пять зло́тыхъ **), дали ему въ задатокъ два зло́тыхъ, да еще крючекъ водки, ради наибольшаго поощренія къ усердію въ исполненіи роли сторожа; и затѣмъ, внушивъ ему все, что́ слѣдуетъ, отправили его къ кладбищу, а сами поспѣшили къ покойницѣ—поторопить ея выносъ.

Вахрушовъ былъ малый не промахъ, солдатикъ себѣ на умѣ и притомъ отчасти плутоватый. Идучи къ кладбищу, завернулъ онъ по пути въ шинокъ, выпилъ еще водки на полученные два злотыхъ и пришелъ въ веселое расположеніе духа. Сталъ онъ у кладбищенскихъ воротъ и думаетъ про себя: «Зачѣмъ это вдругъ жидамъ сторожъ здѣсь понадобился? Никогда такого случая еще не бывало... Что нибудь не спроста!... И отдадутъ-ли они остальные три злотыхъ, или понадуютъ?.... Вѣрнѣе, что понадуютъ... А можетъ и нѣтъ?»

И домой-то хочется солдату, да и трехъ злотыхъ упустить не желаетъ,—все-же надежда мелькаетъ ему такая, что авось и не понадуютъ. Только вотъ притча: зачѣмъ это вдругъ имъ сторожъ понадобился? — «Попадуютъ-ли тамъ, нѣтъ-ли, а лучше пока что, попадую-ка я самъ жидовъ!... Такъ-то дѣло,

---

*) Нечистая.

**) 75 копѣекъ.

кажись, вѣрнѣе будетъ,—авось-либо и больше заплатятъ!..» Ходитъ онъ себѣ у воротъ, а самого даже смѣхъ разбираетъ—въ жидовскіе, молъ, сторожа нанялся и должонъ увѣрять, что ни одного мѣста нѣтъ на кладбищѣ!

Только вотъ, пока онъ такъ себѣ размышляетъ, изъ города спѣшнымъ шагомъ валитъ уже еврейская гурьба, посреди которой высятся носилки съ покойницею. Подходитъ процессія къ кладбищу и останавливается въ десяти шагахъ предъ воротами:

— А сшто? Чи естъ ищо мѣсту на цментаржу?

Вахрушова словно лукавый подтолкнулъ, — еще веселѣй ему стало, и махнулъ рукой на свою обязанность.

— Есть! Есть!—говоритъ:—много есть еще! Ступайте всѣ! Не токма что про всѣхъ васъ хвалитъ, а еще и дѣтямъ, и внукамъ, и правнукамъ вашимъ вдосталь останется.

Можете себѣ представить, какой панический переполохъ произошелъ между евреями, какой «гевалтъ», какіе «ваймиры» завопили они всѣмъ кагаломъ, въ какомъ ужасѣ заметались во всѣ стороны!...

А Вахрушовъ при этомъ самъ еще предупредительно растворяетъ настежъ ворота и приглашаетъ:

— Пожалуйте! Милости просимъ!

Въ ярость пришли евреи, подскочили къ нему съ воплями, съ ругательствами, съ кулаками, а плутъ-солдатъ и глазомъ не моргнетъ, только предостерегаетъ внушительнымъ образомъ наиболѣе завзятыхъ:

— Вы, братцы, полегче, не балуй!... А то вѣдь у меня, при себѣ — сами видите — и пистолетъ въ кабурѣ, и сабля вострая... Вамъ же не хорошо будетъ, какъ выну.

Вмѣшались въ дѣло старшины: одни отстраняютъ разъярившуюся кучку, другіе взмолились къ солдату,—скажи, молъ, Бога ради, что нѣтъ уже ни одного мѣста!

А тотъ имъ на это:

— Какъ можно, чтобы мѣстовъ не было, коли есть еще звона сколько!

— Ну, гхарашьо! Нехай тамъ естъ, а ти сказжи, сшто нѣту! Закрой сшибѣ глязи, сштоби тибѣ не видно било, и сказжи: нѣтъ!

— Зачѣмъ-же, милый человѣкъ, мнѣ врать?... Я, братъ, солдатъ, я присягу принималъ служить вѣрою и правдою, такъ какъ могу я опосле того говорить неправду,—самъ посуди ты!

Приступаютъ къ нему хоромъ уже нѣсколько евреевъ и евреекъ; скажи да скажи!—Ну, и что тебѣ стоитъ! Ты же вѣдь порядился!

— Мало-ли, что порядился! Да коли подрядъ-то не выгоденъ! Экое дѣло не пяти злотыхъ стоитъ.

— Ну, гхарашьо! Бери болшъ, бери сшто гхочишь, толке сказжи намъ какъ сшлѣдуваитъ!

— Давайте сто рублевъ, такъ скажу, а меньше ни копѣйки! Не моги и думать!

Стали евреи совѣщаться между собою—какъ быть при такомъ прискорбномъ и скандальномъ случаѣ. Иные, изъ наиболѣе суевѣрныхъ предлагали было — ужь куда нишло!—собрать въ складчину сто́ рублей, какъ вдругъ она «мондра глова» изъ старшинъ-талмудистовъ и казуистовъ «додумала», что не только сто рублей, но и обѣщанныхъ трехъ злотыхъ давать не слѣдуетъ, ибо теперь,—что ни дай ему — все будетъ напрасно, такъ какъ условная процедура самаго обряда уже нарушена, скандалъ произведенъ, значитъ—чудодѣйственная сила отвода хворобы потеряна, и даже самое погребеніе покойницы не можетъ состояться, пока не пріищутъ новаго сторожа, потому что если похоронить ее сряду послѣ такого скандала, послѣ такого зазорнаго приглашенія всѣхъ евреевъ со чадами и дальнѣйшимъ потомствомъ пожаловать на кладбище, на готовыя мѣста, то худая хвороба такъ пойдетъ косить, «сшто ми увсшѣ, до сшами послѣдній щаловѣкъ, якъ мугхи издéгхнемъ»!

Рѣшили на общемъ совѣтѣ, что надо нести покойницу назадъ въ городъ и постараться какъ можно скорѣе принанять другаго, болѣе подходящаго сторожа. Сказано—сдѣлано. Подняли опять носилки на плечи и повалили всею гурьбой обратно. Только вдругъ—опять нежданная бѣда!—Полиція не впускаетъ ихъ въ городъ:—«Нельзя, холерный покойникъ».—О, въ какой же ужасъ, въ какое отчаяніе и бѣшенство пришли злосчастные евреи! Хочешь не хочешь пришлось повернуть къ кладбищу и похоронить купчиху не только безъ спасительнаго обряда, но еще возвращаться домой подъ гнетущимъ суевѣрнымъ убѣжденіемъ, что теперь уже все кончено, ничего не подѣлаешь, и чрезъ проклятаго солдата весь гродненскій Израиль «издéгхнетъ» до единаго!

Но тутъ какъ-то самъ собою явился вопросъ: кто виноватъ въ такомъ оборотѣ дѣла? Кто подучилъ солдата? Ибо не можетъ быть, чтобы солдатъ не былъ подученъ, чтобы онъ самъ своею собственною головою «додумалъ» сыграть такую злостную шутку! Ему навѣрное былъ открытъ тайный смыслъ и значеніе обряда! Кто и какъ и когда открылъ его?

При рѣшеніи этой задачи, кому-то изъ старшинъ пришла вдругъ на умъ имя Хайки Пиковой.—Это она виновата,—

она и никто больше! Она подучила солдата! Она, вѣроятно, успѣла перенять его на пути къ кладбищу и сообщила настоящую суть дѣла! И это такъ естественно: она знается съ уланами, она черезъ нихъ и сама стала трефная, — кто-жъ какъ не Хайка?!—«Хайка, Хайка, одна лишь Хайка Пикова всему начало и первая причина!» хоромъ завопили всѣ—и старъ, и младъ, и мужчины, и женщины. И вотъ обрушилась на бѣдную старуху злоба всего кагала.

Прибѣгаетъ она къ намъ въ великомъ горѣ, вся въ слезахъ, и разсказываетъ, что общество хочетъ наложить на нее «херимъ» *), что теперь она должна погибнуть съ голоду, потому, что каждому доброму еврею будетъ запрещено съ нею знаться, какъ съ оскверненною, отверженною женщиною, что теперь ни одна лавка не отпуститъ ей товару ни въ кредитъ ни даже за наличныя деньги, и потому ей уже нечѣмъ будетъ снабжать офицеровъ, а остается развѣ съ моста да въ воду!

Принялись мы, какъ смогли и съумѣли, утѣшать несчастную старуху, говорили, что что́-бы тамъ ни было, мы ее во всякомъ случаѣ не оставимъ безъ крова, хлѣба и покровительства, постараемся разъяснить все дѣло, обратимся къ губернатору и чрезъ него къ штатному раввину — все напрасно! Хайка была неутѣшна!—Нѣтъ разъ кагалъ наложилъ «херимъ», никакой въ мірѣ губернаторъ ничѣмъ не поможетъ!

Къ счастью, наступила холодная сухая погода, пошли легкіе морозцы—и, благодаря кое-какимъ санитарнымъ мѣрамъ, холера, достигнувъ, повидимому, своего зенита, вдругъ оборвалась сразу и прекратилась спустя нѣсколько дней послѣ злосчастнаго для Хайки приключенія съ Вахрушовымъ. Благодаря этому счастливому обороту дѣла, а также и ходатайству у штатнаго раввина, съ неповинной старухи былъ снятъ общественный херимъ, и она вновь получила возможность, какъ и прежде, поставлять намъ чай и сахаръ, табакъ и вино, мыло, бѣлье и свѣчи.

Спустя нѣсколько лѣтъ, полкъ получилъ предписаніе выступить на новыя квартиры,—къ австрійской границѣ, причемъ мѣсто стоянки полковому штабу указано въ невозможномъ городѣ Пинчовѣ **). Это обстоятельство захватило Хайку Пи-

*) Нѣчто въ родѣ запрещенія, проклятія и отверженія. Херимъ, будучи наложенъ кагальными старшинами, становится безусловно обязательнымъ для всего еврейскаго общества.

**) Кѣлецкой губерніи.

кову совершенно врасплохъ. Выступить одновременно съ полкомъ она не могла,—помѣхою были разныя дѣлишки и долги по забранному товару въ лавкахъ: надо было разсчитаться, продать кое-какое имущество, выхлопотать увольнительное свидѣтельство, паспортъ, и т. п. Все это необходимо должно было задержать Хайку недѣли на три, по крайней мѣрѣ. Полкъ между тѣмъ ушелъ, а съ нимъ отправился и «первилегированный портной» Мовша Элькесъ, имѣвшій настолько средствъ, чтобы разомъ покончить всѣ свои дѣла въ Гроднѣ. Итакъ, Хайка осталась одна. Хлопоты ея съ увольнительнымъ свидѣтельствомъ какъ-то затянулись не въ мѣру долго; разсчитавшись на полученныя отъ офицеровъ деньги со всѣми долгами, она продала кое-какія свои крохи, но увы!—денегъ, вырученныхъ отъ этой продажи, оказалось крайне недостаточно на путешествіе въ Кѣлецкую губернію. Пришлось, что называется, засѣсть у моря и ждать погоды. Между тѣмъ нужда съ каждымъ днемъ подступала все круче и круче; гешефты по поставкѣ чая и свѣчъ офицерамъ новой части, пришедшей на смѣну нашему полку, окончательно не удались, потому что у этихъ офицеровъ явились другіе, болѣе бойкіе и юркіе поставщики и поставщицы. Напала на Хайку тоска, и раздумье о безполезности поѣздки въ Пинчовъ, гдѣ, конечно, давно уже нашлись свои пинчовскія Хайки, все чаще и чаще приходило ей въ голову. Стала бѣдная старуха грустить и хирѣть все больше да больше... Явилась апатія, опустились руки, а съ этимъ сильно опустилась и сама Хайка, постарѣла, сдѣлалась уже въ заправду «сплябая на здаровье», и вотъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ полкъ дошло извѣстіе, что она скончалась.

Такъ и не довелось бѣдной Хайкѣ быть погребенною подъ звуки уланской музыки, хотя она и служила весь вѣкъ свой въ уланахъ.

Будь ей земля легка! Миръ ея праху!

КОНЕЦЪ.

ЗМѢИНЫЙ ДѢДЪ.

РАЗСКАЗЪ

Всеволода Крестовскаго.

Лѣтомъ 1867 года довелось мнѣ провести нѣсколько времени въ одномъ изъ прелестныхъ глубоко-мирныхъ уголковъ Екатеринославской губерніи, въ Славяносербскомъ уѣздѣ, у однихъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, имѣніе которыхъ раскинулось на привольныхъ мѣстахъ, богатыхъ и роскошнымъ лѣсомъ, осѣняющимъ берега рѣки Донца, и тучными пажитями, и красивыми холмами, а отчасти даже и небольшими скалами, которыя въ вертикальныхъ своихъ плоскостяхъ обнаруживаютъ плитняковыя, аспидныя и гранитныя наслоенія. Охоты въ этихъ мѣстахъ тоже недурныя, въ особенности по Донцу, и такъ какъ дни стояли прекрасные, то я довольно часто отправлялся бродить съ ружьемъ по прибрежнымъ тѣнистымъ зарослямъ.

Въ верстѣ разстоянія отъ господской усадьбы, среди цвѣтущихъ сочныхъ луговъ, подъ сѣнью небольшой, но старорослой ольховой и чернокленовой рощи, пріютилась небольшая пасѣка съ соломеннымъ куренемъ и глиняною мазанкой, приспособленною для житья зимой. Здѣсь была криница съ чистою студеною водой, и благочестивая рука стараго пасѣчника утвердила надъ этою криницей на стволѣ древняго дуба маленькій досчатый кіотъ, въ родѣ навѣса, гдѣ помѣщался старинный потемнѣлый образъ св. Зосимы, покровителя пчеловодства. Въ жаркій полдень или вечернею порой, утомленный жаждой и продолжительною ходьбой на охотѣ, я нерѣдко захаживалъ на пасѣку освѣжить пересохшее горло криничною водой.

Но еще болѣе, чѣмъ эта вкусная вода, привлекалъ меня

въ свой укромный уголокъ самъ пасѣчникъ, всегда встрѣчавшій меня съ большимъ радушіемъ.

Это былъ высокій, мускулисто-сухощавый старикъ, съ длинными повисшими усами и щетинистою бородой, которую, несмотря на свои весьма и весьма почтенные, даже ветхіе годы, онъ все-таки продолжалъ «голить», то-есть брить подъ большіе праздники. Человѣкъ былъ интересный. По его собственному счету, ему уже стукнуло девяносто четыре года; но на взглядъ, по наружности, никто не далъ бы старому Остапу болѣе шестидесяти пяти, до такой степени былъ онъ еще бодръ и крѣпокъ какъ тѣломъ, такъ и духомъ. Весь сѣдой какъ лунь, съ лицомъ и грудью, которыя подъ лучами южнаго солнца давнымъ-давно уже приняли темно-бронзовый оттѣнокъ, дѣдъ производилъ своею наружностью эффектъ чрезвычайно выгодный для живописца, если-бы перевести на полотно его характерныя черты и краски. Сдвинутая на затылокъ барашковая шапка,—одна и та же для зимы и лѣта,—бѣлая холщевая рубаха съ вѣчно разстегнутымъ большимъ воротомъ, такіе же штаны, по-чумацки пропитанные дегтемъ и стянутые ременнымъ поясомъ, да башмаки на босу-ногу: таковъ былъ лѣтній костюмъ дѣда Остапа. На бронзовой «волохатой» груди его висѣлъ мѣдный «кіевскій» крестъ довольно солидныхъ размѣровъ; но чего-чего не помѣщалось только на его кожаномъ поясѣ, который былъ усаженъ рядами разныхъ металлическихъ, преимущественно военныхъ пуговицъ! Подстегнутые и подвѣшенные на разныхъ ремешкахъ и «мутузочкахъ», тутъ у него болтались: «люлька», ножъ въ чехлѣ, гребешокъ, «крясало», то-есть огниво, игла для прочистки люльки, кисетъ съ табакомъ курительнымъ, рожокъ съ табакомъ нюхательнымъ, кожаная сумочка для денегъ и еще какіе-то, невѣдомые мнѣ, инструменты по пчеловодной спеціальности. Дѣдъ держался нѣсколько сутуловато и ходилъ степенно-медлительною, но бодрою походкой, опираясь на длинный самодѣльный посохъ. Память у него была превосходная, но въ особенности отчетливо и ясно помнилъ онъ годы своей молодости, про которые не прочь былъ порой и поразсказать кое-что далеко не безъинтересное. Этимъ-то преимущественно и сталъ онъ мнѣ достолюбезенъ. Достаточно сказать, что дѣдъ Остапъ хорошо помнилъ «Очаковскую зиму» (1788 года). Его отецъ былъ однимъ изъ первыхъ переселенцевъ въ этотъ край изъ Бѣлгородскаго намѣстничества, и въ эту-то «Очаковскую зиму» Остапъ, тогда еще пятнадцатилѣтній мальчикъ, вмѣстѣ со своимъ «батькомъ» гонялъ гурты и ходилъ съ обозомъ въ нашъ лагерь подъ

Очаковъ; видѣлъ тамъ и «свитлійшаго», то-есть князя Потемкина, видѣлъ и Суворова; по его разсказу это была зима столь суровая, что подобной въ Новороссійскомъ краѣ не запомнятъ старожилы ни до, ни послѣ того времени.

— Було такъ що птыця летыть-летыть, та й впадé на снигъ, якъ каминь зъ неба,—разсказывалъ Остапъ.

Разсказывалъ онъ и про то, какъ «на самаго-Миколу», то-есть на 6-е декабря, палъ, наконецъ, Очаковъ подъ нашими штыками; какъ во время приступа «свитлійшій» стоялъ «коло гармáтъ» (на батареи) и «глосно спивалъ молибны», а потомъ, какъ онъ уѣхалъ «до матушци-царици» и какъ крестьяне ему по ночамъ всю дорогу кострами освѣщали и кричали «ура». Помнилъ Остапъ и многое другое: помнилъ какъ Сѣчь Запорожскую на Кубань переводили, какъ «Вонапаръ-антыхристъ» шелъ на Россію «зъ невирными царями», какъ «Ермолай-гэнэралъ на Капкази орудовалъ»; помнилъ, какъ гробъ царя Александра везли изъ Таганрога и при этомъ толпы крестьянъ и все панство стекались на большую дорогу поклониться праху государя, и по ночамъ тоже освѣщали весь путь кострами.

У Остапа было въ запасѣ много и много житейской мудрости, почерпнутой имъ изъ долголѣтняго опыта. Онъ умѣлъ, напримѣръ, кровь заговаривать и лѣчить разныя болѣзни на людяхъ и на скотѣ, зналъ свойства многихъ цѣлебныхъ травъ и корешковъ, которые въ большомъ запасѣ хранились въ его хаткѣ-мазанкѣ, въ мѣшечкахъ на образной полкѣ, или подвѣшивались пучечками подъ потолочную балку. Былъ на селѣ такой слухъ, что у стараго пасѣчника и деньга таки водится, только невѣдомо гдѣ ее въ землю зарываетъ, боится де, чтобы не обокрали. Толковалъ народъ и пустыя басни, будто Остапъ владѣетъ тайной заклинать и открывать клады и что кабы онъ только захотѣлъ, то могъ бы сейчасъ же сдѣлаться самымъ богатѣйшимъ человѣкомъ на всю губернію, такъ какъ ему вѣдомы всякіе клады, и турецкіе, и татарскіе, и казацкіе.

Остапъ только ухмылялся въ отвѣтъ на такія рѣчи, да многозначительно помалчивалъ, куря свою люльку-посогрѣйку; ему кажется было даже пріятно, что въ народѣ его за колдуна почитаютъ, дескать, пускай себѣ думаютъ, что хотятъ, отъ этого худа не будетъ, а еще добро, такъ какъ иной человѣкъ, разумѣя его колдуномъ, въ иной часъ можетъ-быть и поостережется сдѣлать старику какое ни на есть зло, обокрасть или даже убить его на уединенной пасѣкѣ, под-

мываемый на злое дѣло слухами о деньгахъ, будто бы зарываемыхъ Остапомъ гдѣ-то тутъ по близости.

Любилъ я порою разговориться съ нимъ про старые годы, вызвать его на воспоминанія и разъ что старикъ самъ незамѣтно увлечется ими, тихая рѣчь его текла плавно и мѣрно, какъ старая сказка.

Каждый разъ, бывало, что придешь къ нему, онъ отрѣжетъ кусокъ пшеничнаго коровая, принесетъ свѣжихъ огурцовъ да мисочку душистаго отстойнаго меду и умѣститъ все это предо мною на старой опрокинутой колодѣ, служившей нѣкогда ульемъ. «Кушайте съ Богомъ, паночку, на здоровье!» А затѣмъ, мало-по-малу, слово за словомъ, начинаются какіе-нибудь разсказы. Дашь ему подъ конецъ бесѣды двадцать или тридцать копѣекъ въ подарокъ за угощеніе и старикъ видимо останется очень доволенъ, неторопливо отстегиваетъ мѣдную пуговку своей кожаной сумочки и бережно опускаетъ туда монету. Любилъ-таки прикопить денежку! Разъ было спросилъ я его, дѣлаетъ ли онъ какое-нибудь употребленіе изъ своихъ денегъ?

— «А якъ же-жъ!»—отвѣчалъ онъ и, поведя меня въ хатку, показалъ тамъ «бирку», гладко выстроганную планочку, на которой разными крестиками и зарубками, понятными лишь ему одному, были отмѣчены всѣ его денежныя прибыли. «Нехай у церковь Богу на масло, та на нищу братью достанутся, на поминъ души, пояснилъ Остапъ и прибавилъ, что уже сдѣлалъ распоряженіе на случай своей смерти».

Однажды поѣхалъ я верхомъ верстъ за двадцать въ степное село, къ знакомому мировому посреднику, и незамѣтно засидѣлся въ гостяхъ до вечерней зари. Оставляли было ночевать, но я предпочелъ добраться домой по ночному холодку, вмѣсто того, чтобы тащиться завтра по жарѣ, на солнопекѣ, а жара въ эти дни уже съ семи часовъ утра давалатаки себя чувствовать самымъ исправнымъ образомъ. Ѣхалъ я ровною степью. По глубоко синему небу кое-гдѣ мигали рѣдкія звѣзды; за то луна среди легкихъ дымчатыхъ облачковъ играла полнымъ блескомъ, озаряя бѣлые султаны степнаго ковыля и темные клубки перекати-поля. Изрѣдка, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, вырисовывался слабо-освѣщенный силуэтъ большой дрофы, которая и не думала пугаться и отлетать при гулкомъ звукѣ копытъ моей лошади, а напротивъ, какъ бы съ нѣмымъ удивленіемъ встрѣчала и провожала поворотомъ головы непривычное для нея въ такую пору появленіе одинокаго всадника. Вся окрестность

вблизи и вдали звенѣла однимъ непрерывнымъ, музыкальнымъ звукомъ, который то ослабѣвалъ, то плавно усиливался, но не обрывался ни на единый мигъ. Этотъ звукъ производятъ міріады кузнечиковъ своимъ стрекотаньемъ, что̀ начинается у нихъ послѣ солнечнаго заката и непрерывно длится вплоть до утренней зари. И странное впечатлѣніе производитъ эта безконечная, нѣсколько тоскливая нота: такъ и кажется, будто сама степь звучитъ, и поетъ, и стонетъ изъ глубины своихъ необъятныхъ пространствъ, какъ нѣчто живое, одушевленное... Вотъ вдали виднѣется костерокъ, и чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ нему, тѣмъ яснѣе начинаетъ различать ухо, что къ ночнымъ звукамъ степи присоединяются еще и мелодическіе звуки деревянной свирѣльки, на которой артистъ-самоучка наигрываетъ популярнѣйшую въ то время по всему Новороссійскому краю пѣсню:

И жить будемъ, и гулять будемъ,
А смерть прійде, помырать будемъ.

Куда бы ни направился, бывало, только эти звуки и услышишь на степи и въ поселкахъ, среди дня и глубокой ночи. Эту пѣсенку повсюду и напѣвали, и на дудочкахъ наигрывали пастухи и деревенскіе ребятишки. Подъѣзжаю къ костерку еще ближе и ближе, тянетъ уже дымкомъ на встрѣчу и доносится вкусный запахъ кулеша съ галушками, что̀ кипитъ-поспѣваетъ въ казанкѣ на треногѣ. Это чабаны расположились на ночь съ громадною отарой; овцы тутъ же разбрелись по степи и тихо пасутся, оберегаемыя со всѣхъ сторонъ умными собаками-овчарками. Костерокъ такъ привѣтливо манитъ къ себѣ прикурнуть въ кружокъ вмѣстѣ съ чабанами и такъ весело трещитъ его пламя у подножія степнаго кургана, трепетно озаряя порою каменную «бабу», которая уже много и много вѣковъ одиноко торчитъ на вершинѣ этого кургана, сложивъ на груди свои каменныя руки и будто сфинксъ загадочно глядя въ безконечность... Этотъ идолъ—нѣмой свидѣтель эпохи великаго переселенія народовъ, а быть-можетъ и еще болѣе отдаленнаго времени.

Разспросилъ я у чабановъ о дорогѣ; хоть и надѣешься на свою памятливость, а все-таки какъ-будто повѣрнѣе будетъ когда разспросишь, и поскакалъ далѣе.

Ѣхалъ я все время бойкою, крупною рысью. Вотъ уже скоро и до̀ма: видны вдали по косогору бѣлыя стѣны деревенскихъ хатъ, озаренныя лунным свѣтомъ; тамъ кое-гдѣ два-три огонька въ низенькихъ оконцахъ мигаютъ; дворовыя собаки всю окрестность оглашаютъ разливистымъ лаемъ. Вотъ

п роща дѣда Остапа надвигается все ближе и ближе, словно разлегшійся по землѣ гигантскій круглоголовый призракъ; ужъ теперь не болѣе двухъ верстъ остается.

Конь мой усталъ и взмылился отъ быстраго бѣга. Не желая задавать конюху лишняго труда выважнвать лошадь, я соскочилъ съ сѣдла, ослабилъ подпруги и повелъ ее въ поводу. Судя по звѣздамъ, уже было около двѣнадцати часовъ ночи. Курить мнѣ смерть какъ хочется, но, такая досада, въ портсигарѣ, какъ на зло, ни одной спички не оказывается. Знаю, что путь мой лежитъ какъ разъ мимо самой пасѣки,— значитъ, у дѣда закурить бы, да вѣдь ужь спитъ давнымъ-давно, поди-ка!.... Нечего дѣлать, придется потерпѣть до дому.

Минутъ пять спустя я уже шелъ вдоль жердяной пасѣчной изгороди, густо и красиво обвитой побѣгами дикаго хмеля и павоемъ, бѣлые цвѣтки котораго, раскрывъ свои рыльца, глядѣли на мѣсяцъ, словно бы жадно упиваясь его лучами, что̀ протянулись, какъ длинныя нити и разсыпались мелкою сѣтью между высокимъ бурьяномъ, крапивой и кудрявыми вѣтвями черноклена. Вотъ и знакомая калитка въ изгороди.

Только что̀ жь это такое?... Никакъ дѣдъ-то не спитъ... Вглядываюсь пристальнѣе, и точно, шагахъ въ двадцати отъ меня, на лужайкѣ предъ мазанкой, ясно вырисовывается на ночномъ фонѣ зелени его высокая фигура, вся облитая луннымъ свѣтомъ. Дѣдъ сосредоточенно занятъ какимъ-то дѣломъ и, кажись, даже вовсе не разслышалъ звука копытъ моей лошади; не замѣчаетъ и того, что я остановился у калитки. Онъ тихо посвистываетъ, какъ-будто зоветъ кого-то и какъ-то странно разводитъ простертыми впередъ руками, какъ бы заманивая или призывая къ себѣ какія-то невидимыя существа, невѣдомыя тайныя силы.

Старый кудластый песъ его, почуявъ присутствіе посторонняго человѣка, разразился хриплымъ лаемъ, но Остапъ и на это не обратилъ вниманія,—продолжаетъ все то же занятіе. Но нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, кого это онъ манитъ? Вокругъ никого и ничего не видно. Колдуетъ что ли, или, можетъ-быть, Богу молится? Однако же движенія эти не похожи на молитву. Порою дѣдъ наклоняется, внимательно всматриваясь вокругъ себя, точно бы ищетъ чего-то по землѣ. Вотъ онъ поднялъ что-то и положилъ предъ собою подъ разостланное по землѣ широкое полотенце, и опять выпрямился, опять посвистываетъ и дѣлаетъ эти странныя движенія руками, которыя отчасти напомнили мнѣ «пасы», употребляемые

магнетизерами при ихъ сеансахъ. «Клады заклинаетъ!» мелькнуло у меня въ умѣ. «Неужели же справедливы народные толки?»

Я, наконецъ, рѣшился окликнуть его и громко произнесъ:

— Диду!

Собака залаяла еще громче и злѣе. Остапъ встрепенулся, поднялъ голову и въ недоумѣніи повелъ вокругъ себя глазами, словно бы затрудняясь еще дать себѣ отчетъ, точно ли его окликнулъ кто, или ему только такъ почудилось?

Я повторилъ свой возгласъ.

Старикъ щиткомъ приставилъ ладонь къ бровямъ и вглядчиво уставился глазами по направленію къ калиткѣ.

— Кто се тамъ?—послышался его недовольный и отчасти раздосадованный голосъ:—якогось биса тамъ кому треба одъ мéне? Ходы соби, чоловиче, мимо, колы ты добрій!

Я назвалъ себя по имени и попросилъ огня закурить сигару.

— А!... Се вы, паночку!.. Такъ бы и казáлы!—заговорилъ онъ уже болѣе ласково, хотя, какъ показалось мнѣ, отчасти смущеннымъ тономъ. Почекáйте трóшку, зáразъ выкрясу.

Я захлестнулъ трензельный поводъ за одинъ изъ кольевъ забора и пошелъ въ калитку.

— Стойте тамъ! нейдыть бо сюды!—поспѣшилъ предупредительно крикнуть мнѣ старикъ; но, грѣшный человѣкъ, не осилилъ я въ себѣ любопытства: больно ужъ захотѣлось узнать, что такое онъ тутъ продѣлывалъ въ такой таинственной обстановкѣ и потому, не послушавшись его предостереженія, шелъ себѣ далѣе.

— Дай ужь заодно, голубчикъ, и напиться мнѣ,—сказалъ я, чтобы хоть этимъ предлогомъ оправдать въ его глазахъ свое движеніе впередъ вопреки его волѣ.

— Та я бъ вамъ и туды принисъ,—пожалъ онъ плечами.

— Ну, все равно, коли ужъ я къ тебѣ и самъ пришелъ... Только, пожалуйста, поскорѣе воды и огня! Смерть какъ и пить, и курить хочется!

— Зразъ,—процѣдилъ онъ сквозь зубы и, раздумчиво почесавъ поясницу, лѣнивымъ шагомъ побрелъ въ свой курень за глинянымъ кувшиномъ.

— Что это ты не спишь, Остапъ?—спросилъ я его тѣмъ часомъ.

— Спа не маю,—отвѣтилъ онъ нехотя и подалъ мнѣ воду:—пійте зъ Богомъ, на здоровье!

— И что же ты дѣлаешь, когда тебѣ не спится?—про-

должалъ я. Вотъ теперь, напримѣръ, чѣмъ ты занимаешься?

Старикъ не безъ подозрительности оглядѣлъ меня пытливо и внимательно, какъ бы стараясь разгадать, ради чего, съ какою цѣлью задаетъ ему «панычъ» такіе вопросы?

Я напился прямо изъ горлышка и поставилъ кувшинъ на землю; но, опуская его, вдругъ нечаянно замѣтилъ, что подъ бѣлымъ полотенцемъ, разостланнымъ тутъ же по землѣ, какъ будто что-то шевелится. Вглядываюсь—и впрямь шевелится. Я попыталъ было откинуть хлыстомъ конецъ полотенца, какъ вдругъ старикъ быстро схватилъ и отвелъ мою руку.

— Не замайте!—промолвилъ онъ отрывисто и строго.

— А что̀ тамъ?

— Э, Боже жь мой!—нетерпѣливо и досадливо мотнулъ онъ головой. Хиба жь я на́ смихъ кажу вамъ, чи що?... Якый вы, панычу!.. На́те вамъ огня, та й ходыть соби зъ Богомъ до дому!... Бидна коняка ваша и то вже зморылась, и спаты и ясты хоче. Богъ зъ вами!... А якъ хочете, то завтра приходыть до па́сици,—побала́каймо... Добра́-ночь!

Старикъ видимо торопился поскорѣе выпроводить меня съ пасѣки. Настаивать далѣе было бы неделикатно и я, простившись съ нимъ, направился по тропинкѣ къ калиткѣ, гдѣ фыркала и терлась о плетень мордой моя усталая лошадь. Остапъ пошелъ провожать меня. Но не успѣлъ я сдѣлать пяти-шести шаговъ, какъ вдругъ стремительно отшатнулся назадъ, подъ внезапнымъ впечатлѣніемъ невольнаго инстинктивнаго испуга. Поперекъ дорожки, вытянувшись во всю свою длину, лежала змѣя аршина въ полтора величиною; ея склизкое тѣло слабо отсвѣчивалось стальнымъ блескомъ подъ лучами мѣсяца.

— Не бойтесь, паночку!—успокоительно взялъ меня за руку пасѣчникъ:—шагайте скрозь! Вона̀ вамъ ничо̀го не зробыть. Тильке часомъ не наступыть ногою...

Я, однако, не рѣшался послѣдовать этому совѣту. Отъ такого шага удерживало и чувство боязни и чувство отвращенія. Остапъ, видя мою трусость, пожелалъ убѣдить меня наглядным примѣромъ и спокойно перешагнулъ черезъ змѣю впередъ и затѣмъ второй разъ обратно...

— Ну, ось вамъ! ба̀чите?... Кажу що ничо̀го не зробыть!.. У мѐне на пасици гадюки не жалять.

И точно, змѣя лежала какъ очарованная, почти не шевелясь; только легкое, медлительное колебаніе ея кольчатаго тѣла обнаруживало въ ней признаки жизни.

Я, наконецъ, превозмогъ свое непріятное чувство и, на-

мѣтя себѣ самый широкій шагъ, быстро, но осторожно переступилъ черезъ отвратительную гадину. Нечего и говорить, что нѣсколько шаговъ, остававшихся мнѣ до калитки, прошелъ я, глядя во всѣ глаза на тропинку,—все такъ и думалось, что вотъ-вотъ подвернется подъ ноги подобная же мерзость. Однако, ничего, пріятный сюрпризъ не повторился и я, простясь съ Остапомъ, уже безо всякихъ приключеній добрелъ себѣ до дому, доставивъ лишь деревенскимъ собакамъ поводъ къ одному лишнему въ эту ночь безпокойству или развлеченію—встрѣтить и проводить меня долго несмолкавшимъ лаемъ.

На другой день, часу въ шестомъ вечера, зашелъ я, гуляя, къ Остапу. Усѣлись мы съ нимъ на поваленной колодѣ, и ведемъ неторопливые разговоры, какъ вдругъ замѣчаю я, что по травѣ что̀-то ползетъ, пробирается прямо къ нашему сидѣнью. Трава тутъ была мелкая, низенькая, но густая. Смотрю—гадюка. Опять вскочилъ я какъ опаренный, такъ что даже самъ Остапъ вздрогнулъ отъ неожиданности этого движенія и воззрился на меня удивленными глазами.

— Що се въ вами?!

Я молча указалъ взглядомъ и рукой на приближавшуюся гадину.

Остапъ усмѣхнулся.

— Ну, и що жь? Горпинка и бильшь ничо̀го!—пожалъ онъ плечами:—я вже вчо̀ра казавъ, що бы вы не лякались, бо у мѣне ни Горпинки, ни Марьянки не жалять. Ось, вона зàразъ буде тутъ, на ладо́ньци. Хочете?

И дѣдъ, какъ сидѣлъ на колодѣ, такъ и остался, только протянулъ къ гадюкѣ свою правую руку.

— Ну, ну... ходы, ходы сюды, Божа гадына, ходы!—заговорилъ онъ благодушнымъ ласковымъ тономъ, какъ обыкновенно говорятъ маленькимъ дѣтямъ и началъ тихо подманивать змѣю пальцами. Не бійсь бо, ходы, кажу!... Ну, Горпынко... Ну же, ну?!

Випера слегка приподняла головку, поводила ею изъ стороны въ сторону и, точно бы противъ собственной воли подчиняясь обаявшей ее магнетической силѣ, медленно вползла къ старику на ладонь и браслетомъ обвилась вокругъ его кисти и запястья. Дѣдъ бережно развилъ ее и взялъ обѣими руками за хвостъ и шейку, вытянувъ во всю длину красиво испещренное тѣло виперы.

— Ну, ось вона вамъ! Дывиться! Отъ яка!... И ро̀ги надъ очима, бачите? То са̀ма що ни найлютійша, бо въ рогами и якъ пожалыть, то смерть... Отъ яки зубы,—говорилъ дѣдъ, разинувъ гадюкѣ пасть:—нынячь якъ го̀лки колючи!

И затѣмъ, свернувъ змѣю въ комокъ, онъ преспокойно засунулъ ее къ себѣ за пазуху:

— Нехай погрiється трошку коло сердця.

Послѣ этого, какъ ни въ чемъ не бывало: дѣдъ раскурилъ полупотухшую люльку и возвратился къ своему прерванному разсказу.

Но мнѣ, признаюсь, было ужъ не до разсказовъ. Съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ ужаса, любопытства и суевѣрнаго благоговѣнія, во всѣ глаза глядѣлъ я на Остапа. Все, что̀ продѣлалъ онъ сейчасъ предо мною, было такъ неожиданно, такъ поразительно и странно, чуть не сверхъестественно.... Я почти не вѣрилъ собственнымъ глазамъ, а между тѣмъ змѣя несомнѣнно лежала у дѣда за пазухой. Невольно пришли мнѣ на умъ разсказы про индійскихъ и японскихъ заклинателей змѣй, при чемъ припомнилось вычитанное гдѣ-то свѣдѣніе, что азіятскіе фокусники предварительно выдергиваютъ у змѣй ядовитые зубы; но здѣсь предо мною былъ налицо фактъ совсѣмъ противоположный: несомнѣнно, что гадюка подползла къ намъ вполнѣ случайно, ибо Остапъ настолько самъ былъ занятъ своимъ разсказомъ, что въ ту минуту, конечно, позабылъ про всѣхъ гадюкъ на свѣтѣ; равнымъ образомъ, несомнѣнно для меня было и то, что зубы виперы находились въ совершенной цѣлости, да и Остапъ, наконецъ, не былъ профессіональнымъ фокусникомъ. Все, что̀ продѣлалъ онъ теперь со змѣей было съ его стороны такъ безъискусственно, даже наивно-просто и все это очевидно являлось для него такимъ заурядным, привычнымъ дѣломъ, что я ни на единый мигъ не могъ заподозрить старика въ желаніи поразить меня фокусническимъ эффектомъ.

Минутъ около пяти подержавъ змѣю за пазухой, онъ досталъ ее оттуда и пустилъ на траву.

— Гуляй соби, Божа гадына, пòка Богъ грихамъ твоимъ тэрпыть! Быстро соскользнувъ съ ладони, випера юркнула въ сторону и скрылась гдѣ-то подъ ближайшимъ лопушникомъ.

— Какъ ты это дѣлаешь?—спросилъ я Остапа, все еще не вполнѣ оправясь отъ ошеломляющаго впечатлѣнія.

— То мени одъ Бога такъ.... Таланъ такій маю.

— И тебя онѣ ни разу не кусали?

— Горшинки? Никòлы!... Воны не сміють,—отвѣчалъ старикъ съ увѣренностью незыблемаго убѣжденія.

Добро бы въ Индіи, въ Китаѣ, но у насъ на Руси, признаюсь, не ожидалъ я подобнаго дива и если бы не видѣлъ его собственными глазами, то не повѣрилъ бы.

Подъ свѣжимъ и сильнымъ впечатлѣніемъ этого случая

возвратился я домой въ усадьбу и за вечернимъ чаемъ разсказываю о немъ моимъ хозяевамъ.

— А вы развѣ не знали?—отвѣчаютъ мнѣ:—да это что еще!.. Онъ у насъ и не такія штуки иногда выкидываетъ! Скликаетъ, напримѣръ, къ себѣ на пасѣку всѣхъ гадовъ со всего околодка и въ рѣшетѣ ихъ держитъ до перваго праздника.

— Такъ, стало-быть, вотъ чѣмъ занимался онъ этою ночью! домекнулся я и кстати разсказалъ о моемъ ночномъ посѣщеніи Остапа.

— Ну, такъ!—воскликнулъ мой хозяинъ:—это онъ навѣрное змѣй скликалъ! Онѣ у него всѣ подъ особыми кличками, по породамъ и возрастамъ: которая Марьянка, которая Горпина, Оксана и разныя тамъ другія.... Завтра къ тому же воскресенье,—вотъ онъ ихъ и подготавливаетъ къ празднику.

Я поинтересовался узнать, зачѣмъ именно къ празднику.

— А видите ли,—объяснили мнѣ:—старикъ любитъ иногда крючокъ водки въ праздникъ хватить, но денегъ ему жаль на это, скупенекъ таки, не любитъ тратить на пустое, вотъ змѣи и добываютъ ему водку.

— Это какимъ же образомъ?—изумился я.

— Да вотъ подите завтра послѣ обѣдни къ корчмѣ, сами увидите.

Послѣ этого мой интересъ и любопытство къ дѣду Остапу не то что удвоились, а удесятерились и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ завтрашняго утра.

Наконецъ оно настало.

Обѣдня только-что кончилась и народъ въ своихъ праздничныхъ уборахъ повалилъ изъ церкви на площадь, «на погулянки». Въ церковь понаходило и понаѣхало на возахъ много прихожанъ изъ сосѣднихъ хуторовъ и деревушекъ. Изъ пѣшеходовъ наиболѣе обстоятельные люди, еще у ограды поснимавъ съ ногъ свои новые смазные чоботы, позабирали ихъ въ руки, или понавѣсили на дорожные посохи и побрели по-добру по-здорову во-свояси; но большинство, и въ особенности молодежь обоего пола, оставалось пока еще въ селѣ «на погулянкахъ».

Тутъ же на сельской площади помѣщалась и гостепріимная корчма. У ея порога, подъ навѣсомъ, на «призьбѣ» уже расположилась бродячая цыганская музыка, приглашенная ради праздника предусмотрительнымъ корчмаремъ. Убогая скрипица, свирѣль и бубенъ шумно наигрываютъ забористаго «гопака». Дивчата и молодухи въ пестрыхъ ситцевыхъ

«сподницахъ», съ цвѣтными яркими «хустками» на головахъ, уже схватились между собой за руки, стали въ кружокъ и готовятся начать «горлицу». Между тѣмъ мужики и нѣкоторыя бабы отправляются въ корчму хватить малую толику ради праздника и «побалакать» со знакомыми; тамъ батрачка наймытка уже чуть не сбилась съ ногъ и мечется во всѣ углы какъ угорѣлая, нацѣживая изъ бочекъ и разнося гостямъ напитки—тому крючокъ водки, этому кварту пива, а шинкарь Янкель и его «мадамъ» только поспѣваютъ обирать выручку и давать сдачу, уже заранѣе потирая руки отъ предвкушенія хорошихъ барышей; ихъ замурзанные жиденята въ ермолкахъ и лапсардакахъ съ наслажденіемъ грызутъ и сосутъ свои праздничные бублики.... Уже довольнотаки народу скопилось и внутри корчмы, и около, какъ вдругъ съ надворья раздались чьи-то предупреждающіе визгливые крики:

— Гадючій дидъ иде! Горпинки несе!... Дидъ!... Ховайтеся, добри люде,—дидъ зміиный!

Въ толпѣ тотчасъ же обнаружилось особенное волненіе. И вотъ, дѣйствительно, идетъ чрезъ площадь старый Остапъ, опираясь на посохъ. Поверхъ чистой сорочки на его плечи накинута сѣрая суконная свита. Мимоходомъ онъ сановито кланяется тому-другому промежь народа и переступаетъ порогъ корчмы. Дѣдъ ничего еще не успѣлъ ни сказать, ни сдѣлать, а дѣвчата и дѣти уже съ визгомъ кинулись отъ него во всѣ стороны, сопровождаемыя веселымъ смѣхомъ пàробковъ. Вотъ онъ сѣлъ въ корчмѣ на лавку, тихо спустилъ съ плечъ свою свитку—и вдругъ съ его шеи поползли Горпинки, Марьянки, Оксанки.... Все, что было въ горницѣ, гурьбой ударилось бѣжать вонъ, тиская и давя другъ друга. Поднялся визгъ неистовый. Мадамъ-шинкарка, съ крикомъ «киндеръ а-векъ!» спѣшитъ убраться со своими жиденятами въ другую комнату и захлопнуть за собою дверь; самъ Янкель въ ужасѣ вскакиваетъ на стойку и, вопя, подбираетъ полы своей хламиды, а змѣи дѣда Остапа расползаются во всѣ стороны, вьются въ кольца, изгибаются, чуть не прыгаютъ какъ бѣшеныя, шипятъ и разѣваютъ пасти, показывая трепещущія жалы, межъ тѣмъ какъ самъ дѣдъ, съ полузакрытыми глазами, словно утомленный, спокойно и неподвижно сидитъ себѣ на лавкѣ, прислонясь къ стѣнѣ спиной. Янкель начинаетъ слезно умолять его, чтобъ онъ «купилъ сибѣ» сколько хочетъ водки, только бы убралъ поскорѣе своихъ Горпинокъ. Остапъ подходитъ къ бочкѣ, нацѣживаетъ себѣ крючокъ, затѣмъ обращаясь съ поклономъ къ Янкелю, по-

здравляетъ его съ праздникомъ и медленными глотками, не отрываясь отъ крючка, выпиваетъ здоровую порцію водки. Крякнувъ отъ удовольствія и обтеревъ усы рукавомъ сорочки, онъ садится на прежнее мѣсто и начинаетъ тихо посвистывать.

И вотъ, нѣсколько мгновеній спустя, змѣи вдругъ прекращаютъ свои порывистыя, судорожныя движенія. Силой ли этихъ магическихъ посвистовъ или чѣмъ инымъ успокоенныя, онѣ впадаютъ въ состояніе сонливой апатіи и тогда начинаютъ медленно сползаться изо всѣхъ угловъ къ дѣду Остапу. Тутъ онъ беретъ ихъ одну за другою обѣими руками и, перебрасывая черезъ голову на затылокъ, надѣваетъ себѣ на шею, совершенно такъ, какъ дѣлаютъ бабы съ мотками нитокъ. Чрезъ минуту все это живое ожерелье уже спрятано у него подъ накинутою на плечи свиткой и дѣдъ съ поклономъ удаляется во свояси.

— Спасыби вамъ, добри люде! Гуляйте соби зъ Богомъ!

Понятно, что дѣдъ Остапъ внушалъ толпѣ суевѣрный ужасъ къ своей особѣ и не даромъ слылъ въ народѣ за колдуна, подъ характерною кличкой «Змѣинаго дѣда». И замѣчательно вотъ что: за весь его долгій вѣкъ не было примѣра, чтобы при подобныхъ добываніяхъ праздничной выпивки кто-нибудь былъ ужаленъ Горпинками дѣда Остапа: при немъ онѣ положительно были безвредны.

Послѣ этого послѣдняго случая въ корчмѣ, которому я былъ личнымъ свидѣтелемъ, еще болѣе захотѣлось мнѣ вывѣдать, какимъ образомъ достигаетъ онъ такой власти, такого обаянія надъ ядовитыми змѣями? Почему онѣ безусловно покоряются его волѣ и становятся въ его рукахъ окончательно безвредными?

Дѣдъ на это только усмѣхнулся.

— Я зъ ими що хо́чу, то и ро́блю,—отвѣчалъ онъ:—воны у ме́не на послугахъ, и якъ я закажу имъ на якого человика, то и того человика не посмѣютъ вжалыть по викъ.

— А можешь сдѣлать и такъ, чтобъ укусили?—спросилъ я.

— Могу,—подтвердилъ змѣиный дѣдъ, но прибавилъ:—того я нико́лы не роблю, бо грихъ велыкій.

— А если кого укуситъ, ты можешь вылѣчить?—продолжалъ я.

— Эге!—мотнулъ онъ утвердительно головой:—тильке не зиллями и не олiями, а просто зъ на́шепту. Слово заповидне, за́говоръ такій маю, одъ батька доставсь мени, а батьку ще й одъ прадидовъ, изъ вика у викъ переходыть....

Я предлагалъ Остапу деньги и деньги для него весьма не малыя за открытіе мнѣ его секрета, но онъ не согласился.

— Ни, паночку; не можно, бо не продажне, а заповидне, кажу вамъ. И кабы вмираты малъ, то предъ смертью я бъ вамъ и такъ сказавъ, за да́рмо, а за гро́ши не можно, бо увся сыла одыйде, и ни вамъ, ни мени зъ того добра не буде.

Нѣсколько лѣтъ спустя я узналъ, что Остапъ умеръ на девяносто шестомъ году отъ рожденія и умеръ тихо, безъ страданій, не бывъ даже ничѣмъ боленъ и работая у себя на пасѣкѣ еще за день до смерти, которая пришла къ нему такъ естественно и спокойно, какъ легкій сонъ къ утомленному человѣку. Но открылъ ли онъ кому свое «заповѣдное слово», или унесъ его тайну съ собою въ могилу—не знаю.

КОНЕЦЪ.

FL. 28.7-69

Khvoshchinskaia, Nadezhda
Dmitrievna
Na travie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY